

А. З. БРИСКИН

ЗЕМЛЯ , ВОЗДУХ :

ВЕСЕЛЫЕ КОМАНДИРОВОЧНЫЕ ЗАРИСОВКИ

/ НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ /

ЛЬВОВ

2002-2013

СОДЕРЖАНИЕ

<i>ЧАСТЬ 1</i>	2	<i>ЧАСТЬ 2</i>	44
КРАСНАЯ СТРЕЛА	2	УХА НА ОБИ	44
АНАНАСОВЫЕ УИК-ЭНДЫ	8	“НАВИПРОСТЕЦЬ”	50
“ИНОСТРАНЕЦ”	10	ПРЕКРАСНЫЙ НАПИТОК	53
КОМАНДИРОВОЧНОЕ «ЧРЕВОУГОДИНЬЕ»	13	КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ	55
РАЗБИТАЯ ТАРЕЛКА	16	СУВЕНИРНАЯ ПУШЕЧКА	57
ЗЕМЛЯ – ВОЗДУХ	20	17 МОЙ АДРЕС: СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ...	59
Т.Д.	28	«БЕЛЫЙ ЧЕЛОВЕК»	61
НЕПРОЧИТАННОЕ ПИСЬМО	32	«ОЛЕГЗЮПОВ»	66
АРМЯНСКИЙ СЕМИНАР	38	СПИРАЛЬНЫЕ ВИЛКИ	70
КАЦО	41	А ЕСТЬ ТАКОЙ САМОЛЕТ ?...	75

КРАСНАЯ СТРЕЛА

Шел 1967 год. Львовский телевизионный завод бурно развивался: проектировался Ленинградским проектным институтом, и параллельно возводился новый огромный производственный гигант – самое крупное специализированное телевизионное производство в Советском Союзе. Так что в это время, директорат завода и руководители основных технических отделов подолгу «сидели» в Ленинграде у проектировщиков.

Я работал в бюро новой техники отдела главного технолога завода, и, как раз, курировал в отделе технологическое проектирование новых цехов и новые технологические процессы, которые предполагалось внедрять на строящихся производственных площадях.

9 ноября (сразу после двухдневных Ноябрьских праздников, которые, в те годы, отмечались «очень бурно»), в 9 часов утра в огромный зал, где располагался отдел главного технолога (в нем сидело человек 50 сотрудников), вошли директор завода Степан Остапович Петровский, главный инженер Николай Александрович Ванник и заместитель директора завода по капитальному строительству Маркопольский.

Так как Степан Остапович часто практиковал или перед праздниками, или сразу после них, «набеги» на управленческие и инженерные службы завода с последующими «разносами» за предпраздничное безделье или длительную послепраздничную «раскачку», мы все решили, что очередной раз попали «под горячую руку». Но в этот раз дело было в другом.

В связи с тем, что главный технолог, еще раньше, ушел по делам в один из цехов, то начальство принимал его заместитель – Анвар Исмагилович Шамматов.

(Анвар Исмагилович – седой крепкий среднего роста - человек военный, полковник в отставке, свято уважал субординацию и чтит начальство. Мы проработали потом с ним много лет в разных подразделениях завода, и в глубине души, наверное, со временем оба почувствовали взаимную симпатию, но в те годы он никак не мог смириться, что какой-то юнец (а мне тогда было 26 лет) мог позволить себе отстаивать свое мнение не только в споре с ним, но и с более высоким начальством.

В отличие от него и директор, и главный инженер завода, приучали меня - молодого инженера, тогда только изучавшего азы комплексного подхода к решению любой задачи, к выработке собственного мнения о путях решения проблемы и нахождению необходимой аргументации для защиты этого мнения. За что я остался благодарен им на всю жизнь.

Поэтому, чтобы избежать ненужных споров и обид главный технолог подчинил меня непосредственно себе, чем уже нанес незабываемую обиду гордому татарину)

Начальство расселось с Шамматовым вокруг стола в «кабинете главного технолога» (выделенном для него уголке зала), и они что-то оживленно стали обсуждать.

Отдел «старательно работал» , но все из под-лобья отслеживали каждое движение в «кабинете главного».

Потом Шамматов подозвал к столу меня с планировками, вновь строящегося, сборочного цеха. В завязавшемся общем разговоре, я неосторожно (в который уже раз !) опроверг, высказанное по какому-то поводу, мнение Анвара Исмагиловича.

- Когда разговаривают старшие по возрасту и чину, младшим положено молчать, - вскипел Шамматов.

- Хорошо. С Вашего разрешения, я это буду делать за своим рабочим столом. Извините, - с побелевшим от обиды лицом, сказал я, обращаясь к руководителям завода, и пошел к себе за стол.

Через минут пятнадцать директорат поднялся и ушел.

Я понимал, что скандала не избежать, и прикидывал, какие будут для меня его последствия.

Через час в отделе появился главный технолог - Евгений Иосифович Копчак. К нему сразу подошел Шамматов, и начал докладывать о приходе директора. Потом явно стал возмущаться моим поведением, потому что начал резко жестикулировать, и время от времени поворачивать голову в мою сторону. Все с интересом наблюдали – чем же это закончится?.

Меня подозвали к столу главного технолога.

- Аркадий, почему Анвар Исмагилович снова на тебя жалуется ? Я надеюсь, что это будет в последний раз, - совершенно индифферентно и устало произнес Евгений Иосифович.

Я промолчал, поэтому возникла небольшая пауза – все стороны не понимали, что же делать дальше

- Степан Остапович, по результатам того , что ему только что доложили, дал указание, - совершенно другим голосом продолжил Копчак, который оказывается уже успел побывать у директора, - сегодня вечером мы вместе с ним уезжаем к проектировщикам в Ленинград. Поедет Ванник, Маркопольский, начальник ОКСа завода Левиненко, я , ты и Ричард Сосульский (начальник бюро деревообработки ОГТ). Так что, пожалуйста, подготовься и возьми все необходимые бумаги.

Теперь уже с побелевшим лицом стоял Шамматов: это он обо всем докладывал начальству, а в такую престижную командировку с руководителями завода взяли не его, а опять этого «зарвавшегося» юнца – вновь нанесли незабываемую обиду .

- Евгений Иосифович, - удивленно произнес я , - но ведь на Ленинград авиарейсы только утром, а поезда через день. Сегодня как-раз нет поезда. .

- Погода плохая - нелетная, и Степан Остапович принял решение ехать поездом до Москвы, а оттуда добираться в Ленинград. Сейчас занимаются заказом билетов на поезд Прага-Москва.

Где-то через часа полтора в отдел позвонила секретарь директора Ирина Зиновьевна, и попросила меня (как самого молодого из командированной в Ленинград компании) забрать на вокзале заказанные семь купейных билета. Вокзал находился рядом с заводом , и уже через полчаса я занес Ирине Зиновьевне четыре билета, оставив у себя билеты: мой, Копчака и Сосульского.

Пражский поезд на Москву тогда уходил часов в 9 вечера. Стоянка во Львове была всего 10 минут. За полчаса до отхода поезда я появился на перроне. Там уже стояли, ожидая остальных, Ванник, Копчак и Сосульский, одновременно со мной подошли Маркопольский и Левиненко. Не было только директора.

По блестящим, веселым глазам Ванника и его покрасневшему лицу, можно было предположить, что поужинал он перед поездкой достаточно плотно и, при этом, «прокинул» пару рюмок.

- Брискин, а где же наши билеты на поезд, - посмеиваясь, начал он приставать ко мне.

Все повернулись в мою сторону.

- Я их отдал Ирине Зиновьевне, и она сказала, что передаст их Вам лично, - достаточно осторожно ответил я.

- Нет у меня никаких билетов, - Ванник довольный собственной шуткой, сладко зевнул

- Ну , что ж поделать, тогда в Москву придется ехать только нам – Копчаку, Сосульскому и мне, - поддержал шутку я.

Все рассмеялись.

В это время на перроне с маленьким портфелем в руке появился Степан Остапович, за которым его шофер Костя нес дорожный портфель и преогромную сетку, как видно, набитую всяческой снедью.

Пока они дошли до нас, Николай Александрович успел задать риторический вопрос:

- Зачем же я дома поужинал?

Костя отдал сетку нам, попрощался и ушел

Подошел поезд. Мы еще минут пять постояли, разговаривая возле нашего вагона, потом Степан Остапович сказал:

- Ну, давайте будем садиться . Николай Александрович, давай билеты.

Ванник растегнул пальто, и полез во внутренний карман пиджака. Задумался, начал ощупывать другие карманы пиджака и брюк.

Все оторопело смотрели на него . Его красноватое лицо начало медленно бледнеть, одновременно с багровеющим от гнева лицом Петровского.

- Как видно, билеты выпали из костюма, когда я переодевался, - наконец выдавил из себя, совершенно растерявшийся, наш главный инженер. - Копчак, может Костя еще не уехал, давай быстро ко мне домой !

Копчак «рванул» по перрону.

- Копчак, стой ! - остановил Степан Остапович, - до отхода поезда четыре минуты.

Я вытащил три билета, и протянул их директору.

- Хорошо, давайте вы втроем догоняйте на Косте поезд в Тернополе, - сказал Степан Остапович, и поднялся вместе с Ванником, Маркопольским и Левиненко в вагон. (Тернополь был первой остановкой этого скорого поезда после Львова)

Мы пошли звонить на завод, чтобы ночной дежурный по заводу задержал Костю в гараже, и предупредил его о распоряжении директора срочно ехать в Тернополь, понимая как он будет «чертыхаться» - кому хочется в ночь ехать за 140 км и назад. И это - вместо теплой постели!

Когда мы добрались до завода, машина стояла уже «под парами». Заехали домой к Ваннику – билеты действительно лежали на полу возле шкафа с одеждой, и «помчали» на Тернополь.

Было уже совершенно темно и сыро - моросил небольшой дождь.

Не успели мы выехать за предместье Львова – Винники, как нас остановил патруль ГАИ.

Молодой лейтенант потребовал у Кости путевку. Таковой конечно не было – отъезд, да и еще за город, был ведь совершенно неожиданным.

Из машины выскочил Копчак, и размахивая своим удостоверением главного технолога одного из самых больших львовских заводов, начал доказывать, что он выполняет особое личное указание всем известного в городе С.О.Петровского.

- Не знаю какое указание выполняете Вы, - спокойно ответил гаишник, - но у меня складывается впечатление, что Вы не совсем трезвы.

Копчак, опешивши и растерявшись, замолчал. Драгоценные минуты уходили.

На помощь Копчаку из машины вышел Ричард.

Ричард, среднего роста, интересный, чрезвычайно интеллигентный и воспитанный мужчина лет 35, поляк по национальности, очень быстро договорился с лейтенантом, что разбираться Костя с ним будет на обратном пути - часа через два. Оставили гаишнику Костины водительские права, в талоне сделали соответствующую карандашную запись, и поехали дальше.

Сидевший впереди Копчак, все время торопил Костю, но в ответ только слышал спокойную сентенцию о том, что у Кости дома остались дети, которых надо еще вырастить. Мы с Ричардом тихонечко хихикали сзади: начало командировки с высоким начальством, нам явно нравилось *(сейчас только, написав эти строки, обратил внимание, что сегодня 9 ноября 2004 г., т.е. прошло, с момента описываемых событий, ровно 35 лет. Какими же мы были тогда беззаботными и жизнерадостными ?!.)*

Когда в Тернополе мы въехали на привокзальную площадь, на высокой насыпи перрона увидели стоящий наш поезд. Выскочили из машины, и побежали через вокзальное здание на перрон, все время уступая «пальму первенства» в этом забеге нашему главному технологу. Вокзал после праздников был забит людьми, ожидающими поезда, и скорость нашего забега была не очень велика. Выскочиший первым на перрон, Евгений Иосифович еще успел «поцеловать» задний тамбур последнего вагона, уже набравшего скорость, поезда «Прага-Москва».

Но Копчак был неутомим: команду директора необходимо было выполнить.

- За мной ! - скомандовал он, и понесся в обратном направлении. Мы кинулись за ним.

Вернулись на привокзальную площадь. Наша «Волга» еще не уехала: отдыхая, Костя протирает стекла машины. Копчак, запыхавшись, подбежал к машине.

- Костя, на Хмельницкий !

- Нет, не поедет, Евгений Иосифович. Бензин закончился, пока найдем заправку и заправимся – потеряем очень много времени.

В этом что-то было, и Копчак вынужден был согласиться (как потом оказалось этот поезд, в то время, в Хмельницком не останавливался – это была бы уже непревзойденная трагикомическая ситуация)

Прощавшись с Костей, медленно пошли назад в здание вокзала.

Огромная толпа стояла возле касс. Ближайший поезд на Москву был часа через три с половиной – где-то около трех часов ночи .

Направились к дежурному по станции. В те годы продукцию нашего завода – телевизоры «Огонек» и «Электрон» знало и уважало большинство жителей Советского Союза, и естественно, мы всегда пытались использовать, вытекающие отсюда, выгоды представителей такого завода.

Объяснили дежурному по станции ситуацию, показали четыре имеющихся билета на ушедший поезд, и попросили отправить телеграмму на следующую станцию, о том что четвертый билет для «зайца» Левиненко имеется. Дежурный пообещал постараться посадить нас на следующий поезд на Москву.

Мы поднялись на второй этаж. Присесть, естественно, было негде, Остановились в углу, возле уже закрытого газетного прилавка. Копчак вытащил из портфеля начатую бутылку импортного коньяка с пестрой наклейкой полуобнаженной танцовщицы (такой коньяк в те годы был большой редкостью) и грустно, ни к кому не обращаясь, произнес:

- А как хорошо они сейчас в вагоне «сидят».

Но мы, вытащив из своих сумок припасы, тоже не плохо «постояли».

Когда пришел следующий московский поезд, оказалось, что на него ни одного билета нет. Но заспанный дежурный по станции решил выполнить свое обещание. Он повел нас к начальнику поезда – приятной женщине лет сорока–сорока пяти, которую пришлось разбудить.. Объяснил ей, что мы отстали от поезда, и нас обязательно надо отправить в Москву. Женщина удивленно посмотрела на трех мужчин, в руках у которых были дорожные портфели и билеты из Львова до Москвы на поезд, от которого они якобы отстали в Тернополе. Потом сказала, что в поезде действительно нет ни одного свободного места, но через четыре часа освобождается купе. Если мы хотим, то можно провести эти четыре часа в коридоре вагона, а потом уже переместиться в купе. Мы конечно «захотели».

Действительно, после несколько утомительного ночного четырехчасового ожидания в коридоре, дальше до Москвы мы ехали комфортабельно – втроем в купе. К нам даже никого не подсаживали, и отказались взять деньги за проезд, потому что у нас были билеты до Москвы. (И такое бывало в те годы).

Этот поезд в Москву прибывал в половине одиннадцатого вечера. Поезд же «Прага-Москва» прибыл в Москву где-то раньше на три часа. Копчак волновался: как же мы найдем начальство (как Петровский собирался дальше добираться до Ленинграда он не знал).

Я уверенно сказал:

- Они поедут в Ленинград поездом, который отправляется с Ленинградского вокзала в 23 часа 55 минут.

- .....??? – взгляд обоих моих попутчиков был красноречив.

Но я решил сыграть роль провидца:

- Вот увидите, так и будет.

(А дело было в том, что где-то за месяц-два до описываемых событий, в телевизионной передаче «Театральные встречи» Сергей Юрский исполнял вокальную миниатюру, в которой были слова о том, что каждый вечер « ...в двенадцать без пяти с платформы первого пути...» отправляется поезд «Красная стрела» из Москвы в Ленинград, и тоже самое в обратном направлении. Понимая, что руководство завода попытается добираться до Ленинграда в комфортабельных условиях, а фешенебельная «Красная стрела» их устроит и по времени, я и решил быть магом)

Так как у моих спутников не было других вариантов, то и решили, что быстро переберемся с Киевского на Ленинградский вокзал, а там увидим...

Приехав на Ленинградский вокзал Копчак с Сосульским остались на перроне возле поезда (вдруг увидят потерянных руководителей) , а я побежал брать билеты.

Возвратившись на перрон, увидел своих спутников, беседующих с космонавтом, Героем Советского Союза, полковником Беляевым («Электрон» был одним из шефов отряда космонавтов), который сказал, что он уже видел Петровского и его спутников, сающихся в этот поезд.

Я ликовал !

Каково же было наше удивление, когда зайдя в вагон, в который я купил билеты, мы попали в объятия нашего главного инженера. Оказывается они приобрели билеты в этот же вагон.

Николай Александрович рассказал, что он уже вторые сутки «не находит себе места» – как же мы доберемся до Ленинграда, уже подсчитал сколько денег он нам должен за вторично купленные билеты и т.д. А сейчас, уже в поезде, совсем приуныл, а Степан Остапович, спокойно, усевшись читать газету, ему сказал:

- Ну что ты нервничаешь , Николай Александрович? Вот увидишь минут через пять-семь они войдут в наш вагон.

Как Петровский это почувствовал, остается непонятным для всех нас и по сегодняшний день (Это же не мое обоснованное «предвидение»).

В Ленинграде мы все сначала поехали в гостиницу «Европейская», где для Петровского, были забронированы места, но сколько – никто не знал. Оказалось, что был забронирован один номер, но четырехместный. Поднявшись на нужный этаж, увидели огромную комнату с позолотой на стенах и потолке (старая купеческая гостиница в самом центре Санкт-Петербурга), но с общими удобствами в коридоре. Так как наш директор был человеком чрезвычайно общительным, и любил в командировке проводить время в кругу своих сотрудников, то он решил, что здесь остановится сам с Ванником, Маркопольским и Левиненко.

- А где же устроитесь вы втроем? – обратился он к Копчаку.

- Степан Остапович, нам проектировщики обещали забронировать места в гостинице «Россия». Так что, спасибо, не беспокойтесь.

Договорившись о времени встречи в проектном институте, мы втроем поехали в гостиницу «Россия». Там оказалось, что для Копчака был забронирован один маленький одноместный номер и ... все. Больше свободных мест в гостинице не было.

- Ну, ничего ребята, поместимся в этом номере втроем, - несколько кисло произнес наш главный технолог. Такой вариант ему по каким-то личным причинам явно не нравился.

Мы с Ричардом решили оставить пока вещи в номере Копчака, и попытаться самим устроиться в какой-то другой гостинице. Сразу поехали в огромную гостиницу «Октябрьская» в конце Невского проспекта. В холле гостиницы , у стойки администратора стояло человек тридцать жаждущих поселения. На стойке висела стандартная табличка «Извините. В гостинице свободных мест нет».

На переговоры с женщиной-администратором отправился Ричард. Как видно, его внешний вид холенного польского пана и западная манера ведения разговора, очень понравились ленинградской женщине, потому что через минут десять он вернулся и сказал, что нам выделили один полу-люкс. Поднялись в номер. Это были двухкомнатные апартаменты, естественно, со всеми удобствами, и с телефоном, телевизором, холодильником, баром и т.д.

Мы твердо решили - «не дразнить гусей», и об этом никому не рассказывать.

Поработав четверг и пятницу в проектном институте, я взял себе обратный железнодорожный билет во Львов на субботу с отправлением в 23 часа. Левиненко уехал еще в пятницу, директорат собирался уезжать в субботу вечером в Москву, в Министерство, а Копчак с Сосульским задерживались в Ленинграде еще на несколько дней.

В субботу утром, все мы – временная львовская диаспора в Ленинграде (верноподанные сотрудники Львовского телевизионного завода) собрались в номере гостиницы своего директора (это было неписанным правилом для заводских работников в командировке).

Уже позавтракавший, благодушно настроенный, Степан Остапович спросил:

- Что же мы сегодня будем делать ? Может быть поедом посмотрим культурные достопримечательности Петербурга? Но вы наверное уже почти все видели ? – он внимательно посмотрел на окружавших его, и почему-то молчащих, сотрудников.

Начался персональный опрос «с пристрастием». Но только некоторые из нас смогли сообщить, что бывали в Эрмитаже (и чувствовали себя чрезвычайно гордыми за свой «высокий» культурный уровень).

Тогда, этот уже немолодой, человек, получивший в молодости минимальное образование, но непрерывно всю жизнь работающий над собой, возмущенно воскликнул:

- Да что же вы делаете, месяцами сидя, в Ленинграде? Только по кабакам да по бабам шляется?!

Все смущенно молчали. Петровский подошел к телефону, и попросил, на ленинградском телевизионном заводе им, Козицкого, микроавтобус «РАФ».

И всю субботу знакомил нас не со значными местами Ленинграда, а с его историческим наследием. Мы побывали и в Домике Петра, и в Петропавловской крепости, и в Летнем саду, и в Эрмитаже, ... К концу дня, попав в Русский музей, уже мало что соображали и ног под собой не чувствовали. Для одного дня эмоциональная и физическая нагрузки были слишком велики. Но увиденное за день оставило, по-моему, неизгладимый след в нас всех. Во-всяком случае, я думаю, что сам я не сумел бы побывать во всех этих незабываемых местах за все свои посещения Ленинграда. (Вот так, когда-то настоящий Директор занимался всесторонним развитием своих сотрудников!).

Часов в шесть вечера, мы все пошли пообедать-поужинать в первоклассный ресторан «Садко» при гостинице «Европейская». Запомнилось, что Степан Остапович, определявший меню обеда, попросил принести в качестве закуски, отсутствовавшие в меню, отварную картошку с солеными балтийскими кильками, и его просьбу выполнили (специально отварили картошку). Вообще, и стол, и общение за столом были чрезвычайно просты и демократичны. Когда принесли счет, Петровский быстро разделил сумму на всех, и сказал:

- С каждого по 10 рублей.

Все полезли по карманам. Ко мне наклонился Ричард, и попросил заплатить за него, потому что у него только крупные купюры. Естественно, я положил на стол 20 рублей.

- Брискин, а что это ты положил двадцатку? – недремлющее око директора тут же определило ненормативное действие.

- Это и за меня, - робко вмешался Ричард. При всей демократичности, расстояние до директора было ого каким огромным, и не сокращалось никогда.

Так как директорат уезжал в Москву после 9 часов вечера с Московского вокзала, то решили сразу после ресторана пойти в гостиницу «Октябрьская» (которая стояла рядом с Московским вокзалом), и поиграть у нас в номере в карты, ожидая время отправления поезда.

Пока поднимались по Невскому к нашей гостинице, Николай Александрович осторожно «подначивал» директора: как же ему заказали в Ленинграде, хотя и в дорогой, престижной гостинице, но 4-хместный номер. Кто же это так хорошо работает, и в номере на сколько мест все они будут жить в Москве?

Мы шли позади и тихо посмеивались, слушая лениво-добродушную перепалку руководителей.

Вдруг Ванник остановился, и обратился ко мне:

- А у вас в номере мы хоть все поместимся ?

Тяжело вздохнув, я скромно ответил:

- Наверное поместимся.

Посмотрел на Ричарда. Его взгляд явно говорил, что ничего хорошего нам ждать не придется.

Поднялись к нам в номер. Скромно пропустили начальство вперед в аппартаменты , и остались с Ричардом в коридорчике, прислушиваясь к происходящему в комнатах.

Но там воцарила тишина, гости явно с интересом осматривали обстановку. Потом раздался громкий наигранно-возмущенный голос нашего директора:

- И кто же это живет в этом номере?

Нам с Ричардом пришлось зайти в комнату.

- Мы , Степан Остапович, - под общий смех окружающих, негромко и скромно, опустив головы , но с чувством собственного достоинства и неотвратимого возмездия, дружно произнесли скромные инженеры.

- Тогда, хозяева-снобы, быстро давайте карты - мы садимся играть, а вы закажите в номер для нас хороший крепкий чай.

А карт то у нас и не было, в чем мы сразу и признались. Самое смешное – оказалось, что их нет и ни у кого из присутствующих. Вот тут наш директор расвирипел уже не на шутку:

- Как нет карт? Вы на каком заводе работаете? Чтоб через пять минут карты были на столе !

Нас мгновенно “сдуло” из номера – побежали по соседним номерам искать злополучные карты. Минут через десять все сидели за столом , и наблюдали как Петровский, ” махлюя” в дурака, подначивает Ванника и Маркопольского, что они не умеют играть.

В 12 часов ночи, когда я укладывался спать в поезде “Ленинград-Львов”, легкая грусть обволакивала мои мысли: закончилась очередная командировка с такими необычными приключениями.

АНАНАСОВЫЕ УИК-ЭНДЫ

В так называемый период застоя (вторая половина 60-х – 70-ые годы XX века) «семерка», потом «девятка», наиболее высокоразвитых Министерств СССР (министерств, объединяющих предприятия оборонной промышленности) ежегодно проводила в Москве закрытую выставку своих достижений в области разработки, технологии и организации производства этой, весьма приоритетной в те годы, продукции. В январе-феврале 1968 года такая выставка проводилась в здании закрытого радиоэлектронного НИИ, недалеко от станции метро «Красносельская».

Экспозиция Львовского телевизионного завода состояла из двух частей: достижения завода в области новых технологий и в области автоматизации управления - только что сданной первой очереди автоматизированной системы управления предприятием (АСУП «Львов»).

За подготовку технологической части экспозиции на заводе отвечал, естественно, отдел главного технолога (а в нем - я), за экспозицию АСУП – так называемый в те годы, координационно-управляющий центр (КУЦ) завода .

(Это название связано с бытующими в то время, начала использования электронно-вычислительной техники в управлении предприятиями, надеждами на быстрый и полный переход предприятий от «ручного» управления на комплексно-автоматизированное.

Рассказывали, что в те годы директор завода Степан Остапович Петровский – великий мастер импровизации и весьма образных сравнений, показывая высоким гостям помещение машинного зала КУЦа и представляя достижения в области управления, говорил:

- Вот отсюда мы получаем 100 тысяч команд в сутки и ... все выполняем !

И что удивительно – все слушающие его государственные мужи, плохо разбирающиеся в терминологической разнице между программными и управленческими «командами», свято верили, что так оно и есть.

В последующем КУЦ, как и на других заводах, переименовали в отдел АСУП)

Чтобы не сидеть все время на выставке в Москве, мы подготовили для наших экспозиций стендистов-москвичей, и уехали во Львов.

Недели через две после возвращения из Москвы, в пятницу, в начале рабочего дня меня срочно вызвали в кабинет директора. Там уже находились главный инженер, главный технолог, начальник КУЦ Артур Федорович Земсков и начальник отдела научно-технической информации завода Софья Леонтьевна Маршавка.

Нам сказали , что в субботу, в 11 часов утра выставку в Москве собираются посетить заведующий отделом оборонной промышленности ЦК КПСС товарищ Сербин (лицо, совершенно недостижимое для нас простых смертных, на вызов которого Министры СССР прибывали немедленно) и наш Министр радиопромышленности СССР Валерий Дмитриевич Калмыков.

Поэтому, чтобы обеспечить качественное представление информации о нашем заводе, завтра в 6 утра в Москву должны вылететь Земсков и Брискин.

Приказ был выдан, Софья Леонтьевна обеспечила нам срочное получение командировочных удостоверений и денег, принесла билеты на самолет, и мы с Земсковым договорились встретиться, на следующий день в половине шестого утра, в аэропорту.

(Артур Федорович Земсков – человек совершенно неординарный, уже проработавший перед этим несколько лет главным технологом завода, оказал в последующем огромное влияние на формирование моих личностных и деловых качеств. В то время ему было 33 года, и он трагически погиб в 37 лет. Я сейчас, почти в два раза старше его – живого, но до сих пор в некоторых вопросах удивляюсь и равняюсь на его жизненные и профессиональные позиции. Чего только стоит его сентенция: « Наказать подчиненного, когда тебя самого наказало более высокое начальство, - дело несложное и нехитрое. Ты попробуй наказать подчиненного за некачественно выполненную работу, когда над тобою «совершенно безоблачное небо» и ничто тебе не угрожает. Ох, как это сложно! Но тогда ты становишься настоящим руководителем, а не передающим звеном в вертикали управления»).

К 10 часам субботнего утра прибыли на выставку. Покрутились там до половины двенадцатого, и нам сообщили, что ни Сербин, ни Калмыков, сегодня на выставку не приедут. Отметили командировки, и оправались гулять по Москве. Приобрели авиабилеты во Львов на 19 часов, зашли в ресторан “Москва”, плотно и вкусно пообедали.

Но что-то же нужно привезти домой в подарок из такой “длительной и плодотворной” командировки в Москву!

В то время в Москве можно было купить в магазинах любые продукты, о которых во Львове только слышали. Поэтому решили купить домой по большому ананасу – красиво и не очень дорого. Что и сделали. И довольные собой и командировкой отправились во-свояси во Львов.

В понедельник, придя на завод, всем хвастались: в какой “классной” командировке побывали, и как здорово “закупились”. Нам явно завидовали и “намекали”, что так везет только “дуракам”, да и то - только один раз в жизни.

Но в пятницу утром, по внутренней заводской радиотрансляционной сети, передали приказ: Земскову и Брискину срочно зайти в приемную директора. Когда я там появился (почти одновременно с Артуром), то увидел, что нас ожидает Софья Леонтьевна Марщавка с командировочными удостоверениями для нас в Москву и билетами на первый субботний авиарейс: в субботу, в 11 часов утра выставку должны посетить Сербин и Калмыков.

К 10 часам субботнего утра мы прибыли на выставку. Покрутились там до половины двенадцатого, и нам сообщили, что ни Сербин, ни Калмыков сегодня на выставку не приедут. Отметили командировки, и оправались гулять по Москве. Приобрели авиабилеты на Львов на 19 часов, зашли в ресторан “Будапешт”, плотно и вкусно пообедали. Купили домой по большому ананасу – красиво и не очень дорого. И, довольные собой, и командировкой отправились во-свояси во Львов.

Выйдя в понедельник на работу, рассказали друзьям-заводчанам о прекрасном продолжении , становящихся традиционными, субботних ресторанных обедов в Москве. Кто-то предложил назвать эту субботнюю операцию - “Ананасовым уик-эндом”

Артур на это заметил: “ Да будет над чем посмеяться и позавидовать самим себе, когда мы станем пенсионерами” (Ох, как это казалось далеко !)

Прошло две недели. В пятницу утром по внутренней заводской радиотрансляционной сети передали просьбу - Земскову и Брискину срочно зайти в приемную директора.

Когда мы там появились , то не очень удивились, что нас ожидает Софья Леонтьевна Марщавка с командировочными удостоверениями для нас в Москву и билетами на первый субботний авиарейс: в субботу в 11 часов утра выставку должны посетить Сербин и Калмыков.

К 10 часам субботнего утра мы прибыли на выставку. Покрутились там до половины двенадцатого, и нам сообщили, что ни Сербин, ни Калмыков сегодня на выставку не приедут. Отметили командировки, и оправались гулять по Москве. Приобрели авиабилеты на Львов на 19 часов, зашли в ресторан “Центральный”, плотно и вкусно пообедали. Купили домой по большому

ананасу – красиво и не очень дорого. И довольные собой, и Сербиным с Калмыковым, отправились во-свояси во Львов.

В следующую пятницу утром мне позвонил Земсков, и спросил:

- Ну что, завтра летим обедать в Москву ?
- А что, поступила команда ?
- Еще нет, но как же мы без обеда в ресторане «Метрополь» ?

Посмеялись... И потом еще недели три каждую пятницу с надеждой прислушивались к объявлениям по заводской радиотрансляции, но, к сожалению, нас уже никто срочно не вызывал в приемную директора.

P.S.

С Валерием Дмитриевичем Калмыковым я, наконец, встретился через два года, когда подписывался приказ Министра о создании СКБ системотехники и назначении Артура Федоровича Земскова его начальником, а с Сербиным – через года четыре, представляя ему на одной из выставок новейшие достижения в области АСУП.

***

Лет через 8-9, возвращался в январе месяце домой через Горький. Выйдя на привокзальную площадь, я вдруг почувствовал в морозном воздухе этого полузакрытого города сильный запах ананасов. Сразу пришла мысль, что начинается продолжение ананасовых уик-энд. Но, к сожалению, все оказалось значительно прозаичнее. В город, в магазинах которого, в те годы, не было ни масла, ни колбасы (но было много очень жирной свинины), завезли в большом количестве свежемороженые дольки ананасов. Когда они в витринах прилавков стали размораживаться, то город и окутал такой одурманивающий запах тропических фруктов.

«ИНОСТРАНЕЦ»

В конце 60-х годов прошлого столетия в Москве был построен новый гостиничный комплекс «Россия». Когда еще весь комплекс полностью не был сдан в эксплуатацию (по моему, функционировали только Восточное и Западное крылья гостиницы), электроновцы вместе с иностранцами уже начали его «осваивать».

Эта история произошла, когда я впервые жил в «России». Часов в семь вечера решил пойти прогуляться по Москве. Ниже этажом жили другие львовяне, поэтому хотел зайти к ним и предложить составить мне компанию. Накинул на плечи пальто (черное, приталенное - по моде тех времен), нахлобучил на голову шляпу (весьма элегантную, самую модную, с подвернутым вверх кантом, в таких тогда начали ходить, подстраивающиеся под западную моду, относительно молодые и молодящиеся члены Политбюро ЦК КПСС), и, выйдя в коридор, начал закрывать дверь номера.

Сзади ко мне кто-то подошел. Я обернулся.

Передо мною стоял молодой человек среднего роста, в джинсах и кожанной куртке (авангардный «прикол» того времени), который с улыбкой спросил:

- Бундесреспублик ?
- Ага, - подумал я, - говорит по немецки – значит немец.

Это глубокомысленное заключение заставило меня собрать все свои знания немецкого языка (а изучал его я в школе целых восемь лет: с третьего по десятый класс, и потом в институте еще два года), и с настоящим русским акцентом (я думал, что он похож на берлинский диалект) ответить:

- Найн. Зовьетунион.

Мой собеседник неожиданно резко повернулся и «сиганул» по коридору с такой скоростью, что через две секунды его «след уже простыл» за поворотом коридора, хотя этот поворот находился от моего номера в метрах пятнадцати.

Я растерянно смотрел ему в этот след, пытаюсь понять, что же произошло.

Наконец сообразил. Ко мне обращался, приняв меня за иностранца, обыкновенный советский «фарцовщик». Как видно он собирался приобрести у меня какие-нибудь заграничные тряпки. Поняв свою ошибку, и боясь неприятностей, он и бросился наутек.

Но в глубине души я все же был очень доволен, что мой имидж заставил нашего, как видно, знающего толк в иностранцах, спекулянта - так ошибиться.

Как видно, и помня этот забавный эпизод, я через несколько лет самоуверенно согласился сыграть роль иностранца.

Часто бывая в Москве в командировках, я всегда старался не оставаться в ней на выходные дни. В субботу-воскресенье все знакомые москвичи, занимались собою, своими семьями, а собратья-командировочные успевали надоесть за неделю. Поэтому старался заканчивать решение командировочных вопросов в пятницу, и уезжать домой, или, если было продолжение командировки в другие города, то, по-возможности. уезжать на выходные туда.

(Вспоминается такой забавный случай. Задержавшись в конце лета в Москве, скучая , прогуливался субботним вечером по Садовому кольцу. Часов в семь, поднявшись по Кольцу почти до улицы Горького, зашел в гастроном. Что-то в этом гастрономе было не так, необычно. Осмотрелся и понял. Вся огромная площадь гастронома по периметру была заставлена до потолка ящиками, с копошащейся в них какой-то зеленоватой живностью.

Оказалось, что по каким-то причинам Франция отказалась от поставки партии живых советских раков, и всю партию завезли в этот гастроном.

Я никогда в жизни не видел, чтобы живых раков – такой вкусный «дефицит» продавали в государственной торговле, да еще в таком количестве. И как истинно советский человек встал в небольшую очередь за неожиданным везением. Килограмм раков стоил что-то около трех рублей. Поэтому я купил два килограмма живых раков, которые мне завернули в большой конусообразный бумажный кулек, длиною почти полтора метра.

И только выйдя из гастронома с этим огромным кульком, из-за которого меня совсем не было видно (да и я плохо видел что-то вокруг себя), я задумался – что же делать с этими живыми раками. Жил я в гостинице – там, естественно, варить раков было негде. Куда же податься?

А в огромном кульке раки устроили настоящую потасовку: от их борьбы гул стоял такой , что прохожие удивленно и настороженно начали на меня оглядываться.

Подошел к телефону-автомату. Жонглируя кульком и записной книжкой, начал набирать номера телефонов знакомых москвичей. Как и следовало ожидать – телефоны в теплый летний субботний вечер не отвечали: кто-то уехал за город, кто-то пошел в театр, а другие, как видно, просто гуляли по городу, вдыхая вечернюю прохладу после жаркого дня.

Что же делать ? Не выбрасывать же такое неожиданно привалившее лакомство?

Наконец один из телефонов ответил. На радостях я не спросил хозяев хотя ли они меня видеть, только попросил поставить на огонь большую кастрюлю с подсоленной водой. Сказал, что через час , буду у них – добираться нужно было на окраину Москвы).

Но однажды, году в 71-ом нам слевой Шубиным пришлось остаться на выходные дни в Москве.

Встав в субботу утром, мы начали решать – как же провести этот выходной день. Лева предложил пойти на дневной (в 12 часов) спектакль в Театр сатиры. На спектакли этого театра билеты и в будние дни «просто так» достать было невозможно. А тут в выходной день ! Я высказал свои сомнения. Но вальяжный, снобоватый и вылощенный Лев Викторович заверил, что на спектакль мы попадем.

- Только ты должен будешь сыграть роль иностранца, который по-русски не понимает ни слова, - предупредил меня мой напарник. Помня, как однажды меня уже принимали за иностранца, я легко согласился сыграть роль «немого».

Пришли в театр. В кассах, ни о каких билетах не могло быть и речи. Стояла толпа страждущих, надеющихся на чудо - неожиданное появление «лишнего билетика».

Лев Викторович попросил кассира вызвать администратора театра. Администратор пришел.

- Я работник внешнеторгового объединения Министерства внешней торговли СССР, - представился новоявленный Остап Бендер, то-биш Лева Шубин. – У нас возникла такая проблема: вчера к нам приехал наш торговый партнер из Югославии, - тут он показал на меня, стоящего рядом, внимательно вслушивающегося в их разговор и явно ничего не понимающего, - и сегодня вечером он уезжает домой. Наш югослав, - продолжал Лева, - много слышал о Вашем театре, и несмотря на то, что ни слова не понимает по русски, хочет обязательно попасть на спектакль.

Я продолжал явно вслушиваться в их переговоры, переводя глаза с одного на другого, демонстрируя свою заинтересованность, и полное отсутствие понимания. А в голове у меня копошился один вопрос: если Лева – Бендер, то какую роль играю я – Паниковского или Козлевича? На Балаганова я явно не тянул – не та весовая категория.

Администратор внимательно посмотрел на меня. Я изобразил самую, на мой взгляд, очаровательную улыбку. Но при этом мой рот не размыкался.

Администратора, в этой ситуации, явно что-то смущало. Он чувствовал, что что-то не так.

Но видимо многолетний опыт работы и общения с московскими сановниками разного ранга, не позволяли ему рискнуть и просто выставить нас вон. Он раздумывал: что же ему с нами делать. У меня уже появилась надежда посмотреть спектакль Театра сатиры.

Наконец администратор принял решение и обратился к Лева, все время посылая улыбки в мою сторону:

- Понимаете, в зале, действительно, на это представление нет ни одного свободного места. Если бы Вы были один, - сказал он Шубину, - то я бы посадил Вас на приставной стул. Но нашего иностранного гостя, - администратор послал в мою сторону очередную улыбку, - посадить на приставной стул...., Вы же сами понимаете - неудобно. Поэтому, когда югославский товарищ соберется в следующий раз в Москву, позвоните мне, пожалуйста, заранее, и я обеспечу Вам хорошие места в зале.

Хотя внутренне я слушал этот потрясающий ход администратора с огромным восторгом, очевидно внешне мы оба несколько растерялись, поэтому прощальная улыбка администратора была уже откровенно иронической.

«Иностранцем» я оказался неважным. Но вот одним из первых московских «иностранных шпионов-террористов» мне кажется удалось стать с успехом.

Однажды я не сумел достать на пятницу авиабилет Москва-Львов. Билеты были только на обеденное время в субботу. Поэтому, переночевав, часов в 9 утра, захватив с собою командировочный портфель, я рассчитался в гостинице, и отправился в универмаг «Детский мир» купить какой-нибудь подарок маленькому сыну. В универмаге увидел, прекрасно выполненные, пластмассовые, прозрачные настольные детские часы, производства ГДР. Часы были размером с 14-тидюймовый компьютерный монитор, все пластмассовые детали (шестерни, тяги, маятник и т.д.) были разноцветные. И, главное, часики «ходили»! Для этого нужно было только легонечко толкнуть маятник. Зрелище было потрясающее! Купил эти часы, упакованные в оригинальную красивую картонную коробку с ручками, и счастливый покинул «Детский мир».

Но до отлета самолета оставалось еще очень много времени. Надо было его как-то «убить».

Я еще не был в новом кинотеатре «Октябрь» на Калининском проспекте. Решил поехать туда, и заодно посмотреть премьеру какого-нибудь фильма. Действительно в «Октябре» шла премьера фильма «Судьба резидента» с Георгием Жженовым в главной роли. Сеанс уже начался, но мне продали билет и пустили в зал. В зале, на этом утреннем субботнем сеансе, было достаточно много пустых мест, так что в темноте я выбрал место, со свободными по обе стороны от меня креслами. Поставил на пол с одной стороны от себя портфель, с другой коробку с часами, и посмотрел на экран.

Фильм начался недавно, и я легко уловил пропущенный сюжет. С интересом следил за развитием событий на экране. Действительно был прекрасно поставленный советский детектив, с великолепной игрой актеров.

Но вот где-то во второй половине фильма, в эпизоде, когда в западногерманской резидентуре американской разведки шеф-резидент разговаривает со своим помощником, в фабуле фильма происходит что-то непонятное: в комнате резидента начинает явно слышится «тиканье» часового механизма, где-то заложенного взрывного устройства. Я лихорадочно и безуспешно

пытаюсь понять логику сюжета – ничего не получается. А взрывной механизм «тикает», и, самое удивительное, персонажи на экране не обращают на это никакого внимания!? Начинаю оглядываться: а как же отдаленные соседи. Они почему-то тоже крутят головами в разные стороны. А механизм «тикает», и постепенно головы всех зрителей начинают поворачиваются, со всех сторон, - в мою сторону ?

И тут меня осеняет ! Детские часы! Я, повидимому, увлекшись фильмом, толкнул ногой коробку с часами, и они “пошли”. А, оказывается, пластмассовый механизм детских часов издавал достаточно громкий звук. Наклонился и быстро рукой остановил маятник. “Тиканье” в зале прекратилось. Головы зрителей постепенно повернулись к экрану. Но до конца фильма я время от времени чувствовал, обращенные в мою сторону, взгляды то одного, то другого зрителя.

Подозрение в “терроризме” бытовало даже в те далекие спокойные годы.

КОМАНДИРОВОЧНОЕ ЧРЕВОУГОДИНЬЕ

У меня есть школьный приятель – Юра Медведев. Мы с ним проучились в одном классе 10 лет. Это был самый красивый мальчик в нашем классе, а может быть и во всей школе. Девочки всегда сходили по нему с ума. Но кроме того, что он был внешне интересным парнем, Юра был умным и чрезвычайно способным мальчиком: лучшим шахматистом в классе, и единственным в нашем классе «профессиональным» радиолюбителем.

И вырос он в высококлассного радиоинженера. В 80-х годах прошлого столетия Юрий Андреевич Медведев возглавлял более чем двухтысячный коллектив, в то время ведущего в СССР, Института телевизионной техники львовского объединения «Электрон».

Но значительно раньше, где-то в 1967 г , тогда еще совсем молодые инженеры Львовского телевизионного завода Юра Медведев и я, встретились в командировке в Москве.

После окончания школы виделись мы достаточно редко, несмотря на то, что уже несколько лет работали на одном заводе. Естественно, очень обрадовались встрече – было что вспомнить и что обсудить из сегодняшней жизни.

Но в памяти остались два момента этой встречи, характеризующие разносторонность моего школьного приятеля.

Во-первых, как я не сопротивлялся, он меня затащил на спектакль «Дни Турбиных».

В то время Булгаков в стране, мягко говоря, не очень почитался: «Дни Турбиных» было разрешено ставить только московскому театру им. Станиславского, все остальные театры страны (и, естественно, зрители) были лишены такого удовольствия. Постановка была уникальна, тем более что в ней принимали участие ведущие актеры страны. И это было так давно, что , к сожалению, уже покойный, Народный артист СССР Евгений Леонов мог себе позволить потрясающе сыграть в этом спектакле роль юного Лариосика. Так что до сих пор я благодарен Юре за подаренное мне удовольствие.

На следующий день Юра повел меня обедать в ресторан «Арагви». Так как я часто встречал упоминания об этом ресторане в книгах о старой купеческой Москве, мне этот поход был очень интересен.

Прекрасная тихая обстановка «Арагви» и великолепная кухня доставили большое удовольствие. Правда, когда на продолговатых металлических тарелочках подали распущенный горячий сыр «Сулугуни», я никак не мог понять как же его кушать. И Юра, поняв мое замешательство, взял вилку, «намотал» на нее «Сулугуни», и стащил его с вилки краем куса лаваша. Наука была преподана.

За соседним столом, в одиночку, обедал вальяжный, прекрасно одетый, мужчина лет сорока пяти, восточной наружности. Когда мы пришли в ресторан, он, повидимому, уже находился там довольно продолжительное время. На столе стояло несколько бутылок хорошего вина и, в ведерке со льдом, бутылка шампанского. По центру стола стояла большая трехкилограммовая открытая банка черной икры с воткнутой в нее столовой ложкой. Я, воспитанный в семье с весьма скромными достатками, был сразу потрясен таким роскошеством. И каждый раз, когда наш сосед подносил эту ложку ко рту, запивая несколькими глотками вина, я вынужден был отвлекаться от

получения полного удовольствия от прекрасных, поданных нам, блюд. Зависть – червь самопоедающий.

Когда мы пообедали и уходили, нашему соседу только начали подавать горячее.

***

Затем несколько лет мы с Медведевым в командировках не встречались.

А в 1970 г было организовано СКБ системотехники объединения «Электрон». Мы носились с химерной идеей поменять в Союзе всю гостированную технологическую документацию под требования АСУП – так как мы их видели. И были уверены, что своего добьемся. Ведь большинству из нас тогда было только до тридцати.

В конце лета ко мне, в сектор нормативного базы АСУП, пришла на работу Алла Медведева – жена Юры. Алла Сергеевна, тридцатилетняя очень интересная женщина, по специальности инженер-силикатчик, в то время не имела ни малейшего представления, что такое АСУП, и что собою представляет ее нормативная база.

Но, я решил, что за две недели она со всем ознакомится, и поедет в Москву «пробивать» вопросы изменения ГОСТов.

Тогда я четко выполнял все поставленные перед собою планы. Через две недели Алла Сергеевна получила командировочное удостоверение, спецдопуск и все необходимые документы для первой стадии решения вопроса в Головной организации по стандартизации Министерства радиопромышленности СССР – Московском Центральном конструкторском бюро «Эталон»

Как было положено в те времена в оборонной промышленности, все документы были оформлены по закрытому названию организации: Алла Сергеевна представляла организацию п/я № такой-то, и направлялась она в п/я № такой-то.

Но все-таки саму Аллу отправить в Москву я не рискнул, поэтому одновременно с ней поехал, по другим делам, тоже в Москву. Юра Медведев тоже нашел дела в Москве, и поехал с нами.

Все мы поселились в гостинице «Метрополь». На следующее утро каждый отправился по своим командировочным делам. Я с Аллой договорился встретиться в час дня возле гостиницы «Москва», чтобы она мне рассказала как прошла ее первая встреча в ЦКБ «Эталон».

Встретились. Алла Сергеевна рассказала, что достаточно легко нашла ЦКБ. Пропуск уже был заказан. Ее принял главный инженер ЦКБ. Алла развернула перед ним все наши грандиозные планы по реформированию ГОСТов на технологическую документацию в стране. Ее собеседник (как человек опытный, и понимающий все сложности и трудности изменения любого ГОСТа, не говоря уже об их комплексном «перекраивании») отнесся к нашим предложениям весьма осторожно. Но в воздухе уже тогда веяло новой всесоюзной «компанией» – по комплексной автоматизации процессов управления. Поэтому он обещал Алле более подробно разобраться с вопросом, и «прозондировать» перспективы его решения в Министерстве стандартизации СССР.

- Кстати, а какое открытое название носит наше СКБ? – вдруг, прервав свой рассказ, спросила Алла.

- СКБ системотехники. Надо бы уже это знать, - ответил я. – А почему ты вдруг этим заинтересовалась?

Оказывается, напоследок главный инженер ЦКБ попросил Аллу оставить свои львовские координаты, и спросил:

- А каково же открытое название Вашего почтового ящика?

И Алла, за две недели работы в СКБ, еще не запомнившая названия организации-работодателя, с легкой улыбкой, уверенной в себе, красивой женщины ответила:

- Ну, это, как Вы сами понимаете - секрет.

Оторопевшему главному инженеру ЦКБ, имевшему высший уровень допуска к секретным документам «оборонки», ничего не оставалось, как попрощаться с гостьей и проводить ее до дверей кабинета.

Прослушав этот рассказ, я неприлично громко смеялся прямо по центру Москвы, очень довольный находчивостью новой сотрудницы.

Решили, что сейчас зайдем в ЦУМ, и потом где-то пообедаем.

Переходя от гостиницы “Москва” к ЦУМу, возле Большого театра вдруг увидели, видимо кого-то поджидающего, Юру. Он нас не видел.

Алла заинтересованно сказала:

- Кого это Юра тут поджидает? Небось назначил свидание какой-то из своих московских пассий?

Я сразу занервничал. Что же делать ?

А Алла продолжала:

- Давай подождем и посмотрим - кто придет.

И я мгновенно решился. Во весь голос, стараясь перекрыть гул транспорта, идущего сплошным потоком по проспекту Маркса, я закричал:

- Юра! Юра !

Алла Сергеевна потом долго смеялась, над моим подсевшим голосом, тем более, что как оказалось, закончивший свои дела, Медведев стоял и решал: то ли пойти в гостиницу, то ли пойти что-нибудь посмотреть?

***

Через год мы опять встретились с Юрой в Москве. Был жаркий день конца августа месяца.

В коридоре министерского Главка (на 2-ой улицы Ямского поля) ко мне подошел Медведев и предложил пойти куда-нибудь хорошо пообедать.

Я с удовольствием согласился, но с одним условием: так как очень жарко - мы пойдем обедать туда, где можно скушать хорошую окрошку.

Так и решили.

Спускаясь от Белорусского вокзала по улице Горького, мы заходили в каждый ресторан, в каждое кафе, но нигде сегодня не было окрошки. А солнце припекало, пот с нас катился ручьями.

Наконец на площади Маяковского, в ресторане «София» нашли окрошку.

Сели за столик. К нам подошел официант, и предложил ознакомиться с меню.

- Не надо, - ответил Юра. - Что Вы нам можете предложить на закуску и горячее в чисто болгарском духе ?

- На закуску салат ассорти (по-моему он назывался что-то типа «Оревуадур» ?), на горячее ассорти из барашка.

- Ну так и давайте: салат, две окрошки, два ассорти из барашка, бутылочку сухого болгарского вина и потом кофе, - заказал Медведев.

В ресторане было прохладно – работали кондиционеры (в те годы это было вновинку), уютно, тихо играла музыка. Мы стали приходить в себя.

Нам принесли вино и салат. На большом блюде лежали концентрическими окружностями: шпроты и колбаса, брынза и ветчина, маслины и лимоны, сыр и перец, и т.д. Все это было обильно украшено зеленью. Что тут было истинно болгарское, мы так и не смогли понять. Разве что перец - болгарский ?

Потом подали окрошку. Она была холодная, и потому уже – очень вкусная. Съели с удовольствием. Нам уже было совсем хорошо. Подумывали - может отказаться от горячего?

Тут два официанта принесли на наш стол две горячие жаровни, на которых стояли сковородочки, полные жареного мяса. На каждой из сковородочек лежало этого горячего, «сковорчащего», одурманивающего пахнущего, влекущего мяса, наверное, около килограмма. Мы с Юрой такое видели впервые, но виду не подали. Начали пробовать.

Каждый кусочек мяса был оригинален: кусочек седла барашка, кусочек печени, кусочек бедра, кусочек легкого и т.д. Все было чрезвычайно вкусно. Просто объедение !

Но наши желудки были не безразмерны. Каждый начал предлагать оставшиеся, на своей сковородке кусочки – другому. К сожалению, сыты мы были одинаково.

Оба уже понимали, что ассорти из барашка – не порционное блюдо, такую жаровню заказывают одну на стол. Но оставить такое блаженство на сковородках – мы не смогли. Поэтому продолжали запихивать в себя остатки барашка. После этого быстро выпили кофе, рассчитались с официантом (от всех дел одна такая жаровня с ассорти стоила 3 руб.50 коп. – запомнил на всю

жизнь) и отдуваясь вышли из ресторана. Нам казалось, что минимум три дня - мы ничего есть не сможем.

Юра жил в «Метрополе». Поэтому медленно начали спускаться по улице Горького.

Возле гостиницы «Москва» продавали арбузы.

- Давай купим пару арбузов в гостиницу, - предложил Юра.

Так и сделали – купили два 7-8 килограммовых арбуза, и отправились к Медведеву в номер.

К моему большому удивлению, мы оба арбуза в течении часа «оприходовали», после чего мой товарищ лег на кровать, перевернулся на живот, и сладко заснул.

Я был поражен, потому что сам с большим трудом добрался до своей гостиницы, и потом всю ночь промучился – не мог заснуть от огромной тяжести в животе.

***

Через пару лет ситуация повторилась.

На сей раз мы были втроем: начальник отдела информации СКБ системотехники Лев Викторович Шубин (наш постоянный гид по московским ресторанам), его сотрудник Слава Уминский и я. Зашли мы днем в ресторан «Будапешт» легонечко перекусить.

В связи с этим взяли просмотреть меню, чтобы не ошибиться в выборе блюд, и не переест.

Увидели в меню: «карп, запеченный с картошкой в сметане». Мы слевой – большие любители рыбы. Тут же начали настаивать на выборе этого блюда. Уминский пытался сопротивляться, но то ли силы были неравны, то ли из уважения к старшим по возрасту, - достаточно быстро сдался.

Лев Викторович подозвал официанта и заказал какую-то легкую закуску, 200 г водки и ...

- ..., и пожалуйста, три карпа, запеченных с картошкой в сметане. Только принесите все сразу – у нас мало времени, - закончил заказ Лева.

Все равно пришлось ждать минут тридцать – ресторан был первоклассный, все готовилось под заказ.

Когда нам три официанта принесли рыбу, мы оторопели: на трех металлических овальных блюдах лежали три великолепные карпы, каждый по килограмму, окаймленные кружочками запеченной картошки. Зрелище было великолепным.

Оказалось, что заказанное блюдо «карп, запеченный с картошкой в сметане» - блюдо не порционное. Его, как правило, тоже заказывают одно на стол. Кроме того, оказалось, что Слава Уминский вообще рыбу не ест.

Пришлось нам слевой вдвоем «поработать» над тремя очень вкусными карпами. Правда, мы половину картошки Славе все-таки выделили.

Покушали мы очень вкусно, получили от еды большое удовольствие, но о том, что мы зашли «легко перекусить», нам слевой вспоминать было как-то неудобно.

С тех пор я стал очень уважительно относиться к ресторанной папке «Меню».

РАЗБИТАЯ ТАРЕЛКА

Шел 1970 или 71 год.

Мы, начальник СКБ системотехники объединения «Электрон» Артур Федорович Земсков и я, поздно вечером прилетели в командировку в Москву. Обычно Артур останавливался в гостинице «Украина». Но в этот раз что-то не сложилось - мы прилетели и не знали - заказали ли нам номер в «Украине».

Из аэропорта позвонили в гостиницу и выяснили, что брони на нас нет.

Стали решать, что же нам делать.

В те годы, весь руководящий состав нашего объединения останавливался в Москве в интуристовской гостинице «Метрополь» (за оказываемые Львовским телевизионным заводом гостинице услуги, для элиты объединения в этой гостинице, как-правило, всегда находились места). Мы в эту заводскую элиту не входили, хотя довольно часто жили в “Метрополе” – устраивал кто-то из живущих в это время в гостинице руководителей “Электрона”.

(Вспоминаю свою первую командировку с телевизионного завода в Москву в 1963 году. Прилетев в Москву, я должен был передать в гостинице “Метрополь” какие-то документы директору завода Степану Остаповичу Петровскому, и затем уже заниматься своими делами. Я так и сделал: приехал в гостиницу “Метрополь”, нашел номер, в котором остановился наш директор. В номере как раз собрались, находящиеся в это время в Москве ближайшие помощники Петровского. Я передал документы, меня поблагодарили – эти бумаги были очень нужны, и Степан Остапович спросил:

- *А у тебя есть где остановиться в Москве ?*

- *Да, конечно, не беспокойтесь. Я прекрасно устроюсь, - гордо ответил ему самоуверенный, самоутверждающийся двадцатидвухлетний инженер.*

- *Ну тогда, удачи тебе в выполнении командировки, - со странной улыбкой проводил меня директор.*

Вышел из гостиницы, и с ужасом подумал, что, где устраиваться, я не имею ни малейшего понятия. Потом я так намучился с поселением, что всегда с большой благодарностью принимал помощь в Москве по устройству в гостинице)

Поэтому, мы с Артуром Федоровичем решили ехать в «Метрополь».

У Людмилы Николаевны - администратора гостиницы, выяснили, что в гостинице сейчас живет коммерческий директор «Электрона» Петр Самойлович Розенберг.

Петр Самойлович был самым близким другом моего отца, и, собственно, благодаря ему я начал работать на телевизионном заводе. По роду своей деятельности, Розенберг 6-7 месяцев «чистого времени» в году проводил в Москве в Министерстве: «выбивал» лимиты, давил на заводы-поставщики комплекующих через их министерства и т.д. Поэтому для работников «Метрополя» он был своим «родным» человеком. Петр Самойлович - полноватый человек среднего роста, очень умный и веселый, страстно любил «разыгрывать» всех вокруг себя.

Мы поднялись к Розенбергу в номер. Он жил вместе с начальником плановой службы отдела материально-технического снабжения завода Леней Клейнерманом. Петр Самойлович стал объяснять, что сегодня в «Метрополе» все «забито», и помочь устроиться здесь он нам не сможет. Но у него есть направления в гостиницы Выставочного комплекса (гостиницы «Заря», «Восток», «Алтай»), ехать туда конечно далеко, но зато гарантированно примут. А завтра он устроит нас в «Метрополь».

- Петр Самойлович, мы завтра сами устроимся в гостиницу «Украина». Что, Вы возражаете, если мы переночуем у вас в номере на полу?

Это была распространенная практика: когда невозможно было устроиться в “Метрополе” официально, то ночевали в номере у сослуживцев.

- Ну, что Вы, ребята, я просто хотел, чтобы Вы комфортнее устроились. Пожалуйста, ночуйте у нас, - с улыбкой сказал Петр Самойлович.

Мгновенно с кроватей хозяев номера были сдернуты вторые матрасы и сняты вторые пуховые подушки (гостиница ведь была фешенебельная), все это было постелено на полу и мы, усталые, но блаженствующие, улеглись спать, укрывшись покрывалами с кроватей. Комфорт был полный!

Когда утром мы проснулись, в комнате был только Петр Самойлович. Леня уже убежал по делам. Да и Розенберг уже был побрит и одет.

- Ребята, я пошел, позавтракаю внизу в кафе, и побегу в Министерство. Если не устроитесь в “Украине”, то перезвоните, попробуем разместить вас здесь, - сказал он и ушел.

Мы встали, помылись, побрились и пошли завтракать вниз в кафе. Оказалось, что Петр Самойлович только заканчивает завтракать, и мы подсели к нему за столик.

- Вот как бывает. Только что разбил тарелку, пришлось заплатить за нее три рубля, - со смехом, вытирая рот салфеткой, сказал Розенберг. – Ну, я побежал.

Оставшись одни, мы начали выбирать меню для завтрака.

К нам подошел официант. В руке он держал маленький подносик, на котором лежала какая-то бумажка.

- А где мужчина, который сидел за этим столом ? , - обратился официант к нам.
- Он уже ушел. А в чем дело ? , - удивленно ответил Артур.
- Да вот принес чек за оплаченную им разбитую тарелку.
- Спасибо, ему этот чек не нужен, он его к командировочному отчету не приложит, -

улыбнулся Артур.

Вдруг у меня самопроизвольно вырвалось:

- Нет, он нужен. Пожалуйста, дайте этот чек мне, я передам его.

Официант отдал мне чек, принял заказ и ушел.

- Зачем тебе этот чек ? - спросил Артур.
- Еще сам не знаю, но в этом что-то есть, - я внимательно рассматривал чек.

На чеке было напечатано: ресторан “Метрополь”, тарелка средняя, 3 руб.40 коп., дата. Я перевернул бумажку, на обратной стороне чуть виднелся штамп “оплачено”.

В голове начал созревать план розыгрыша.

В холлах, на всех этажах гостиницы на столах были разложены пачки фирменных конвертов и фирменной бумаги “Метрополя”. Я взял с собою несколько таких комплектов.

На этой фирменной бумаге напечатал письмо следующего содержания: “Уважаемый товарищ Розенберг П.С. ! Такого-то числа Вами в кафе ресторана “Метрополь” была разбита тарелка стоимостью 3 руб.40 коп. Убедительная просьба, оплатить стоимость разбитой тарелки, согласно прилагаемого счета.

С уважением, зам директора ресторана “Метрополь”

(подпись)”

Расписался на письме неразборчивой подписью, вложил в конверт, с домашним адресом Петра Самойловича, этот текст и “имеющийся в наличии” чек, и отправил письмо во Львов.

Расчет был на то, что пока Розенберг находится в Москве, его жена Мира Рувимовна не будет очень внимательно рассматривать, приложенный вместо счета, чек, и сообщит ему по телефону о полученном письме. А дальше, что будет делать Петр Самойлович - увидим.

Но возвратившись во Львов, я стал нервничать: все таки разыгрывать одного из самых уважаемых на заводе людей, человека значительно старше себя, было не совсем этично, да и кто знает чем вообще закончится этот розыгрыш. Артур сразу сказал, что если “Что=то”, то он здесь “не причем” (одновременно уговаривая не прекращать начатое дело). Надо было как-то обезопасить себя.

Я пошел к отцу, рассказал ему о завязке розыгрыша, попросил “прикрыть” меня, и если Петр Самойлович очень разозлится, сказать , что это дело его, моего отца, рук. Отец был в восторге, предвкушая веселый результат.

(Розыгрыши друг друга были их любимым делом. С детства помню как мои родители вместе с четой Розенбергов собирались на встречу какого-то Нового года в Дом ученых. Часов в 9 вечера позвонила Мира Рувимовна и сказала, что супруг пришел домой “под сильным шафэ”, и, как видно, они встречать Новый год не смогу пойти. Отец тут же, посмеиваясь, ответил, что ничего страшного - есть способ быстро отрезвить человека. Надо посадить его на стул перед умывальником, и подставить его руки под струю холодной воды. Мира Рувимовна так и сделала, а отец тут же сказал маме, чтоб она уже никуда не собиралась – встречать Новый год будем дома. Через час позвонила Мира Рувимовна: Петр Самойлович не трезвеет, и не хочет больше сидеть перед умывальником. Отец ответил, что необходимо усилить струю воды из крана. Тут она поняла , что их разыграли, и начала смеяться.)

Попросил отца - только ни в коем случае не заговаривать с Розенбергом о тарелке, не ускорять события: если ничего не будет, значит розыгрыш не удался, и Петру Самойловичу необязательно знать о том, кто и как его пытался разыграть. И мы все стали ждать дальнейшего развития этой шутки.

Но прошло две недели, месяц , два месяца – а никаких отголосков действия моего письма не наблюдалось, Отец неоднократно порывался ускорить получение хоть какой-то информации, но

каждый раз я напоминал ему об обещании не вмешиваться в развитие событий. И постепенно мы забыли об этой попытке розыгрыша.

Где-то месяца через три мы с Артуром обедали в “офицерской” столовой завода (был такой зал, где было несколько дорожек, но обслуживали официанты). Когда мы заканчивали обед, в зал зашел заместитель начальника инструментального отдела завода Леня Воротилов, подсел за наш столик, и смеясь, начал рассказывать о только что услышанной истории.

Розенберг, мой отец, и Леня Воротилов с утра в этот день ездил в аэропорт встречать, прилетевших из Москвы, больших друзей нашего завода: главного бухгалтера “Мосрыбы” Марию Васильевну и директрису одного из рыбных магазинов Розу. В автомашине, в завязавшемся общем разговоре, Мария Васильевна спросила у Петра Самойловича - удалось ли ему оплатить непонятный счет.

- Да нет, никто не хочет принимать деньги, - ответил Петр Самойлович.

- Петя, о каком счете идет речь?, - вмешался мой отец.

- Ты понимаешь, месяца три тому назад, я разбил в кафе “Метрополь” тарелку, и оплатил ее стоимость. Потом мне домой пришло письмо, что я не оплатил эту злополучную тарелку, и счет на ее оплату. Сумма смехотворная – 3 рубля, я уже три месяца пытаюсь оплатить этот счет, но никто денег не принимает. В ресторане удивляются, не могут понять - кто подписал письмо, и денег не берут. Я уже обращался к Людмиле Николаевне – администратору “Метрополя” , чтобы она приняла эту сумму. Она была страшно возмущена - меня в “Метрополе” все знают, и кто-то позволил себе из-за каких-то 3-х рублей написать письмо домой. Но принять деньги отказалась – нет такой статьи прихода в гостинице. Я уже просил Леню Клейнермана проплатить эти три рубля через сберкассу, но там тоже отказались переводить эту сумму на ресторан. Что делать я не знаю, мне неудобно, если в “Метрополе” кто-то поднимет вопрос, что заместитель директора объединения “Электрон” не хочет оплатить какие-то 3 рубля ... ?! Но что делать я не знаю. Я вот думаю .....

- А чего это ты хохочешь, Захар? - Петр Самойлович прервал свой монолог, и в его глазах вдруг засветилось озарение. – Так это ты ?!! Но как ?! Нет это не ты, это Аркадий с Артуром! Делай людям после этого добро. О какой кошмар...,- под общий хохот присутствующих, смеясь восклицал Петр Самойлович.

К моменту окончания Ленинского рассказа, возле нашего стола уже стояла группа наслаждающихся слушателей, которая сразу побежала по заводу с сенсационной информацией.

Мы с Артуром на два дня стали главными героями завода.

Вечером этого же дня, уходя с завода , отец на проходной встретил только что вернувшегося из командировки, Леню Клейнермана.

- Леня, я очень спешу, поэтому поднимись к Розенбергу, и скажи ему , что в партком завода пришло письмо-жалоба на него из Москвы. Якобы в каком-то ресторане Петр Самойлович, в кураже, бил посуду и отказался за нее заплатить. Сейчас секретарь парткома занимается этим вопросом. Надо что-то делать, пока скандал не разгорелся , - обратился отец к Клейнерману.

- Да Захар Наумович, дело было совсем не так, - задержался Леня. – Я в курсе дела. Речь идет об одной тарелке на 3 рубля. Я уже пытался ее оплатить, но нигде не принимают эти деньги.

- Ну, тем более, нужно как можно скорее закрыть вопрос, беги к Розенбергу, - ответил отец и ушел.

Леня мгновенно взлетел на третий этаж, и открыл дверь в кабинет. Там шло совещание.

- Извините, Петр Самойлович, Вы бы не могли на минуточку выйти по очень срочному делу – обратися Леня.

- Подожди минут десять, закончится совещание и мы поговорим

- Петр Самойлович, но дело не терпит отлагательства, - настаивал Леня

Розенберг извинился перед присутствующими, и вышел из кабинета.

- Я только что встретил Захара Наумовича, и он мне сказал, что по той тарелке пришло письмо в партком. Только там уже пишут, что Вы били посуду в кураже ....

- Остановись Леня, - смеясь прервал Петр Самойлович. – Это мы с тобою такие два олуха, что три месяца занимаемся оплатой трех рублей. Нас разыграли, и уже смеется весь завод. Думай об ответном ходе.

Но по остолбеневшему виду Лени было понятно, что думать в этот момент он был совершенно не в состоянии.

ЗЕМЛЯ, ВОЗДУХ

Многолетнее «мотание» по Союзу в командировках выработало определенные шаблоны движения: если до Киева – то поездом ночью, а до Москвы (или, через Москву) – с утра самолетом. Конечно погода, отсутствие билетов или желание подольше проехаться в хорошей приятной компании - вносили иногда свои коррективы.

Билеты на поезд из Львова для нас, как правило, достать труда не составляло: сказывалось значение и влияние Телевизионного завода во Львове. Билеты на поезд из Москвы мы приловчились доставать через кассу для депутатов Верховного Совета СССР. Тем более, что в те годы, мы - молодая поросль передовой заводской инженерии, ездили, в основном в вагонах СВ, билеты в которых стоили столько же - сколько и авиабилеты (и, такой парадокс, жили в первоклассных московских интуристовских гостиницах, в отличии от последующих лет, когда мы «повзрослели» и стали более опытными)

С авиабилетами дело было сложнее: пропускная способность авиатранспорта была, естественно, значительно ниже. Приходилось покупать авиабилеты заранее, а если их не было - ехать поездом. Или во Львове, воспользоваться различными «блатами»: приобретать билеты на Москву на любой рейс на любую последующую дату, а затем «блат» помогал улететь «с красной стойки» необходимым рейсом. Окончательная загрузка самолета определялась в последний момент, перед взлетом, сведения о возможной догрузке передавались дежурной по посадке, и она уже определяла: кого из страждущих пассажиров, с билетами на последующие рейсы, посадить на этот рейс. Вот это и называлось – улететь «с красной стойки». В 80-х годах, улетать таким образом, мне оказывал содействие очень приятный человек – заместитель начальника отделения милиции Львовского аэропорта Юрий Иванович Хрустовский.

При вылете из других городов, «с красной стойки», после 1975 года использовался приказ Министерства гражданской авиации СССР №272, гласящий об оказании помощи работникам предприятий, летящим в служебные командировки по сотрудничеству с гражданской авиацией. На львовском телевизионном заводе пару десятков человек имело специальные удостоверения, выданные МГА СССР, о том что этим людям необходимо оказывать помощь согласно приказа №272. У меня такого удостоверения не было. Но когда усталым дежурным по посадке говорилось, что ты летишь по 272-му приказу, то они и не просили предъявить удостоверение, и, как правило, первым возможным рейсом отправляли в полет.

Естественно, что в таких ожиданиях самолетов, в полетах и поездках, возникало много занимательных и веселых эпизодов.

***

В конце 60-х годов летом первый авиарейс Львов-Москва отправлялся в 5 часов 50 минут утра. Встать и добраться до аэропорта в это время (несмотря на то, что аэропорт во Львове находится от центра города - в 20 минутах езды на машине) было проблемой – только такси, которых во Львове было не изобилие. А посадка на рейс заканчивалась за 20 минут до времени отлета.

Однажды я несколько проспал, и «влетел» в зал отлета аэропорта в 5 часов 29 минут.

На регистрации дежурил в этот день мужчина, что само по себе было уже необычно.

Он взял мой авиабилет, и спокойно на нем поставил отметку о моем опоздании на регистрацию.

- Какое опоздание?! Посмотрите на часы! – начал возмущаться я. Дежурный демонстративно поднял голову на большие настенные электрические часы – в этот момент минутная стрелка часов дернулась и сдвинулась на цифру 6.

- Посадка закончена за 20 минут до отлета согласно Инструкции, - сообщил дежурный регистратор мне с ехидной улыбкой.

Я понял, что мой билет успели перепродать. Из накопителя для пассажиров, прошедших регистрацию, мне, смеясь, махали рукой, уходящие на взлетное поле, мои спутники – Земсков и Глущенко.

Я был возмущен до глубины души. Кроме того, что было не понятно как я теперь доберусь до Москвы, я терял еще и 50% стоимости авиабилета. Сначала я скандалил минут пятнадцать перед стойкой регистрации, а когда дежурный повернулся и ушел – прорвался на взлетное поле.

Пассажиров у трапа самолета уже не было – все сели в самолет. Трап «охранялся» только «выводящей» дежурной – молоденькой девушкой лет двадцати двух. Она «на смерть» перекрыла трап. Оттереть ее в сторону не позволили крохи хорошего воспитания, которые оказались сильнее бешенства, помутившего разум. (Слава богу!). Но вызвать по рации дежурного помощника начальника аэропорта, я ее заставил.

Прибежал дежурный помощник, оказавшийся женщиной лет сорока. Я продолжал скандалить. Вызвали военнизированной охрану аэропорта. Пока она появилась, убрали трап, и самолет начал выруливать на взлетную полосу.

Увидя это, я сразу пришел в себя: игра была сделана, я проиграл, дальше скандалить смысла никакого не было. Перепуганный вид, ожидающих охрану, двух женщин, вызвал у меня смех и поток добрых шуток в их адрес. Сначала они растерялись, а затем стали смеяться, и под веселую «перебранку» мы вернулись в здание аэропорта.

- Ну Вы меня и напугали, - сказала сменный помощник начальника аэропорта, заводя меня к себе в кабинет. – Никогда не думала, что этот ужасный скандалист, может оказаться таким приятным человеком. Поэтому я Вас гарантированно отправлю через полтора часа следующим рейсом в Москву. А пока посидите в кабинете, посмотрите журналы, а я побежала по делам.

И действительно, эта милая женщина отправила меня в Москву, исправив на моем билете запись об опоздании, на запись о невылете по вине Аэрофлота, чтобы мне не пришлось доплачивать за полет

К сожалению, через столько лет запомнил ее имя-отчество.

***

Однажды мы, Земсков, Шаганшаев и я, возвращались из Москвы поездом, купейным вагоном.

Армянин Георгий Цалакович Шаганшаев был ближайшим другом и многолетним сотрудником Земскова. Веселый, «шебутной» Жора, старше меня лет на двенадцать, всегда попадал в какие-то передряги. Вокруг него всегда роилось полно людей, и, в принципе, всегда было шумно и весело.

В этот раз на вокзал его пришло провожать человек десять московских друзей.

Мы зашли в купе: на нижней полке, в уголке сидела четвертая пассажирка нашего купе – сухонькая, совершенно седая маленькая женщина лет семидесятипяти. Когда веселая компания ввалилась в купе, старушка поднялась и вышла в коридор.

Провожающие вытащили несколько бутылок водки, нехитрую закуску и пару пятидесятиграммовых стеклянных стопок, и все по кругу начали «причащаться». Учитывая то, что никого из провожающих я не знал, то постарался в первых рядах выпить, причитающуюся мне первую стопку, и сбежать от последующих в тамбур вагона. Земсков, который в то время вообще не пил, но зато знал почти всю компанию, остался получать удовольствие от веселого шумного разговора.

Вернулся я в купе минут через пятнадцать после отхода поезда. Хорошо выпивший Жора уже спал на верхней полке, тихонечко сладко похрапывая.

Артур Федорович, лежал на нижней полке, увлекшись чтением какой-то книги.

Мне залезать на свою верхнюю полку еще как-то не хотелось. Поэтому я начал тихо посвистывать Жоре на ухо, чтобы прервать его не очень раздражительный храп.

- Оставь его, - попросил Артур, - а то проснется и не даст спокойно почитать.

Я взял газету, и начал ее просматривать. Прошло минут тридцать. Интересно, а где же наша четвертая спутница? Спросил Артура – он тоже не знал, и сказал, что после отхода поезда она в купе не заходила. Как бы чего не случилось ! Ведь возраст то солидный.

Пошел к проводнику. Он объяснил, что еще до отхода поезда, по просьбе старушки, переселил ее в другое купе. (Артур в общем шуме этого просто не заметил).

Через час, когда я уже с удобством устроился на нижней полке, и тоже читал, (а Жора продолжал спать), дверь в купе приоткрылась, и, в образовавшейся щели, появилась белоснежная голова нашей бывшей спутницы. Внимательно осмотрев действие в купе, она сказала:

- Ой, деточки ! Как у вас тихо в купе ! А я то перепугалась. Если бы знала, что вы такие тихие – никогда бы не ушла из этого купе, - с улыбкой закончила свою речь милая женщина, и закрыла дверь.

***

Уезжал я из Москвы часов в 8 вечера. Тем же поездом, но в другом вагоне во Львов ехали Жора Шаганшаев и Юра Глущенко. Поэтому зайдя в вагон, и увидя, что в моем купе сидит молодая женщина с ребенком – мои попутчики, я оставив свой командировочный портфель, положил на купейный столик билет и деньги за постель, предупредил, что пошел в другой вагон к приятелям, и еще по перрону перебежал к ребятам.

Вернулся я в свой вагон часов в 11 вечера. Открыл дверь в темное купе, и ... ужасный дух перегара перехватил дыхание. Зажег верхний свет и осмотрелся. На нижней полке спали, знакомые мне, женщина с ребенком. На другой нижней полке спал, громко храпя, укрытый по горло одеялом, явно пьяный мужчина. На моей (!!!) верхней полке в беспорядке валялись чьи-то брюки, галстуки, рубашки... Перевел взгляд на вторую верхнюю полку: там пьяно храпел другой мужчина в трусах и майке.

Никто не проснулся, никто не заметил моего возвращения !

Ничего другого мне не оставалось, как сгрести вещи со своей полки, и кинуть их на спящего полуобнаженного пьяницу. Но это его ничуть не потревожило!

Я включил локальную лампочку над своей полкой, выключил верхний свет, разделся, забрался на свою верхнюю полку, лег на спину, взял книжку и стал читать. Но прямой запах перегара просто мешал воспринимать текст! Пришлось отвернуться к стенке.

Как видно у человека очень развито подсознательное ощущение состояния окружающего его пространства, изменения положения предметов в этом пространстве. Я так думаю, потому что минут через десять чтения, когда я уже увлекся сюжетом книги, совершенно подсознательно, как бы конвульсивно, я вдруг резко отбросил руку себе за спину. Рука ударилась во что-то мягкое. Оказывается, мой пьяный попутчик с верхней полки начал падать головой вперед. Моя рука попала ему в шею. От этого тело развернулось, и он упал на ноги, которые тут же подкосились, и пьяный очутился на четвереньках, руками опираясь на спящую женщину. Она, естественно, тут же проснулась, села, но не закричала – ведь ребенок продолжал спать. Упавший попутчик наконец сумел подняться и сесть на полку своего товарища. Женщина тихонечко начала возмущаться. У нашего «акробата» хватало сил в ответ только, тоже тихо, повторять : «Простите ! Извините ! Простите! ...»

Потом он оделся, разбудил своего товарища, и они вместе вышли в коридор.

Женщина успокоилась и легла. Я минут пять еще почитал, потом выключил свет и заснул.

Утром сквозь сон услышал тихий разговор внизу.

- Ну как можно, ребята, так напиваться?! – увещевал женский голос. – Вы такие симпатичные и приятные люди, а вчера были в таком состоянии... Я вообще не понимаю, что произошло ночью.

- Вы нас извините, но мы совершенно не помним, что с нами было вчера вечером, а тем более ночью, - отвечал мужчина. – Помню только, что сижу внизу на полке, вы ругаетесь, ну мы и вышли в коридор.

Я решил вмешаться:

- Вот я досплю, и потом вам всем расскажу, что же произошло ночью.

Через час мы выяснили все перепитии этой ночи и причины их возникновения.

Оказывается оба наши попутчика - львовяне, наладчики с объединения радиотехнической аппаратуры. Они возвращались из командировки в Египет, где в течении трех месяцев налаживали какие-то военные системы наведения . Три месяца они близко не видали никакого алкоголя. На «точке» можно было купить только пиво. Но кружка его, на советские деньги, стоила около 6 рублей (тогда когда у нас килограмм мяса стоил меньше 2-х рублей). Естественно, они сэкономили.

Прилетев утром в Москву, наши земляки потратили целый день на удовлетворение своей «жажды», результаты чего мы и увидели ночью.

Когда я рассказал о том как проходило ночное «представление», мой « крестник» расчувствовался, начал благодарить за «спасенную жизнь» , вытащил новенькую в упаковке китайскую ручку с золотым пером (мода того времени), и заставил принять подарок.

Днем, когда мы с Шаганшаевым и Глущенко обедали в вагоне-ресторане, официант принес нам бутылку хорошего армянского коньяка.

- Мы это не заказывали, - зная его стоимость, тут же сказал ему армянин Жора.

- Это вам передали в подарок – ответил официант.

Но кто же ? Мы стали оглядываться, и я увидел в другом конце ресторана улыбающиеся лица моих двух новых знакомых.

Пришлось рассказать ребятам о ночном происшествии.

***

В 1969 году, второй раз в истории советского футбола в финал Кубка СССР не попала ни одна из московских команд (на моей памяти, в первый раз это произошло, когда Кубок впервые выиграло киевское «Динамо», победив ереванский «Арарат»).

Теперь же в финал вышли львовские «Карпаты» и ростовский СКА.

Футбольная команда «Карпаты», в то время, принадлежала Львовскому телевизионному заводу. Естественно, на заводе (в связи с выходом «Карпат» в финал Кубка СССР) поднялся страшный ажиотаж. Поэтому на заводе был издан приказ, ограничивающий командировки в Москву в течении той недели августа месяца, когда должен был состояться матч.

За неделю до даты прохождения матча в Москве, я отправился в срочную командировку в Пензу (Земсков очень смеялся подписывая командировочное удостоверение: до Пензу можно было добраться только через Москву, а по «странному» стечению обстоятельств, срок моего возвращения из командировки во Львов был на день позже даты проведения финала Кубка) .

Из Москвы в Пензу я летел из аэропорта «Быково». Когда я добрался до аэропорта, оставалось еще два часа до вылета. Стоял жаркий знойный августовский полдень, температура на солнце достигала почти 50 градусов. Я решил пойти в ресторан аэропорта и пообедать – неизвестно когда и где в следующий раз мне удастся подкрепиться.

В ресторане тоже было очень жарко (ни каких систем принудительной вентиляции , а тем более кондиционеров, не было и в помине). Сел за столик , заказал свою любимую окрошку, какое-то легкое второе и бутылку минеральной воды, и стал, ожидая подачи еды, осматриваться вокруг.

В это время в зал зашли и сели за соседний со мною столик летчик гражданской авиации и стюардесса. Пара смотрелась прекрасно: ему лет тридцат пять, ей – двадцать пять, оба высокие, блондинистые, красивые. Было приятно за ними наблюдать. К ним сразу подошел официант и

принял заказ. Тут же вернулся, сервировал стол, поставил на стол бутылку шампанского, поллитровую бутылку водки и какую-то легкую закуску.

«Смотри, как правильно, - подумал я. – Она будет пить шампанское, он – водку. Но вряд ли при такой температуре им удастся опустошить хотя бы по половине заказанных емкостей. Но все равно, летчик – молодец: не стал мелочиться, заказ сделал красиво».

Я продолжал с удовольствием наблюдать за эффектной парой. Летчик открыл шампанское и разлил его по фужерам. К некоторому моему удивлению он заполнил фужер не только дамы, но и свой. «А может и верно? – подумал я.- Иначе как-то некрасиво получилось бы, как будто он определяет что кому пить. Вот ведь: век живи – век учись, - взял себе на заметку я этот маленький штрих». Поэтому спокойно отнесся к тому, что летчик налил водку не только в свою рюмку, но и в рюмку своей очаровательной спутницы.

А дальше начался шок !!!

Пара спокойно подняла рюмки, чокнулась, выпила, запила шампанским, что-то бросила «в клювы», практически без перерыва повторила набор операций, и тут же выполнила то же в третий раз. Только после этого они тихо о чем-то начали говорить.

У меня глаза кажется вылезли из орбит. А когда через пять минут мои соседи повторили свой хет-трик, я уже был сражен наповал.

В общем, к моменту когда мне наконец подали долгожданную окрошку, мои соседи умудрились опустошить оба стоящие у них на столе сосуда, рассчитаться и величественно удалиться из ресторанный зала ...

Вернулся я из Пензы в Москву за день до проведения Финала. Сразу поехал в «Метрополь». Мне повезло – там жил один, в двухместном номере, снабженец с «Электрона» Ефим (фамилию забыл). И меня подселили к нему. Так как Ефим был в прошлом администратором команды «Карпаты», то он тут же достал мне билет на матч чуть ли не в правительственный сектор. А вечером к нам, на пол, в гостиницу пришел ночевать действующий администратор команды «Карпаты», который по каким-то обстоятельствам был вынужден уступить кому-то свое законное, забронированное в гостинице место.

«Карпаты» матч выиграли, И стали первыми периферийными обладателями Кубка СССР.

На следующее утро я улетал 10-часовым самолетом во Львов. Земсков попросил меня привезти ему из Москвы букет красных гвоздик, и обещал встретить (как это не удивительно, но было время когда во Львове гвоздики были дефицитными цветами, их если и привозили на базар с Кавказа, то продавали очень дорого).

С букетом цветов, я подошел к трапу самолета. Почему-то пассажиров в самолет не пускали. Но вот подъехал автобус, из него вышла команда «Карпаты», и после их посадки, и остальным разрешили зайти в самолет. Футболисты уже заняли все первые ряды салона.

Всем остальным предложили разместиться сзади. Пассажиры-москвичи попытались скандалить, отстаивая свои места согласно авиабилетов, но экипаж был львовский. И своих героев они отстояли. Все разместились сзади, оставив между собой и футболистами свободный «нейтральный» ряд.

Тут меня узнал администратор команды, и пригласил пересесть к футболистам.

Вместе с командой летело человек десять, на современном языке, приписанных к команде «фанов». Но это были не современные, теряющие головы от близости своих кумиров, сопляки, а зрелые, достаточно обеспеченные люди среднего возраста. Всю ночь они вместе с командой отмечали в ресторане удивительную победу, и, естественно, поведение всех этих невыспавшихся, и не совсем трезвых людей, было не полностью адекватным.

Как только взлетели, из сумки была вытащена реликвия – Кубок СССР по футболу, который, в очередной раз каждый футболист и болельщик облобызал (даже мне на несколько минут дали подержать этот символ), а потом каждый держал долгую несвязную, но многообещающую речь о последующих победах.

Где-то в середине полета, самолет вдруг резко пошел вниз, и тут же взмыл вверх. Дыхание перехватило. За многочисленные свои полеты Аэрофлотом, такого я еще не испытывал

Что случилось?! Перепуганные взгляды пассажиров самолета, сконцентрировались в одну точку – на дверь пилотской кабины. И она открылась. Из нее появился один из болельщиков, сопровождающих команду, который улыбаясь, радостно обратился к салону:

Ну, как я управлял самолетом?!!!

Когда мы приземлились во Львовском аэропорту, то в иллюминаторы увидели на площади, перед аэровокзалом, многотысячную толпу, встречающих команду «Карпаты», болельщиков.

Стюардессы сказали, что сначала выйдут пассажиры, а потом уже пойдет команда, которую будут чествовать. Кто-то должен был выйти первым. Но желающих почему-то не было. Пошел я. Когда с цветами в руках, я появился на трапе, стоящая достаточно далеко, толпа издала оглушительный рев – из-за расстояния не рассмотрели, что выходят не футболисты.

Это был единственный раз в моей жизни, когда массы приветствовали меня (в остальное время, отдельные личности из этих масс, иногда меня просто поносили).

Встречавшие меня Земсков и Шаганшаев, смеялись и утверждали, что не Артур Федорович должен мне отдать деньги за цветы, а я должен им оплатить оказанные мне почести.

***

Было жаркое лето. Я возвращался из Москвы восемнадцатичасовым авиарейсом. Хотя дело уже шло к вечеру, но зной стоял нестерпимый. В самолет я зашел, когда практически все пассажиры уже заняли свои места. В салоне самолета было еще жарче, чем на воздухе, и душно как в парной. На моем месте, у прохода, сидел мальчик лет пяти, рядом, как видно его бабушка, а у окна в нашем ряду сидел какой-то иностранец, похожий на индуса. Через проход оба кресла в этом ряду были свободны. Решил сесть там, но бабушка, очевидно поняв, что ребенок занимает мое кресло, извинилась, и забрала мальчика на руки. Я сел и стал обмахиваться газетой, но пот по всему телу катил градом: на земле принудительная вентиляция в наших самолетах почему-то не работала. Время отлета прошло, но самолет не выпускали на взлетную полосу. Наконец стало понятно почему: в самолет зашли космонавт, Герой Советского Союза Береговой с женой, и расположились в свободных креслах рядом со мною - через проход. Трап от самолета сразу убрали, и самолет взлетел. До Львова было каких-то час пятьдесят минут лета.

Береговой всегда мне очень импонировал: по-возрасту, старше других космонавтов, участник Великой Отечественной войны, импозантный генерал, всегда производил в телевизионных передачах самое приятное впечатление. Поэтому его присутствие рядом в полете, было само по себе уже неординарным и чрезвычайно интересным происшествием.

Я все время наблюдал за Береговым. Он тихо обсуждал с женой будущий отдых в Трускавце, о том, что их в аэропорту будет встречать начальник Львовского ГСКБ по автобусостроению Игорь Смирнов, который и определит: отправятся они в Трускавец сегодня, или останутся ночевать во Львове.

Мы летели с днепропетровским экипажем, обслуживали нас в полете две очень милые, но и очень усталые, стюардессы. Так прошло около двух часов. Я уже с удивлением посматривал в иллюминатор и на часы, но облачность полностью скрывала землю. И вот самолет начал снижение, «пробил» облака. Но окружающая местность была мне незнакома. «Наверное, посадка нештатная, заходим с другой стороны», подумал я. Самолет приземлился, и я понял, что мы не во Львове.

В это время по радиотрансляционной сети самолета объявили, что по метеоусловиям Львова самолет приземлился в киевском аэропорту Жуляны – остановка на один час. Повидимому, мы почти подлетали ко Львову, а потом вернулись на пол-пути назад – в Киев. Обидно, но делать нечего – придется ждать.

И тут я услышал громкий командный голос Берегового:

- Да какое они имели право, без предупреждения посадить самолет в Киеве?!!! Мы же опаздываем. Буду я ... сидеть в Киеве!

Я был поражен. Такого, от нравящегося мне человека, я просто не ожидал.

В это время в салоне появилась стюардесса, подошла к Береговому, и тихо ему сказала:

- Начальник аэропорта подал к трапу машину, и просит Вас к себе, там уже накрыт для Вас стол.

Лицо Берегового мгновенно преобразилось, он заулыбался и оглядываясь по сторонам, ни к кому конкретно не обращаясь, начал приговаривать:

- Никто меня не знает, никто меня не помнит, никто меня в Киеве не встречает....

Когда машина с Береговыми отъехала от трапа, на выход пригласили и нас – простых смертных.

Через час мы все, пассажиры сидели снова в самолете. Не было только Береговых.

Московская ситуация повторялась: несмотря на то что был уже вечер, в салоне было чрезвычайно душно. Наконец появился наш славный космонавт, довольное, значительно покрасневшее лицо которого не оставляло сомнения в хорошем и значительном возлиянии.

Самолет взлетел и взял курс на Львов. Лету было всего минут пятьдесят. Минут через сорок, темное небо за окном иллюминатора стало освещаться яркими вспышками – где-то рядом проходил грозовой фронт. Зрелище было очень красивым, и я зачарованно смотрел в иллюминатор.

Самолет явно кружился на одном месте. Мой сосед через проход почему-то стал явно нервничать, и нажал кнопку вызова бортпроводницы. Усталая девушка подошла к Береговому.

- Что происходит? Пойдите к командиру и спросите его, - достаточно жестко приказал Береговой.

Девушка только сверкнула глазами, повернулась и пошла в кабину пилотов.

Я с удивлением посмотрел на Героя Советского Союза, но решив, что в авиации он разбирается, без сомнения, лучше меня, и наверное есть причины для его опасений, отвернулся. Но спокойствия уже не было.

Вернулась стюардесса и доложила, что над Львовом грозовой фронт, и сейчас решается вопрос садиться во Львове или лететь на запасной аэродром.

В это время по радио объявили, что самолет начинает снижение, необходимо пристегнуть привязные ремни.

Береговой потребовал, чтобы к нему вышел командир экипажа

- Товарищ Береговой, - ответила девушка, - началось снижение. Командир сейчас уже не может покинуть пилотскую кабину.

- Я Вам сказал – немедленно чтобы командир был здесь, - по-хамски, буквально закричал на нее космонавт.

У девушки на глазах навернулись слезы, и она пошла за командиром.

Пришел командир, спокойно объяснил Береговому ситуацию, и сказал, что минут через двадцать пять мы уже будем на земле во Львове.

В это время проснулся малыш, мой сосед, сидящий на руках у бабушки. Он стал хныкать, что ему неудобно. Я поднялся, сказал, чтобы мальчика посадили на мое место, и ушел в хвостовое отделение самолета, где за перегородкой сидели бортпроводницы.

Они потеснились, и я сел.

- Мы уже третьи сутки в полете, никак не можем долететь домой, в Днепр, - объяснила свое состояние одна из девушек, вытирая слезы на глазах. – Сил уже никаких нет, а тут он – герой ...

Я целиком был с нею согласен, тем более, что телевизионный образ Берегового оказался очередным, и как всегда болезненным при развешивании, для меня, мифом.

***

Это произошло в 1986 или 87 году. Очередной раз мне нужно было срочно улететь в командировку в Москву. Билетов ни на один авиарейс на этот день не было (хотя со Львова на Москву было ежедневно шесть или семь рейсов). Как всегда взял билет на рейс через несколько дней, уверенный, что Юрий Иванович Хрустовский отправит меня в этот же день утренним семичасовым рейсом. Но не получилось – загрузка самолета была полной. Остался ждать следующего авиарейса. Через часа полтора, снова подошел Юрий Иванович, и вывел меня на летное поле к самолету. И опять тот же эффект.

Но я должен был сегодня обязательно добраться до Москвы, поэтому Хрустовский пошел заниматься своими делами, а я снова отправился ожидать следующий самолет.

Так со стабильным «успехом» прошло время часов до трех дня. Начиная со второго рейса, каждый раз Юрий Иванович появлялся, крепко держа в руках обыкновенную канцелярскую серую тоненькую картонную папочку для бумаг с завязками. И чувствовалось, что он к ней очень бережно относится.

Наконец я не выдержал:

- Юрий Иванович, что это Вы все время носите с этой папкой ?

Глаза Хрустовского лукаво засияли:

- А в этой папке столько валюты, сколько Вы, Аркадий Захарович, одновременно, может быть, в своей жизни не видели. Здесь тысяча долларов. Сняли одну девицу с рейса Москва-Львов. Она запрятала их в трусиках, и думала, что никто не узнает. Теперь жду, когда соответствующие люди приедут их забрать.

(В то время еще действовал закон про уголовную ответственность за участие в обороте иностранной валюты – этим могло заниматься только государство, и контролировался оборот валюты Комитетом государственной безопасности)

- Вы правы, Юрий Иванович, я кажется видел несколько раз двадцатидолларовые купюры – и все. А как же Вы обнаружили этот склад? – со смехом спросил я.

- Ну, конечно, нам сообщили из Москвы, - улыбаясь, ответил Хрустовский.

- А что это Вы, Юрий Иванович, таскаете их с собой? Ведь можно потерять, - продолжал я. – Наверное, проще их положить в сейф в Вашем отделении милиции.

Хрустовский, видимо, хорошо знавший способности своих сотоварищей - хранителей общественного порядка, иронически посмотрел на меня, и сказал:

- Вот после этого я их никогда больше не увижу, а что я буду сдавать в КГБ ?!

***

Самое начало осени серелины 60-х годов.

Достаточно жарко, По запыленной шумной Москве ходить пешком совсем не хочется.

Двум, не совсем молодым, пенсионерам-евреям (за шестьдесят с...): старшему инженеру бюро новой техники отдела главного технолога Львовского телевизионного завода Израилу Борисовичу Рапопорту и старшему инженеру инструментального отдела завода Раките (имя-отчество, к сожалению, забыл) - надо перейти улицу Карла Маркса от гостиницы «Москва» к зданию Госплана СССР.

Проезжая часть улицы – шестирядная: 3 ряда в одну сторону, и 3 – в другую. Рядом в шести-семи метрах – подземный переход. На той, другой стороне улицы, по краю тротуара стоят высокие, в два человеческих роста, щиты рекламы какого-то фильма.

Два львовских гвардейца, оба с животиками, оба лысые, один – повыше, другой пониже, но пошире, ленятся спуститься в подземный переход. Начинают перебегать шестирядную дорогу с московским уровнем насыщенности движения транспорта !

Стоящий, возле гостиницы «Москва», ГАИшник замечает такое, уму непостижимое, действие. Садится на мотоцикл, и переезжает на противоположную сторону улицы.

Пара злостных нарушителей тоже замечает начало военных действий советской милиции, и ретируется за рекламные щиты (реклама должна работать!).

ГАИшник начинает обходить рекламные щиты.

Но, и мы не лыком шиты: наши люди тоже начинают соответствующий обход щитов!

На третьем или четвертом витке, представитель власти что-то соображает, и меняет направление движения.

Стороны сталкиваются! ...

Т.Д.

Где-то в начале 70-х годов поехали мы с начальником гальванического цеха завода Натаном Григорьевичем Соколиком в Москву в командировку.

Гостиницу как-то не удосужились предварительно заказать, и поэтому, приехав в Москву, на рассвете, отправились по проторенному пути в «Метрополь» - авось кто-нибудь поможет там поселиться. Проходя по улице Горького мимо, только что введенной в эксплуатацию шестнадцатиэтажной «стекляшки» – новой гостиницы «Интурист», Натан вдруг предложил зайти в нее и попробовать поселиться.

- Да ты что? – начал отговаривать его я. – Наша весовая категория там не проходит.

Но Натан Григорьевич уперся:

- Не примут в гостиницу, так хоть посмотрим ее интерьер.

К нашему обоюдному удивлению, нам предложили двухкомнатный полулюкс, по нашим понятиям того времени, исключительно комфортабельный: с трансформируемой стенкой между комнатами, с телевизором, телефоном и холодильником, с набором посуды и т.д. Отделанная до потолка черным кафелем, ванная комната сияла уникальной, по тем временам, хромированной финской сантехникой. Мы были чрезвычайно довольны.

Днем в Министерстве встретили двух прекрасных львовских дам с «Электрона»: начальника бюро нормативов ОГТ Тамару Даниловну Надоршину и ее сотрудницу Нину Шаталову.

(Когда я, двадцатитрехлетний юнец, пришел на Львовский телевизионный завод, Тамара Даниловна Надоршина была уже гранд-дамой завода. Высокая, темноволосая и темноглазая, всегда эффектная и прекрасно одетая, Тамара всегда вызывала к себе неподдельный интерес: у одних положительный, а у других откровенно отрицательный.)

А через два года, когда я перешел на работу в ОГТ, по совершенно непонятным для меня причинам, Тамара Даниловна взяла шефство над воспитанием тихого, скромного, рыжевато-молодого сотрудника.

Ох, как тяжело тогда приходилось мне! Основной тезис моего воспитания, Надоршина формулировала так:

- Общаясь, разговаривая с женщиной, ты никогда, ни на минуту не имеешь права расслабляться! Иначе обязательно попадешь впросак или в смешное положение.

И свои поучения Тамара Даниловна постоянно подкрепляла практическими действиями.

При любой малейшей моей ошибке, она так на людях «хлестала» меня своим сарказмом и иронией, что казалось, это возымело бы воздействие и на слона. При всей своей скромности я был достаточно амбициозен и обидчив. Поучения в такой форме при посторонних, естественно, вызвали у меня гнев, возмущение, жгучее чувство стыда перед окружающими. Сколько раз я мысленно обещал себе больше никогда ни слова не сказать Тамаре Даниловне?! И как я ей, и по сей день, благодарен за науку!!! Она меня закалила, воспитала мужественность и осмотрительность.

Уже через какое-то время, ей со мной тоже приходилось не совсем легко. Ее супруг, Эдуард Халилович Надоршин, был в то время заместителем главного инженера завода. На совещаниях у него, в спорных вопросах между мною и Тамарой Даниловной (двумя начальниками бюро ОГТ), у Эдуарда Халиловича было всегда одно и то же решение:

- Тамара Даниловна и Аркадий, выйдите, пожалуйста, в коридор, там договоритесь, а потом вернитесь, но только тогда, когда у Вас будет одинаковое мнение.

При этом Эдик убивал сразу двух зайцев: с одной стороны находилось рациональное решение проблемы. А с другой – он избегал домашнего скандала, в случае рискованной поддержки моего мнения.)

Так вот, услышав, что мы с Натаном поселились в гостинице, о комфортабельности которой тогда говорила вся Москва, милые дамы захотели вечером после работы увидеть эти «роскошества» воочию, а затем вместе пойти где-нибудь поужинать.

Когда дамы осматривали наш полулюкс, охов и ахов было предостаточно, но ужинать все таки они предложили пойти в проверенный ресторан – «Метрополь» (в этой гостинице они , как всегда, и жили).

Пришли в ресторан. Заняли столик и заказали закуску, горячее блюдо и бутылку хорошего легкого сухого вина: что именно уже не помню, но навсегда запомнил, что тогда в первый раз, и, на сегодняшний день, в последний, я ел знаменитую русскую стерлядь.

О том , что вино было заказано легкое, и всего одна бутылка на четверых, подчеркиваю сознательно в свете раннее случившегося со мною и трагикомичностью последующей ситуации.

(Когда я закончил девятый класс средней школы, родители впервые отпустили меня с детской туристической группой в экскурсию по Крыму.

В поезде Львов-Симферополь я ехал в одном купе с закончившим 10-ый класс Толей и двумя девятиклассниками Юриями. Юрии были одноклассниками, и один из них, Юрий Махлин - стал моим большим приятелем всей жизни. Во время всей поездки по Крыму мы так и держались вчетвером.

Когда в обеденное время, группа приехала в Алушту и устроилась на турбазе, был чрезвычайно жаркий и знойный день. Большинство экскурсантов, пообедав, легли отдыхать. Наша же четверка решила пойти познакомиться с Алуштой.

Часам к пяти мы вышли на Набережную. Страшно хотелось пить. На Набережной стояли металлические бочки, и продавалось на разлив холодное молодое - до года, сухое вино. На вкус это была кисленькая водичка. Да и стоимость стакана этого вина, в те годы, была сродни стоимости стакана газированной воды с сиропом.

Поэтому мы легко осушили по три стакана вина, и потом решили покататься на лодках.

Взяли две весельные лодки, в одну сели мы с Толей, во вторую – два Юры. Море было гладкое и спокойное. Экипажи решительно отправились к горизонту. Удовольствие было неопишваемым. Так мы катались около часа. Потом солнце зашло за горизонт, начало темнеть, поднялся ветер. На море появилась сначала легкая зыбь, потом легкая волна.

Мы решили возвращаться, тем более , что далеко-далеко на берегу со спасательной вышки нам что-то сигналили, махали руками и , видимо, кричали в мегафон.

Попытались повернуть лодки в сторону берега, но направление волн и , повидимому, начавшийся отлив, мешали нам выполнить этот маневр. Началась легкая паника, тем более , что выпитое сухое вино приступило к действию – нас начало укачивать. Оглянувшись на берег, увидели, что спасатели, поняв с кем они имеют дело, начали спускать на воду катер. Но, в этот момент, нам удалось развернуть лодки к берегу.

Что говорили спасатели когда мы причалили – передать нет никакой возможности.

Но зато, когда мы ступили на Набережную, она раскачивалась под нами, как хорошая аттракционная лодочка-качель!)

За ужином в «Метрополе» шел непринужденный легкий разговор, хорошо знающих друг друга людей. Когда мы закончили расправляться с закуской и выпили только пол-бутылки вина, официант пришел забрать закусочные тарелки.

В принципе, я всегда считал себя достаточно воспитанным человеком, знающим и соблюдающим азы правил «хорошего тона». Но постоянное нахождение в определенной среде, в частности общепита, естественно, выработали у меня соответствующие условные рефлексy. В заводской столовой, я, съев закуску, конечно, отставлял закусочную тарелку в сторону, но приступая к горячему, вилку и нож, естественно, не менял.

Поэтому, когда официант подошел ко мне забрать закусочную посуду, поглощенный разговором, я автоматически снял с тарелки нож и вилку

Продолжая участвовать в разговоре, я вдруг услышал иронический вопрос:

- Вы желаете оставить свой закусочный прибор для горячего?

С трудом «врубился»: официант обращается ко мне.

Краска стыда начала заливать лицо. Я поднял глаза, и ... какой ужас !!!

Передо мною сияли, от восхищения ситуацией, глаза Тамары Даниловны, они прямо восторженно кричали :

- Опять вляпался !!! Опять попался !!!

Ох, как мне было не сладко !

(В связи с этим эпизодом своей жизни, я всегда вспоминаю, услышанный по радио в 70-х годах, 12 апреля, рассказ-легенду об Юрие Гагарине.

Гагарин был приглашен на завтрак к английской королеве. Повидимому, он прошел специальную подготовку по правилам поведения за столом у высокопоставленных особ мира. Стол у королевы Великобритании был сервирован всего на две персоны. Но каждое место было сервировано комплектами из 12 ножей, вилок и ложек. Увидев это, Юрий Алексеевич на секунду растерялся: к такой сервировке он подготовлен не был. Был конечно вариант, наблюдая за королевой, повторять ее применение того или иного столового инструмента. Но он принял, наверное, оптимальное решение в данной ситуации – ведь его недаром выбрали для роли первого космонавта земли.

- Ваше Величество, - обратился с улыбкой Гагарин к королеве. – Я простой советский летчик. Конечно я умею за столом пользоваться ножом и вилкой, но когда и где надо использовать тот или иной из этих приборов, я, признаться, не представляю.

- Вы правы, - смеясь ответила королева. - Я выросла здесь, в Вестминстерском дворце, но до сих пор путаюсь в использовании этого количества приспособлений для еды.

И подозвав слуг, приказала оставить на столе только действительно необходимую сервировку.)

Прошло почти полтора десятка лет. Идя числа 20 июля 1984 г по заводскому двору, встретил Тамару Даниловну. В разговоре упомянул, что собираюсь в командировку в Москву.

- Очень хорошо, я тоже 23 числа еду в Москву, - сообщила Тамара.

- Но как же, Тамара Даниловна, у Вас ведь 25-го юбилей, пятидесятилетие? – удивился я

- Поэтому и еду, - рассмеялась будущая юбилярша.

- Я Вас 25-го обязательно найду в Москве, - пообещал я. (Тамара Даниловна всегда поздравляла меня с Днем рождения, подписывая поздравительные открытки своими инициалами «Т.Д.»)

25-го числа в 8 утра позвонил в гостиницу «Метрополь», узнал, где поселилась Надоршина и ее номер телефона. Позвонил ей, поздравил, и договорился, что в два часа дня приеду в гостиницу засвидетельствовать огромное личное почтение .

Днем купил прекрасный большой букет белых роз (никогда ранее не видел ничего более очаровательного), вложил в него пустую поздравительную открытку , и отправился в «Метрополь».

По дороге вспомнил веселую историю , связанную с четой Надоршиных и цветами.

(Где-то в 71-ом году меня и моего большого приятеля Степана Иосифовича Мицика – двух начальников отделов, вызвал к себе в кабинет начальник СКБ системотехники Артур Федорович Земсков.

- Ребята, - обратился Артур к нам, когда мы вошли в его кабинет. = У нас неприятности. Пару дне назад кто-то облил чаем, из окна нашего корпуса, заместителя директора объединения Эдуарда Халиловича Надоршина, - продолжал Земсков. - И Надоршин требует, чтобы виновник был найден и наказан. По тому, из каких окон был вылит чай, это из отдела твоего, Степан, с третьего этажа, или от тебя, Аркадий, - с четвертого. Так вот, дается вам три дня – найдите этого «возмутителя спокойствия», - уже посмеиваясь, закончил Артур Федорович.

Выйдя из кабинета, Степан спросил:

- Аркадий, так что же будем делать ?

- А ничего. Где ж мы теперь кого-то найдем? - ответил я. – Одним выговором больше, одним меньше – какая разница? Все равно к годовщине Октябрьской революции – снимут, как сыгравшие свою воспитательную роль...

И мы спокойно отправились продолжать работать

Но через три дня нас снова вызвали, и достаточно жестко потребовали все-таки решить поставленную задачу - немедленно.

Мы с Мициком действительно вынуждены были провести в отделах опрос “ с пристрастием”, но, естественно, никаких результатов не добились.

На следующий день Артур Федорович сказал:

- Эдик настаивает найти виновника – звонит каждый день. Я ничего не понимаю – это так на него не похоже. Что хотите делайте, ребята. но вопрос должен быть закрыт. Идите и думайте!

Выйдя из кабинета мы действительно задумались, понимая что Земсков попал в затруднительное положение. Но ничего придумать не смогли.

- Знаешь что, Степа, пойдём к Тамаре и разберемся, чего это Эдик так взъелся, - предложил я.

Пошли. В комнате бюро материальных нормативов ОГТ было тихо и красиво.

Начальница бюро, как всегда эффектная, приветливо заулыбалась нам. Мы со Степаном подсели к ней, и завели общий разговор ни о чем. Тамара с удивлением поглядывала на меня: зашел не один, а с Мициком, и зачем ?

- Ну хорошо, говорите, наконец, зачем вы пришли ? – не выдержала она.

- Да понимаете, Тамара Даниловна, - осторожно начал я. – У нас небольшая проблема, которую мы решаем уже неделю. Вроде бы кто-то, предположительно из наших окон, облил остатками чая костюм, проходящего Эдуарда Халиловича. Так вот мы ... - фразу мне не удалось закончить.

- Да если бы облили костюм Эдуарда Халиловича, - вдруг резко и громко перебила меня Тамара, - то вам бы не пришлось решать этот вопрос неделю. – Я бы сама пришла и нашла кто это сделал. Облили меня ! И такую блузку! Это же просто возмутительно – под вашими окнами по улице пройти невозможно. А теперь я каждый день вынуждена заставлять Эдика звонить Земскову, иначе эта пара ничего делать не станет, А я ...

Чем больше Тамара Даниловна заводилась, тем спокойнее и яснее становилось у меня на душе – стало понятным как , на милицейском языке, “закрыть висяк”.

- Чего ты улыбаешься, Аркадий ? – стала возмущаться Тамара.

- Спасибо Тамара Даниловна, - ответил я, ничего не понимающей Надоршиной, захватил с собою, также еще не «врубившегося», Мицыка, и выскочил из комнаты.

- Степа, срочно посылай кого-нибудь на базар за большим букетом цветов, - сказал я, и Степан , наконец, понял.

Когда через час, мы со Степаном Иосифовичем с огромным букетом торжественно вошли в комнату бюро материальных нормативов, все поняла и Надоршина.

Под общий смех присутствующих, мы от лица начальника СКБ и всех сотрудников принесли свои извинения за инцидент. Тамара смеялась, и видно было, что обида прошла.

- Тамара Даниловна, а что блузка окончательно испорчена, - рискнул я спросить

- Да нет, постирала и пятно сошло.

- Тогда, Тамара Даниловна, - теперь, уже более раскрепощенно, попросил я, позвоните, пожалуйста, Эдуарду Халиловичу и скажите, что инцидент исчерпан.

- Ну, ты и нахал, - рассмеялась Тамара, снимая телефонную трубку

Мы побежали к Артуру Федоровичу, и гордо заявили, что его распоряжение выполнено – его «больной» вопрос - закрыт.

- Не может быть, - ответил Артур. Видимо, он сам уже не верил, что сумеет когда нибудь, положительно что-то ответить Надоршину.

- Позвоните Надоршину и убедитесь, - предложили, посмеиваясь, довольные собою, мы)

Приехав в «Метрополь», поднялся на нужный этаж в гостинице, и вдруг .... дежурная по этажу сказала, что Надоршина минут двадцать как ушла .

... ?!!! – я стоял совершенно растерянный. Это не вписывалось ни в какие нормы нормального человеческого поведения, тем более при наших многолетних дружеских отношениях.

- Ну, хорошо, разрешите я оставлю букет в номере у Надоршиной, - попросил я дежурную.

(Для меня до сих пор совершенно непонятно, каким образом обслуживающий персонал такой центральной интуристовской гостиницы как «Метрополь», легко определял «кто есть кто»

из посетителей гостиницы. Но в этой гостинице я никогда не слышал скандалов и слухов, что кого то обокрали).

Дежурная спокойно вручила мне ключ от номера Тамары Даниловны, и я зашел в него.

Достал , вложенную в цветы пустую поздравительную открытку (ведь я никак не думал , что цветы придется передавать опосредованно), написал совершенно официальное поздравление, положил букет и открытку на стол, закрыл дверь и ушел.

Меня просто душили гнев, обида, непонимание. Как можно было уйти куда-то за двадцать минут до договоренного времени?! Неужели нельзя было задержаться – ведь Тамара понимала, что я приеду поздравить с цветами, и надолго ее не задержу?!

Я понимал, что в таком шоковом состоянии, продолжать выполнять сегодня командировочные задания - просто не смогу. Поэтому поехал к себе в гостиницу “Юго-Западная”, (в которой остановился впервые), затянул шторы на окнах номера, и улегся спать.

Проснулся часов в семь. За окном уже были сумерки.

Лежу и думаю, что днем произошло какое-то алогичное происшествие. Что-то я недопонимаю. Но что? Надо бы разобраться, но без Тамары – это невозможно. А она , наверное, уже давно в ресторане отмечает свой юбилей, тем более, что в “Метрополе” в эти дни жило с десяток электроновцев.

Но мне все таки не терпелось разобраться в происшествии. Решил , на всякий случай, набрать номер телефона гостиничной комнаты Надоршиной.

Неожиданно там трубку мгновенно сняли.

- Аркадий, где ты? - услышав мой голос, взволнованно спросила Тамара. – Я ведь около двух часов была вынуждена на пятнадцать минут выскочить по делам в Министерство. Вернулась, ты уже ушел. Где тебя искать в Москве – не знаю. Вот с тех пор и сижу, не отходя от телефона – надеюсь, что ты все таки позвонишь. Немедленно приезжай !

- Тамара Даниловна, да уже поздно, тем более, что я далеко – на юго-западе.

- Ничего не хочу знать, сейчас же приезжай и пойдем в ресторан – у меня же все таки Пятидесятилетие !

Через час я позвонил из холла “Метрополя” Тамаре в номер, и она спустилась в ресторан

Посидели там около часа, выпили бутылку шампанского, съели несколько апельсинов и яблок, и с удовольствием пообщались.

Когда возле лифта в холле гостиницы мы прощались, Тамара сказала:

- Я именно так - спокойно и тихо, и хотела провести свой юбилей. Спасибо тебе!

А я на всю жизнь сохранил чувство благодарности и глубокого уважения к этой красивой, эффектной и удивительной Женщине.

НЕПРОЧИТАННОЕ ПИСЬМО

Просматривая свои архивы (в поисках какого-то старого, но очень нужного материала, наткнулся на, пожелтевшую от времени, Ивановскую областную газету « Рабочий край» за 25 февраля 1972 г. с небольшой заметкой «Рассмотрены проблемы управления»), и сразу всколыхнулся поток трагикомических воспоминаний о моей командировке в город Иваново.

В конце 60 годов прошлого столетия, Большая советская наука сформулировала пять основных принципов создания автоматизированных систем управления предприятиями (АСУП) :

- 1) сначала шумиха;
- 2) потом неразбериха;
- 3) поиски виновных;
- 4) наказание невинных;
- 5) награждение непричастных,

и уже затем начало кропотливой, и достаточно неблагодарной, работы по действительно созданию АСУП.

Пик первого этапа этого сложного многолетнего процесса пришелся на 1971 – 72 годы - появилась Директива ЦК КПСС о необходимости повсеместного возглавления партийными комитетами всех уровней широкого внедрения АСУП.

Львовский телевизионный завод был одним из пионеров создания АСУП: в 1967-69 гг. на заводе под руководством Института кибернетики АН УССР была создана самая мощная (по тем временам) АСУ предприятием - известная под названием - АСУП «Львов».

(На заводе ходила легенда, что в 1964 г. на одном из совещаний, проводимых в ЦК КПУ, к директору Львовского телевизионного завода С.О.Петровскому подошел директор Института кибернетики академик В.М.Глушков и предложил совместно создать, тогда еще никому неизвестное «чудище», - автоматизированную систему управления предприятием. И, стремящийся постоянно ко всему новому и необычному, прекрасно понимающий все рекламно-политические выгоды такого первопреходства, Степан Остапович немедленно выделил необходимые средства и создал коллектив для совместной разработки и внедрения «невидали»).

Наверное, поэтому в декабре 1971 г. на имя генерального директора Львовского производственного объединения «Электрон» С.О.Петровского пришло короткое письмо, подписанное вторым секретарем Ивановского обкома партии Клюевым. В письме содержалась просьба направить на областной ивановский семинар «... по экономике и проблемам управления в свете решений XXV съезда КПСС», который будет проводиться в г. Иваново 24 февраля 1972 г., представителя завода с докладом об АСУП «Львов».

По «прогрессивной» управленческой технологии того времени, Петровский на тексте письма сверху написал: «Главному инженеру. Обеспечить выполнение просьбы Ивановского обкома партии. Это чрезвычайно важное задание, прошу лично проследить за своевременным исполнением на соответствующем уровне! ».

Главный инженер объединения разразился на письме резолюцией: «Начальнику СКБ системотехники т.Земскову А.Ф. Прошу направить докладчика с развернутым докладом по АСУП и доложить. Несете личную ответственность за соответствующую реакцию Ивановского обкома»

На что А.Ф.Земсков на том же листе письма написал: «Гл.инж. СКБ т.Кудрику М.Ф. Прошу обеспечить подготовку доклада. Думаю, что направить в Иваново надо Брискина. Но решать Вам (и нести ответственность тоже Вам)! »

Резолюция М.Ф. Кудрика на письме была чрезвычайно «лаконичной» (вероятно уже не хватало свободного места на листе письма) :

« 1) т.Брискин А.З. К исполнению!

2) Службе контроля - взять исполнение на особый контроль, еженедельно докладывать о ходе исполнения »

Получив такое, исписанное резолюциями поверху основного текста, письмо, я легко и прочел все резолюции и понял, что мне дальнейшее указание писать некому, а из текста письма сумел быстро разобрать только основное: надо ехать в Иваново на 24 февраля с каким-то докладом по АСУП «Львов».

Особых проблем в общем рассказе о нашей АСУ я не видел, и поэтому сразу доложил Кудрику, что к докладу готов, отправил сообщение в Иваново о своем приезде 23 февраля, и отложил вопрос до второй половины февраля месяца. Где-то числа 15 февраля мне перезвонил из Иваново один из организаторов семинара товарищ N (бывший собственный корреспондент «Экономической газеты» по Поволжью), сообщил, что для меня будет заказана на 23 февраля гостиница, оставил свой домашний номер телефона, и попросил, приехав, перезвонить с вокзала – он меня встретит. При этом сказал, что на семинар едет с докладом «Методика разработки и внедрения сетевых графиков в народном хозяйстве» еще один львовянин из Института экономики АН УССР – кандидат экономических наук Анатолий Федорович Франко. Я очень обрадовался: с Толей Франко мы были давно знакомы - будет не так скучно в дороге.

Так как у нас обоих были дела в Москве, договорились с Толей вылететь в Москву 22 февраля утром, а вечерним поездом в тот же день уехать из Москвы в Иваново.

23 февраля в 6 часов утра мы сошли с поезда на Ивановском железнодорожном вокзале.

Звонить в такое время кому-либо, чтобы узнать в какой гостинице забронированы места, было неудобно. Решили, что раз мы гости обкома партии, то нам бронировали самую хорошую

гостиницу города. В те годы существовала традиция: новые лучшие гостиницы в областных центрах называть по имени города. Выяснили, где находится гостиница «Иваново», и пешочком не спеша пошли ее искать.

Оказалось, что, действительно, в гостинице «Иваново» на наши фамилии были забронированы два одноместных номера, в которых мы и разместились. В часов 8 утра, позвонили домой к Н и сообщили, что мы уже в гостинице. Он очень удивился нашей сообразительности, и сказал, что через минут 30, подъедет к нам.

Н оказался очень приятным 50-летним мужчиной, который нам рассказал, что начало семинара завтра в 10 утра в новом областном Доме политпросвещения, сегодня мы полностью свободны, завтракать и обедать мы будем в столовой обкома партии – за нами приедет машина и т.д. В конце разговора он нам вручил приглашительные билеты с программой семинара.

Я небрежно взглянул на текст программы. Легко определил, что докладываю третьим, четвертым и последним стоял доклад А.Ф.Франко. Поднял глаза выше и ... с удивлением увидел, что первым записан доклад В.И.Скурихина.

(Владимир Ильич Скурихин, в то время только защитившийся 45-летний доктор технических наук, недавно назначенный заместителем директора Института кибернетики АН УССР – являлся, с самого начала, фактическим руководителем создания АСУП «Львов». Высокий, несколько полноватый и сутулящийся, уже в те годы совершенно седой, исключительно интеллигентный и толерантный человек. Владимир Ильич был и остается для меня, и сейчас, эталоном настоящего большого ученого.

Естественно, что никто лучше его – «отца» АСУП «Львов» не знал все особенности созданной АСУП, и не представлял приоритетности путей ее развития)

Поэтому можно представить все мое смятение и растерянность, когда я прочел тему доклада Владимира Ильича на этом семинаре: «АСУП «Львов»: основные принципы создания, подсистемы, этапы и особенности внедрения, эффективность эксплуатации» - в общем, все о системе.

Совершенно «очумевшими» глазами мельком взглянул на тему второго доклада: член-корреспондент АН УССР Б.Н.Малиновский «Перспективы развития цифровой вычислительной техники для целей управления», и растерянно прочел тему своего доклада (которую не разобрал в, исписанном резолюциями тексте письма-приглашения, да и, наверное, из-за своей бесшабашной самоуверенности - не очень пытался разобрать): «Социально-психологические особенности внедрения АСУП «Львов».

В голове металась только одна мысль: «О чем я должен рассказывать, если готов был к общему докладу об АСУП, и как «технар» слабо понимал, что такое «социально», а тем более «социально-психологические...». И это после выступления мэтра!

Мою растерянность выдал совершенно глупый вопрос к Н :

- А что Владимир Ильич приедет в Иваново?

- Да, и Скурихин, и Малиновский – коренные ивановцы, выпускники Ивановского энергетического института, - услышал я в ответ, - они уже приехали с женами, и живут у родителей, Я Вам могу дать домашний телефон Владимира Ильича

Я набрал номер, и услышал мягкий голос Скурихина

- Доброе утро, Владимир Ильич ! Это Брискин. Рад Вас приветствовать в ваших родных местах, - стараясь придать максимальную бодрость голосу, произнес я.

- А, здравствуй, друг Аркадий. И я рад тебя слышать в Иванове. Ты уже устроился?

- Да, спасибо, Владимир Ильич, все в порядке. Я хотел Вас попросить сегодня встретиться со мною – необходимо переговорить.

- Извини пожалуйста, но сегодня никак не получится: я уже с женой и родителями расписал весь день, а завтра после семинара мы обязательно сходим с тобою куда-нибудь - посидим.

- Владимир Ильич, а о чем Вы будете рассказывать на семинаре ?

- Точно по теме доклада, - ответил Скурихин, - основные принципы создания АСУП «Львов», расскажу о подсистемах, этапах внедрения и развития, экономической эффективности и, ... может быть, освещу еще что-нибудь.

- А о чем же мне говорить? - спросил я, совершенно упавшим голосом. Затаил дыхание, вжал трубку в ухо, еще надеясь, что светлейший поможет мне все же «выкрутиться» - что-то подскажет.

Но Скурихин выдержал необходимую, достаточно продолжительную паузу, во-время которой во мне уже начала крепнуть уверенность, что все будет «тип-топ», и...

- А ты расскажи обо всем остальном, - прекрасно понимая в какое почти безвыходное положение попал я, смеясь ответил Владимир Ильич. Он, наверное, давно ждал, что я перезвоню ему в Киев и согласую свое выступления (откуда ему было знать, что я даже не прочел тему своего доклада)

- Ну, до завтра, готовься к выступлению, - закончил разговор будущий академик.

Когда Н ушел, Толя Франко, внимательно прислушивавшийся к моим безуспешным «переговорам» со Скурихиным, спросил:

- Что же ты будешь делать?

Ответа на этот вопрос я не знал, но попытался ответить бодро:

- Еще не знаю. Поэтому пойдем пока ознакомимся с городом (в Иванове мы оба были впервые), потом, поедем, пообедаем в обком, а вечером пойдем ресторан – отметим День Советской армии. Утро вечера мудренее, о чем-то завтра, прослушав Скурихина, и я «проблею».

Так и поступили. Осмотрели почти все достопримечательности города, пообедали в скромной, расположенной в подвальном помещении здания обкома партии, спецстоловой. (В отличие от помещения, все подаваемые в этой столовой блюда, были отличного качества и, естественно, баснословно дешевы. Там я, единственный раз в жизни, пил клюквенный сок, уникального качества и вкуса, расфасованный в обыкновенные трехлитровые банки – никогда и нигде я такого сока больше не встречал).

Только вечером ни в один ресторан города попасть было невозможно: казалось, что специфический «женский» город Иваново, в полном составе отмечает в ресторанах этот традиционный Мужской день.

К тому же с каждым проходящим часом, приближающим время грядущего «эшафота», мой наигранный оптимизм куда-то испарялся. Поэтому часам к 9 вечера, я предложил Толе разбежаться по своим гостиничным номерам и лечь спать.

Лег, но заснуть не сумел. Голову непрерывно сверлил один-единственный вопрос: что же мне завтра делать?

Встал, включил свет, и сел за стол. Наверное, нужно рассказывать о том, чего Владимир Ильич, как человек, бывающий на заводе все-таки наездами, знать не мог.

Как видно нужны конкретные примеры, с конкретными людьми и ситуациями – может быть это будет интересно и не будет повторением доклада Скурихина?!

К часу ночи я закончил писать тезисы своего выступления, и, успокоенный, легко заснул.

Доклад Скурихина был как всегда интересен и исключительно информативен.

Мое выступление прошло тоже хорошо – огромный зал вроде бы слушал (не было слышно гула, разговаривающих между собой людей). Во время выступления я все время наблюдал за сидящим в президиуме Скурихиным – он явно был удивлен и заинтересован, тем как я развернул тему.

Закончив выступать, я подсел к Владимиру Ильичу, и спросил его мнение о своем выступлении.

- Не ожидал, что ты так сумеешь выпутаться, - начал оценку мэтр. – Но ты, нахал, выступал на пять минут дольше меня. Мне несколько раз казалось, что ты пошел на завершение выступления, а потом накатывалась новая волна примеров. Удивительно, что ты их не утомил. А в общем – молодец!

Я был искренне счастлив. Так счастлив, что когда меня вызвал за кулисы председатель областного общества «Знание», и выдал 10 руб. – гонорар за выступление, я расписался в ведомости, где уже стояли подписи всех остальных трех докладчиков (не обратив внимание на какие-то записи на полях ведомости), взял деньги, поблагодарил (опять не обратив внимание на несколько удивленный взгляд председателя общества), и пошел в зал. Толя Франко как раз закончил выступление и подсел ко мне.

- Толя, видишь повезло, еще и деньги заплатили, - довольный всем, что сегодня происходило, сказал я.

- А ты что их взял ? – подозрительно взглянул он на меня.

- Да. ...?

- Ну, ты даешь, - рассмеялся Толя. – Ты что, не обратил внимание , что мы все написали: направить в Фонд Мира ?

- ..... ??? !!!

Мое прекрасное настроение вмиг улетучилось – вот опять «вляпался», но делать уже было нечего: обратной дороги не было.

Вечером мы втроем – Скурихин, Франко и я прекрасно посидели в ресторане, с интересом послушав рассказ Владимира Ильича, только что вернувшегося из командировки во Францию, о великолепно проведенном (по приглашению какого-то крупного французского бизнесмена) вечере в кабаре «Лидо».

На следующий день Скурихин и Малиновский с женами, Франко и я съездили на экскурсию в знаменитый Палех, побывали на Ивановском камвольном комбинате, получили каждый в подарок от Ивановского обкома по отрезу материала (Скурихин и Малиновский на мужские костюмы, а мы с Франко – великолепный , очень модный сжатый ситец на халаты женам), и вечером я уехал поездом в Москву.

Еще во Львове я договорился встретиться в Москве с начальником отдела информации СКБ Левоу Шубиным (Лева – вальяжный, холерный, совершенно седой 40-летний холостяк-сноб, любил командировки в Москву, и был нашим постоянным гидом по значным местам, где можно было хорошо и вкусно покушать). Он сказал, что в Москве точно остановится в гостинице «Интурист» на улице Горького. Если я из Иваново перезвоню дежурной по 12 этажу гостиницы, то она скажет, в каком номере он остановился и даст номер телефона гостиничной комнаты.

Перед отъездом из Иваново, я позвонил в Москву в «Интурист», и дежурная по 12 этажу - Наташа мне сказала, что Шубин действительно приехал, но еще номер не получил. Но завтра утром, когда я приеду в Москву, она дежурит и скажет мне в каком номере он остановился.

Поезд пришел в Москву в 5 часов утра. К шести я пешком дошел до «Интуриста».

Гостиница еще спала, все холлы были полусовершенно. Лифт поднял меня на 12 этаж. В полумраке увидел, закутанную в плед, фигуру дежурной по этажу, дремлющую в кресле за столом. Когда я подошел, дежурная включила настольную лампу, и я увидел симпатичную молодую женщину лет двадцати пяти.

- Наташа, доброе утро ! Это я Вам вчера звонил по поводу Шубина.

- Доброе утро ! Да Вы можете его найти в комнате 1230, последняя по коридору с левой стороны, - мило улыбнувшись, ответила она.

- Наташа, позвоните, пожалуйста, Шубину в номер, чтобы я не стучал в дверь, и не будил всех, - попросил я.

- Там дверь открыта, - сказала дежурная.

И я не удержался:

- Вы в этом уверены ?

Лицо Наташи густо покрылось красными пятнами:

- Да я уверена, - и сверкнув глазами, возмущенно отвернулась от меня .

Я пошел по коридору, дошел до комнаты 1230, на дверях которой было написано: «Комната горничных». Все стало понятно: Шубина не сумели официально поселить в гостиницу, и разрешили переночевать в служебной комнате, ночью пустовавшей.

Дверь, естественно, не была закрыта на ключ, войдя в комнату и включив свет, я в первое мгновение оторопел от открывшегося передо мной зрелища, но уже через пару секунд мой хохот наверное разбудил всех жильцов этажа.

Небольшая, метров шестнадцати, комната была перегороджена вдоль небольшим сервантом, в торце которого на раскладушке спал Шубин. А над ним, на торцевой стенке серванта, был кнопками прикреплен большой яркий плакат Моссовета: «Объявляется конкурс на лучшую горничную Москвы».

Свет и мой смех разбудил Льва Викторовича, и он, ничего не понимая, сел, протирая глаза. На шум прибежала Наташа, собираясь выставить наглеца, шумящего в такое раннее время в первоклассной интуристовской гостинице.

Так как говорить от смеха я не мог, то, сквозь выступившие слезы, я глазами показал Наташе на плакат, и она сразу залилась смехом, только беззвучным.

Один полураздетый Лева никак не мог «врубиться», что за веселье царит вокруг него...

Днем я выполнил все московские производственные задания и поселился в гостинице «Россия». А вечером мы с Шубиным и его сотрудником Славой Уминским пошли поужинать в, только что открывшийся, на первом этаже гостиницы «Интурист», ресторан (по-моему, он назывался «Звездное небо»). Ресторан был интересен тем, что впервые в Советском Союзе в вечерней концертной ресторанной программе принимали участие отечественные и зарубежные звезды эстрады, гастролирующие в те дни в Москве.

Около полуночи мы закончили свой ужин, и решили подняться в номер к Шубину (он, наконец, получил полноценный гостиничный одноместный номер «без конкурсной программы горничных»), и «записать пульку». Но оказалось, что карты есть только у меня, да и то несколько далековато – в гостинице «Россия».

Решили, что где-нибудь на этажах найдем карты, и стали пешком подниматься по лестнице вверх. Дойдя до 12-ого этажа, и нигде не найдя карт, мы неожиданно увидели, что дежурная Наташа осталась работать на вторые сутки (заболела сменщица). Мы расположились в холле вокруг Наташи, и, подтрунивая над ней и Шубиным по поводу утреннего «инцидента», стали коротать ночь – идти спать совсем не хотелось.

Около половины первого ночи из лифта в холл вышел красивый высокий, прекрасно одетый, черноволосый мужчина, лет сорока пяти, и обратился на французском языке с каким-то вопросом к Наташе. Она, смеясь, ему что-то ответила. Иностранец тоже рассмеялся, и, повернувшись к нам, с улыбкой что-то сказал уже нам.

Мы все трое – истинно советские инженеры, каждый владевший русским языком – свободно, и любим из иностранных – со словарем, словаря французского языка с собой как-то не захватили. Поэтому сначала тупо уставились на незванного пришельца, потом каждый, с надеждой посмотрел на друг друга, а уже потом все трое перевели свои умоляющие взгляды на Наташу. Лукаво улыбаясь, Наташа после короткой паузы, сжалившись, объяснила нам, что у соседа иностранца по номеру уже часа три находится гостья, поэтому он и просит разрешения посидеть с нами в холле.

На наше удивление – как же она разрешает в такое позднее время находиться в номере у мужчины посторонней женщине, она с легкой иронией сказала, что для иностранцев (в отличие от нас – советских) не действует жесткое правило, запрещающее посторонним находиться в номере после 23 часов.

Иностранец оказался канадцем, владельцем 23 ресторанов в Торонто (я думаю, что речь шла о небольших барах и кафе). Каждый год он с семьей проводил летний отпуск в другой стране, и побывал уже, практически, во всех странах Европы. Поэтому он прилетел с тургруппой на два дня в Москву, чтобы оценить, имеет ли смысл в этом году провести отпуск в СССР.

В завязавшемся общем разговоре (естественно, идущем в переводе в обе стороны через Наташу), канадец задал нам, естественный в таком разговоре, «простой» вопрос:

- А где побывали вы, молодые люди?

Переводя его, Наташа уже ехидно улыбалась – кажется ребята попались.

Действительно, мы все трое – нигде за границей не были. В те годы в туристические поездки за границу попадали только избранные, приближенные к «власть имущим», а в служебные командировки нас туда не посылали: меня (несмотря на неоднократные приглашения) – потому что я был «невыездной», моих спутников – потому что они работали во вспомогательном отделе.

Поэтому вначале каждый из нас троих сделал вид, что этот вопрос адресован не ему. Пауза затягивалась. Наташа, посмеиваясь, сказала:

- Ну что же, «молодые люди» - отвечайте.

Тогда мои спутники повернулись ко мне, недвусмысленно давая понять нашему собеседнику, что отвечать на его вопрос должен я.

И я ответил, как настоящий, истинно советский человек.

Я начал рассказывать, о необъятных просторах Страны Советов, об увиденных мною совершенно оригинальных природных и культурных богатствах различных районов СССР – Поволжья и Байкала, Ленинграда и Новгорода, Золотого кольца и Центральной Сибири, Украины и Прибалтики (в которых я действительно уже в те годы побывал), Средней Азии и Молдавии, Закавказья и Алтая (где я в действительности не был).

После пятнадцатиминутного краткого географического экскурса по территории Советского Союза, я сказал, что мне еще нужно ознакомиться с достопримечательностями Заполярья, Урала и Дальнего Востока, и тогда уже вплотную займусь Западной Европой и Америкой.

Закончив свой монолог, я внимательно посмотрел на слушателей. Уставшая Наташа заканчивала переводить мою последнюю фразу – она уже не улыбалась.

Канадец внимательно слушал, и даже что-то помечал у себя в записной книжке.

Но самое интересное было то, что мои спутники тоже с большим интересом выслушали выдержки из Большой Советской Энциклопедии под моей общей редакцией.

Время приближалось к трем часам ночи. Явно уставшая Наташа (вторые сутки дежурства давали себя знать) позвонила по телефону в номер к канадцу, и что-то сказала. Потом сообщила, что гостя соседа канадца уже уходит.

Действительно, минут через десять из коридора в холл вышла пара: шупленький, невысокого роста (150-155 см), в прекрасном костюме пятидесятилетний мужчина, и высокая (175-180 см), худая, в пальто и огромной шляпе, двадцатипятилетняя женщина.

Когда за женщиной закрылась дверь лифта, в холле раздался гомерический хохот: смеялись мы все, и, после небольшой паузы, к нашему смеху присоединился смех и одного из виновников комичной ситуации.

АРМЯНСКИЙ СЕМИНАР

В начале 70-х годов прошлого столетия в Советском Союзе началось освоение больших электронно-вычислительных машин Единой серии (ЕС) – аналогов уже широко применяемых, в то время, на Западе машин типа IBM-360. Над созданием машин этой серии, и разработкой системного и прикладного программного обеспечения для них, работало большое количество научно-исследовательских организаций – в основном, в Москве и Минске.

Одновременно, небольшая группа молодых армян-репатриантов из Франции начала разработку своей серии малых машин под названием «НАИРИ». Им необходимо было найти свою «нишу» использования этих ЭВМ, и таким направлением было определено применение машин этой серии в автоматизированных системах управления предприятиями (АСУП), где головными в отрасли были мы – СКБ системотехники львовского объединения «Электрон», работавшие под научным руководством Института кибернетики АН Украины.

В сентябре 1973 года было решено провести в Армении совместный семинар разработчиков машин «НАИРИ», ученых Института кибернетики и АСУПщиков.

Львовяне прилетели в Ереван часов в семь вечера. В аэропорту нас встретил, прилетевший туда на несколько дней ранее, начальник одного из отделов СКБ Олег Королев, и сказал, что семинар будет проходить в горах, в доме отдыха «Агверан», куда мы поедем завтра во второй половине дня. Сегодня же поселимся в гостинице «Аны», и потом хозяева приглашают нас и, уже прилетевших киевлян, в ресторан гостиницы на ужин.

Ужин был великолепен. Все было сделано в лучших традициях кавказского гостеприимства – стол ломился от традиционных и необычных для нас кавказских яств.

Я старался попробовать все, но особенно меня заинтересовало блюдо, на котором лежала гора кубиков белого цвета с гранью около 1см. Поверхность кубиков была как бы припорошена каким-то черным порошком. Что же это такое? Какое-то специфическое кавказское блюдо?

Осторожно попробовал. Какое блаженство – это был так любимый мною (и в то время остродефицитный), прекрасно приготовленный, сыр «Рокфор».

Быстро переставив блюдо ближе к себе, я «приналег» на сыр.

Со мною рядом сидел Ярослав Папроцкий – начальник отдела прикладного программирования СКБ. Он был по возрасту самый старший из нас: нам всем было по 30-35 лет, а Славику уже за 40. Разговаривал он, как правило, на интересной смеси украинского и русского языков. Некоторое время он молча наблюдал, как старательно я уничтожаю непонятное содержимое большого блюда. Потом не выдержал:

- Аркадий, що ти йисы ?
- Попробуй, Славик.
- О, цэ дійсно смачно.

Дальше нас было уже двое «больших тружеников».

На следующий день, после легкого завтрака, мы отправились ознакамливаться с состоянием снабжения населения Армении продуктами. (Дело в том, что в те годы, в продуктовых магазинах большинства городов Союза, часто отсутствовали продукты первой необходимости – масло, мясо, колбасы и т.д. Поэтому приезжая в командировку в новый город, мы всегда спешили сравнить его «продовольственные запасы» со львовскими. Правда такое положение не касалось столичных магазинов – не только Москвы, но и Союзных республик. При этом никто не голодал. Недаром в те годы тогдашнему Председателю Госплана СССР Байбакову приписывались слова, якобы сказанные на одном из совещаний: « Сколько же это будет продолжаться: пустые прилавки в магазинах, и полные холодильники у населения ? »).

Зайдя в Центральный гастроном Еревана, мы остановились перед витриной гастрономического отдела. Глаза разбежались. За стеклом лежали большие головки различного сыра. По центру на подставке вращалась огромная разрезанная надвое головка сыра «Рокфор». В свете специального освещения, она переливалась перламутровой желтизной поверхности с тонкими черно-зелеными бороздами и небольшими овражками плесени.

Мы зачаровано смотрели на это удивительное зрелище.

Молчание прервал Папроцкий.

- А що цэ такэ ?
- Это сыр «Рокфор»
- А що там такэ зэлэнэ ? – не унимался Славик
- Это пищевые черви.
- Божэ, и хто такэ йисы ?
- Ты Славик.
- Николы в жытти.
- А что ты вчера уминал за две щеки, не дал мне полностью насладиться ?
- То було нэ такэ.
- А ты представь себе, что эту головку разрезали на маленькие кубики 1-1,5 см,

уложили их на большое блюдо и поставил возле тебя

- Божэ, божэ, як я миг, - сказал, выпучив глаза, Славик, под наш общий смех и последующие шутки...

Во второй половине дня поехали мы в горы, в Агверан.

В автобусе собралась веселая молодая компания армян, киевлян и львовян.

Возглавлял представителей Института кибернетики АН Украины 35-летний кандидат наук – заведующий отделом Института - Анатолий Морозов. С ним были, такие же молодые, его ближайшие многолетние сотрудники Александр Кобозев, Виталий Вьюн и др.

Привыкшие к украинским черноземам, мы по дороге с удивлением рассматривали красноватую каменистую здешнюю землю, и не переставали удивляться трудолюбию армянских крестьян, которые на такой земле еще что-то выращивали. Впервые в жизни увидел большие неприметные закрытые люки на склонах невысоких возвышений рельефа местности: кратко объяснили, что все это связано с противоздушной обороной страны. Вопросы прекратились.

Дом отдыха «Агверан» представлял собою штук 30 отдельных одноэтажных каменных коттеджей, разбросанных по довольно большой территории. Каждый коттедж состоял из двух независимых апартаментов, вход в которые был с двух сторон открытой веранды, разделенной по центру тонкой перегородкой.

Мы быстро разместились по двое в каждой комнате и отправились на ужин.

Был установлен жесткий регламент дня: подъем в 7 часов утра, завтрак, в 9 часов утра ежедневно начиналось утреннее занятие-семинар, которое продолжалось с одним 20-минутным перерывом до 12 часов. Затем был обед, небольшой отдых с дремотой, и в 15 часов начиналось дневное занятие, которое заканчивалось около 17.

Все это проходило на открытом воздухе – выносились на лужайку школьная доска, столы и стулья, и мы очень серьезно изучали и обсуждали возможности использования разрабатываемых ЭВМ «НАИРИ» в управлении предприятиями.

А вот после 17 часов - заниматься на территории Дома отдыха было практически нечем, и пойти некуда – вокруг только горы. В это время года Дом отдыха был практически пуст, я не видел на территории никого кроме нас – участников семинара и обслуживающего персонала

Поэтому большинство из нас скучало и с тоской искало хоть каких-то развлечений.

В первые вечера были и шашлыки на костре, и веселые анекдоты и рассказы о былом...

Но потом и это приелось – сказывалось продолжительное нахождение в одном и том же пространстве, в одном и том же коллективе.

В один из предвечеров, компания в составе Анатолия Морозова, Александра Кобозева и двух хозяев семинара села в комнате Морозова расписывать «пулю».

Остальные скучающе прогуливались на большой поляне перед коттеджем Морозова. Ничего интересного в этот вечер не предвиделось.

Я сидел прямо на траве перед верандой, и безнадежно размышлял : чем же заняться, как убить время до сна. Сквозь открытые двери комнаты, через веранду, были видны, склонившиеся над столом, головы картежников, увлеченно обсуждавшие перипитии игры.

Мой взгляд остановился на верандочной перегородке, отделявшей две половины коттеджа. С обеих сторон перегородки, на ней висели телефонные аппараты. Для чего они?

Интуитивно почувствовал – в этом есть какая-то изюминка. Встал и поднялся на веранду с противоположной стороны апартаментов Морозова. Разобрался: это телефоны внутренней связи Дома отдыха. И, как это было не удивительно, связь работала.

Я позвал к веранде Виллю Вьюна. Попросил его позвать к телефону Толю Морозова, когда я наберу номер телефона на другой стороне веранды. Но не говорить ему кто звонит.

- Хорошо, позову. Но зачем это тебе ?

- Сам увидишь. Иди на ту сторону веранды.

Рукой я позвал, скучающих на лужайке, приблизиться к веранде, и набрал номер.

Вилля снял телефонную трубку

- Алло, алло.

- Позови, пожалуйста, Морозова.

- Сейчас.

Через пол-минуты в трубке раздался удивленный голос Толи:

- Алло, Морозов у телефона.

Я вынул из кармана носовой платок, положил его на микрофон трубки, и с кавказким акцентом, с хрипотцой прокричал:

- Марозов, Марозов, сэйчас с Вами будэт гаворыт акадэмик Глушков. Слышыты мэна?

- Да слушаю, - голос Толи стал сразу чрезвычайно напряженным.

Академик Виктор Михайлович Глушков, основатель и директор Кибернетического центра Академии Наук Украины, был на то время, самым крупным советским ученым в области кибернетики. Разговор с ним, даже для руководителя отдела Института кибернетики, был событием не повседневным. А тем более, чтобы Академик разыскивал его в командировке – для этого должны были быть неординарные причины, что-то должно было случиться из ряда вон выходящее.

Я выдерживал паузу.

- Алло, я слушаю. Я Вас не слышу, - Толя откровенно нервничал.

- Сэйчас, ждытэ, нэполадкы на линии.

Все, что мы говорили друг другу, слышали все кто собрался у веранды. Собравшиеся видели и слышали нас обоих, стоявших по две стороны тонкой перегородки открытой веранды, и разговаривающих между собой по телефону. Мы конечно тоже слышали голос рядом стоящего собеседника не только в трубке, но напряжение Морозова было настолько велико, что он не обращал на это внимание.

- Слушаю. Жду.

Собравшиеся, наконец, поняли смысл розыгрыша, и затаив дыхание, с восторженными глазами внимали за дальнейшим развитием событий.

- Очэн плахая слышымасть. Будэтэ разгаваривать с акадэмиком чэрэз мэнэ, - наконец прохрипел я в телефон.

- Да, внимательно слушаю.

- Акадэмик спрашываэт , как идут дэла ?

- Семинар проходит нормально, вырабатываются предложения по совершенствованию и интерфейсу периферийных технических средств к «НАИРИ» ...

- Алло, алло , я вас пэрэстал слышать. Алло ...

Я давился от смеха, мне нужно было выиграть несколько секунд для того, чтобы успокоить дыхание и придумать, что дальше говорить.

- Повторяю. Семинар проходит ....., - Морозов, явно волнуясь, слово в слово начал повторять предыдущую фразу. Я слышал рядом его учащенное дыхание, и, по реакции наблюдающих за нами , понимал, что все идет прекрасно.

- Думаю, что к концу семинара мы полностью выработаем взаимоприемлимый план дальнейшего совершенствования «НАИРИ», - продолжал Толя. – Вы слышите меня ?

- Да, слышу. Сэйчас пэрэдам всэ это акадэмику.

Опять получил передышку. В таком ритме разговор продолжался еще минуты три.

- Акадэмик гаварыт, что когда прыэдэтэ , будут новыэ работы. Когда Вы будытэ ?

- Через три дня. Алло, скажите Академику ..

- Всэ. Связы нэту. Когда будэт, снова позвону.

Я повесил трубку и спустился с веранды. Восторженные зрители безвучно аплодировали за доставленное удовольствие.

Поднялся на другую сторону веранды. Толя еще держал телефонную трубку в руке, и глубоко «ушел в себя». Его лоб и верхняя губа были покрыты густой испариной, на подбородке висели капли пота - он явно пытался просчитать причины такого неожиданного звонка. Потом махнул рукой, повесил трубку, вытер платком лицо и пошел продолжать писать «пулю». Но игра явно не «клеилась». Все равно мысли Толи были далеко от карточного стола.

Меня отозвал в сторону Вилля.

- Имей в виду, что Морозов тебе этого розыгрыша никогда не простит. Он слишком переволновался, чтобы когда-нибудь это забыть.

Я и сам уже понимал, что заигрался

Однако, никогда в дальнейшем Толя Морозов не напоминал мне про эту, может быть, не совсем удачную шутку. И лет через пятнадцать, Анатолий Алексеевич Морозов, доктор технических наук, член-корреспондент Академии наук Украины(и будущий академик), директор Института математических машин и систем АН Украины, лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии Украины, стал руководителем моей кандидатской работы – за что я ему чрезвычайно признателен и благодарен.

КАЦО

Была то-ли поздняя дождливая осень 1974 , то-ли ранняя дождливая весна 1975.

Приехали мы в Волгоград на какую-то Всесоюзную конференцию по автоматизации проектирования технологических процессов в машиностроении, которую проводил местный проектный тракторостроительный институт.

Утро провели в этом институте, и часов в 16, получив направление в городскую гостиницу, отправились в нее устраиваться.

Нас было четверо: начальник сектора Володя Головацкий, два ведущих инженера этого же сектора – Павел Николаевич Гладков и Галя Ключевец, и ваш покорный слуга.

Мы отдали паспорта администратору гостиницы, которая поселила Павла Николаевича и Володю в один двухместный номер на 3-м этаже, Галю подселила в двухместный номер на 4-ом этаже, а меня в такой же двухместный номер на 5-м этаже – в 511-ый (запомнил на всю жизнь).

Так как уже смеркалось, а нам очень хотелось успеть посмотреть мемориал «Мамаев курган», решили встретиться в вестибюле через 10 минут.

Лифт не работал, и подниматься на 5-ый этаж, чтобы оставить в номере портфель с вещами, я поленился, поэтому поднялся вместе с Гладковым и Головацким к ним в номер и оставил вещи у них.

Пока мы добрались до Мемориала, стало совсем темно. Мемориал естественно был закрыт. Только, из скрытых радиодинамиков раздавались тихие звуки траурной музыки. В абсолютной темноте это вызвало удивительное чувство торжественной печали.

Послушав минут 15 эту музыку, мы, притихшие, отправились назад в гостиницу.

По дороге Павел Николаевич решил, что в гостиницу он не поедет, а отправится к родственникам – еще когда ему удастся побывать у них, поэтому там и заночует.

Мы же в гастрономе закупили продукты на ужин, и часам к восьми вечера добрались до гостиницы. Зашли в номер к Володе, я взял портфель, предложил Володе и Гале накрывать на стол и доставать карты – прийду через 15 минут, и пошел устраиваться и мыться к себе в номер.

Устало стал подниматься к себе на 5-ый этаж. По дороге мозг сверлили одна-единственная мысль - может быть плюнуть на ужин и завалиться спать ?

В большом холле 5-го этажа царил обычная для гостиниц периферийных городов Союза обстановка: в углу, прямо напротив телевизора сидела дежурная по этажу, а в креслах по периметру холла то ли дремали, то ли смотрели телевизор 10-15 скучающих постояльцев (все мужского пола), уставшие от тяжелого командировочного дня и ужина с соответствующими возлияниями.

Я подошел к дежурной (серенькой женщине лет 40-45 с совершенно потухшим взглядом).

- Скажите пожалуйста, - спросил я, - в 511-ом кто-то есть ?

Дежурная, досмотрев очередной эпизод на экране, с трудом оторвала взгляд от телевизора:

- А зачем вам это ?

- Меня в него поселили.

Дежурная долго смотрела на меня ничего не выражающим взглядом (мысли ее были далеко от того, что я ей сказал, - она пыталась не упустить канву действий на экране). Пауза затянулась.

- Так может быть Вы дадите мне ключ, и я пойду к себе в номер ? - не выдержал я.

Взгляд дежурной еще несколько секунд оставался совершенно нейтральным, и вдруг он засветился сознанием, глаза загорелись. и, обращая за мою спину к сидящим в холле, она весело сказала:

- Смотрите, Брискин наконец-то появился !

Я совершенно оторопел: откуда она знает мою фамилию, и почему это имеет такое значение для всех ?

Дежурная, продолжая весело смотреть на меня, поднялась из кресла.

- Идемте, я вас провожу в номер.

- Зачем же, я сам его найду. Там кто-то есть ?

- Да там есть, но я хочу обязательно вас проводить в него.

Что-то здесь было не так - не совсем обычно, но усталая голова отказывалась заниматься каким-либо анализом.

Идя за дежурной по коридору, я спиной почувствовал какое-то напряжение сзади. Оглянулся. За нами шли все, кто сидел в холле – процессия была весьма внушительная.

- Что же это такое творится ? - подумал я. Но так ничего и не понял.

Мы подошли к 511-тому. Дежурная постучала в дверь. Через пол-минуты дверь открыла симпатичная блондинка лет 30-ти, с большими светлыми глазами и прекрасной фигурой.

- .... ? - она с удивлением уставилась на стоящую перед нею представительную делегацию.

- Я привела к вам соседа, - сказала дежурная. - Его поселили к вам в номер.

Наконец-то понял в чем дело: меня как-виднo днем по ошибке подселили в номер к этой женщине, потом искали чтобы переселить - поэтому-то все меня заочно уже знали. Но я быстро сообразил, что скучающие постояльцы ждут какого-то веселого разнообразия из этой ситуации - и обмануть их ожидания не мог. Мне стало весело, усталость сразу прошла, и, извинившись, я мягко отстранил женщину от дверей и зашел в номер.

Дежурная и моя "соседка по номеру" зашли за мной, остальные сгрудились в дверях.

Это был стандартный двухместный номер - маленький коридочик, переходящий в спальную комнату, с дверьми в туалетную комнату. Проходя по коридору, я слышал, что в ванную бежит вода, и как-бы кто-то в ней плещется. В комнате стояли две кровати, напротив дверей - журнальный столик, два кресла и торшер.

Я сбросил на одно из кресел пальто, в другое сел сам (так чтобы меня хорошо было видно зрителям из входной двери номера), включил торшер и огляделся. Все ждали.

- Ну мне номер нравится, и соседка очень симпатичная, - сказал я, выдержав необходимую паузу.

- Я здесь остаюсь, - и дальше в течении 2-3-х минут я рассказывал какое значение имеет хорошая гостиница и хорошие соседи в командировке.

Дежурная благодарно смотрела мне в глаза - я не обманул ее ожиданий. Хозяйка номера оторопело переводила взгляд с меня на дежурную, потом оглядывалась на, непонятно зачем собравшихся в дверях, мужчин.

- Вы надолго приехали в Волгоград? - начал завязывать я "светскую беседу" с ничего непонимающей женщиной.

- На два дня. Но ...

- Вы уже побывали на Мемориале? - не давая ей закончить фразу, продолжал я.

Одновременно моя голова лихорадочно соображала: войти спектакль легко, но как же из него достойно выйти - решения не было. Ситуация для меня становилась патовой, что делать дальше я не знал.

- Давайте мы завтра вместе сходим на Мемориал. А сейчас я устал, поэтому надо устраиваться и спать. Какая будет моя кровать?

- Но нас же здесь уже ... двое, - наконец удалось вставить "моей соседке".

Слава богу, появился красивый и достойный выход из розыгрыша !

- Ну, если вас уже двое, то конечно мне придется пойти устраиваться в другой номер, - я поднялся из кресла и ....

- Кацо, дорогой, - раздался из толпы, стоящей у дверей, громкий голос с кавказким акцентом, - если для тэбэ двэ много, давай мэняться номэрами. Я тэбэ ....

Оглушительный хохот всех присутствующих заглушил его последние слова. Я смеясь, упал обратно в кресло, слезы градом катились у меня из глаз. Успокоившись, я встал, взял свои вещи, извинился перед уже улыбающейся хозяйкой номера, и направился в коридор. Когда я проходил мимо, еще смеющейся, дежурной, она сквозь смех, смогла все-же из себя выдать:

- А вы неправы! Вторая, которая в ванной, еще интереснее.

Второй взрыв хохота завершил вечернюю разрядку постояльцев этажа.

ЧАСТЬ 2

УХА НА ОБИ

В 60-х годах двадцатого столетия бурное развитие получило Сибирское отделение АН СССР. По своему научному потенциалу оно начало конкурировать с метрополией – Москвой. И, естественно, со второй половины 60-х годов, когда Институт кибернетики АН УССР стал первопроходцем развития комплексных АСУ предприятиями в стране (особенно в оборонной промышленности), Сибирское отделение АН СССР попыталось монополизировать это направление в Сибири. Все силы были брошены на создание оригинальной (в противовес АСУП «Львов») АСУП «Барнаул» на Барнаульском радиозаводе.

Однако, по каким-то причинам, в 1974 г., большие научные мужи с трех сторон решили заключить мир. А так как, разработкой типового проекта в Министерстве занималось наше СКБ, то нам и поручили (совместно с разработчиком АСУП «Барнаул» - Барнаульским госуниверситетом) найти общие «точки соприкосновения».

Поэтому 22 декабря 1974 г. новый начальник СКБ системотехники Юрий Петрович Шкуркин (с которым у меня, в начале нашей последующей многолетней совместной работы, отношения, мягко говоря, не складывались) дал указание заместителю главного инженера СКБ Леониду Николаевичу Рабию и мне срочно вылететь в Барнаул на встречу с научным руководителем, создаваемой АСУП «Барнаул», профессором Владзиевским. Я попытался возражать, что незачем ехать так далеко перед Новым годом, лучше это сделать в Новом году (тем более, что прямого самолета на Барнаул ни со Львова, ни из Москвы не было), но в ответ получил «ледянное» повторное указание завтра вылететь, и смирился.

Рано утром 23 декабря мы с Леной явились в аэропорт, чтобы улететь на Москву, а оттуда уже полететь на Новосибирск. Но погода оказалась нелетной, просидев целый день в аэропорту, мы вечером поехали ночевать домой. Такая же ситуация повторилась и 24, и 25 декабря.

В конце дня 25 декабря мы поехали искать по городу Шкуркина, чтобы попытаться объяснить ему, что лететь в Барнаул теперь уже точно нет никакого смысла – до Нового года остается всего шесть дней (из них только три рабочих), и никто с нами в Барнауле работать не будет. Я высказался, а Леонид Николаевич, как старший по должности, получил соответствующую «взбучку», и в шесть часов утра 26 декабря мы наконец вылетели в Москву. Сразу перелетели в Новосибирск, и вечерним поездом выехали в Барнаул. За окном завывала пурга, но в вагоне было тепло и достаточно уютно.

Мы оба были очень уставшими, и поэтому сразу улеглись спать, тем более что в Барнаул поезд прибывал в три часа ночи.

Когда я проснулся, поезд стоял, за окном было темно и продолжала завывать пурга. Включил свет. Взглянул на часы. О, ужас! На часах было половина четвертого утра.

- Ленья! Вставай! Мы проспали Барнаул!

Полуодетые, схватили вещи и выскочили в коридор. Проводник стоял возле титана с водой, удивленно смотря на нас.

- Мы же Вас просили разбудить нас перед Барнаулом! – пробегая мимо него, возмущались мы.

- Но ведь до Барнаула еще достаточно далеко, - услышали мы вдогонку.

Оказалось, что из-за пурги, поезд уже три часа стоит в поле – замело колею. Мы, успокоенные, отправились дальше спать, понимая, что наши предновогодние злоключения еще далеко не закончились.

Утром 27 декабря, легко поселившись в гостинице «Барнаул» (в эти последние предновогодние дни гостиницы страны были почти пусты – командировочных уже не было), мы позвонили профессору Владзиевскому в университет. Но так как была суббота, телефон молчал.

По справке, нашли номер его домашнего телефона. Владзиевский был чрезвычайно удивлен нашим приездом за несколько тысяч километров в последние дни года, но пригласил нас на встречу к себе домой на послеобеденное (!?) время.

Мы вышли из гостиницы посмотреть Барнаул и купить что-нибудь покушать.

Но в гастрономе ничего удобоваримого съестного (кроме консервированного зеленого горошка) не было. Все полки были заставлены пирамидами банок с консервированной морской капустой и .... все. Мы растерянно смотрели друг на друга.

Леня Рабий – высокий (под 190 см ростом), стокилограммовый, 35-летний мужчина, с крупными рублеными чертами лица, выросший в украинском селе под Славутой, бывший шофер и чрезвычайно компанейский человек, любил хорошо покушать (и не один раз в день), особенно если это была закуска «под что-то». А выпить, естественно, он мог очень много, и, при этом, очень редко пьянел.

(Правда, однажды, по-моему это было 31 декабря 1970 г., мы большой компанией человек 10 руководителей отделов и секторов СКБ – С.И.Мицык, А.И.Моисеенко, Е.И.Рыбак, Л.Н.Рабий, я и др.) вышли часов в 12 с работы. Перед тем как расстаться, решили легко, на ходу, отметить последнюю нашу совместную встречу в старом году. В те годы это выглядело так: мы шли к центру города по улицам Московской и Городецкой, заходя в каждое, встречающееся по ходу движения, кафе-кафетерий, в котором выпивалось 50-100 гр коньяка: Рабий, конечно –100, а я – 50, и то не всегда. Закусывалась такая порция маленьким бутербродиком с колбасой или сыром. Пройдя так «точек» пять, уже веселая компания, решила напоследок расположиться в кафе-стекляшке возле цирка, взять бутылку коньяка, выпить ее «на-посошок», и разойтись. Бутылка была разлита по стаканам, тост произнесен, все выпили, и ... я увидел, проходящего по улице мимо стекляшки, моего давнишнего приятеля по отделу главного технолога завода – теперь заместителя начальника инструментального отдела завода Леню Воротилова. Я вскочил, выскочил на улицу и позвал Леню к нам. Возвращаясь к столу, естественно, захватил у барной стойки бутылку коньяка. Разлили, Воротилов произнес тост, все выпили - я уже не пил, но никто на это не обратил внимания. И вдруг кто-то сказал:

- Смотрите, идет Земсков.

Действительно мимо стекляшки в это время проходили начальник СКБ Артур Федорович Земсков, его заместитель Мирослав Дмитриевич Фикташ и начальник отдела снабжения СКБ Яша Котляр. Кто-то побежал их приглашать к столу, кто-то за очередной бутылкой.

Произнесли подобающий верноподанический тост во здравие СКБ, выпили, и хотя Земсков в то время совершенно не пил, он, как воспитанный руководитель-демократ, пошел и принес еще одну бутылку коньяка. Потом это же сделал Котляр, а затем Фикташ. Я тихонечко убрал, после прихода Земскова, свой стакан со стола, и никто этого не заметил. Но когда бутылку стал разливать Фикташ, он заставил меня выставить стакан на стол, налил коньяк, и предупредил, что проследит за его опустошением. Пить я уже не мог, и поэтому умоляюще обратился, к сидящему рядом, Лене Рабию:

- Леня, я тебя очень прошу, выпей за меня эту порцию.

- Аркадий, ты же знаешь, я бы тебе обязательно помог. Но не могу, я уже много выпил, а ко мне сегодня приезжает мама, и я должен ее в шестнадцать пятнадцать встретить на вокзале, - услышал я в ответ.

Я взглянул на часы: без десяти пять(!). И Леня Рабий иногда от таких возлияний все таки пьянел).

- Ну, ничего, - сказал Леня. - У меня есть кусок соленого сала, головка чеснока и почти поллитровка спирта. Какнибудь перезимуем !?

При этом он, с высоты своего роста, пытался заглянуть во второй ряд - за пирамиды капусты. Потом запустил свою ручищу за первый ряд банок, и вытащил ... о радость! банку консервов “Сайра бланшированная в масле”. Набрав сумку этих великолепных рыбных консервов и купив хлеб, мы довольные отправились в гостиницу завтракать-обедать (ведь в гостиничном ресторане меню было под-стать набору продуктов в гастрономе)..

Встретились с Владзиевским, о чем-то договорились-недоговорились, поздравили его с наступающим Новым годом, и в воскресенье (поглотив все свои наличные продуктовые запасы) отправились, через Новосибирск и Москву, в обратный путь во Львов.

В Москву прилетели в понедельник часов в 12 дня, взяли авиабилеты на Львов на 8 часов вечера. Решили, что нужно наконец где-то прилично пообедать !

Повел Леню в первоклассный, по тем временам, ресторан «Будапешт».

Конечно, мы производили, в этом фешенебельном ресторане, впечатление героев О'Генри: я в, достаточно помятых от ночевки в поездах, пиджаке и брюках, в несвежей рубашке, но при галстуке, со стоящими дыбом на голове немытыми волосами, и огромный Леня, в ядовито зеленом, грубой домашней вязки, свитре, и здорово помятом сером, на вид хлопчато-бумажном, костюме в широкую темную полосочку.

Было обеденное время и зал был полон. Мэтродотеля на месте не было. Я заметил на пандусе, около стены, свободный столик. Он был уже почти убран, только на столе остались, от предыдущих посетителей, тарелочки для хлеба. Мы расположились за этим столиком.

Подошел официант, оценил наш «прикид», и было явно видно, что остался очень недовольным. Поэтому взял, оставшиеся на столе, тарелочки для хлеба, отвернулся, вытер их полотенцем, висевшем у него на руке, и поставил их обратно нам на стол.

Я вскипел:

- Не советую Вам такое еще раз сделать, если хотите оставаться работать в этом ресторане.

Глаза официанта гневно засверкали, но место было уж больно прибыльное. Он извинился, забрал злополучные тарелки со стола, подал нам меню и ушел.

- То, что он нам каким-то образом отомстит – это точно. Но каким? – смеясь, сказал я.

- Посмотрим, - серьезно ответил Леня, выложив на стол свои кулачища.

(Сразу вспомнилась комичная история, связанная с этими огромными руками.

В 1969 г. впервые, а может быть и единственный раз в Советском Союзе, на экспорт была продана автоматизированная система управления предприятием. Это Германская демократическая республика закупила АСУП «Львов». Для консультаций по внедрению этой системы, в ГДР на два месяца был командирован Леня Рабий.

Перед возвращением на родину Леня решил закупить подарки жене и детям. Тогда в СССР очень ценилось, и было в постоянном дефиците, женское белье, производимое в ГДР.

Поэтому Рабий отправился в магазин женского белья. Немецким языком Леня не «владел в совершенстве», изъяснялся с продавщицами на русском с помощью рук. Присмотрел на витрине лифчик, и начал выяснять, сколько он стоит. Для объяснений с ним собрались три молоденькие продавщицы. Они хоть немного владели русским – тогда в школах ГДР он изучался в качестве иностранного. С трудом объяснили Лене, что цена зависит от размера. Но размера Леня не знал ни по советским стандартам, ни по европейским. Тогда он протянув в сторону продавщиц свою руку, несколько согнул пальцы огромной кисти, и, радуясь своей сообразительности, гордо произнес:

- Вот такой размер !

У худосочных немок, на секунду, расширились зрачки глаз, а затем они залились восторженным смехом, – этот «русский» им, без сомнения, очень понравился)

Пришел официант, подал меню. Мы быстро выбрали закуски, первое, несколько горячих вторых (из расчета на полноукомплектованное отделение изголодавшихся солдат), несколько бутылок минеральной воды и, для начала, Леня попросил принести бутылку «Столичной» (под такой «закус» ему и самому не хватило бы двух поллитровок).

Официант посмотрел на нас – взгляд его излучал торжество, и елейным голосом, понимая, что все заказанное без водки нам съесть просто невозможно, сообщил:

- У нас в соответствии с Постановлением ЦК Партии алкоголь подается не более 100 грамм на человека.

(Действительно, в то время, в стране проходила очередная «компания» по борьбе с пьянством. Но компания проходила достаточно формально, и в ресторанах следили только, чтобы посетители не напивались «вдрызг», и, соответственно, не было скандалов).

Но наш официант нашел таки способ нас «достать», поэтому повернулся, и довольный собой, пошел выполнять наш грандиозный заказ, уверенный, что мы еще будем упрашивать его о дополнительных порциях водки..

Мы с Леной оторопело смотрели друг на друга – такого удара никто не ожидал.

- Ну, что будем делать? Неужели будем просить это чучело? – обратился я к моему напарнику.

До глубины души потрясенный, Леня молчал.

- Давай так. Я отдаю тебе положенные мне 100 грамм, и у тебя их будет 200. И мы как-нибудь справимся с едой, но свою честь сохраним, - уже смеясь, с пафосом предложил я.

- Попробуем, - не очень уверенно, согласился Рабий.

Мы очень плотно покушали, рассчитались с расстроенным официантом, который несколько раз подходил к нам, интересуясь ничего ли нам больше не надо, и гордые собою, что выстояли, поехали в аэропорт.

(Однажды, через пару лет, когда у нас с Юрием Петровичем Шкуркиным уже сложились отличные, я бы сказал чрезвычайно доверительные и теплые, деловые отношения, и которому я впоследствии был многим обязан, произошла забавная история. В этой истории как-то участвовала и та командировка в Барнаул.

Вызвал меня Шкуркин к себе в кабинет и сказал, что хочет посоветоваться по одному важному вопросу. Не знаю почему (может быть, в воздухе уже витала эта идея), я вдруг сказал:

- Это Вы, Юрий Петрович, по поводу перевода сектора технологической подготовки производства из моего отдела в отдел качества ?

От неожиданности у бедного начальника СКБ «челюсть отвисла», глаза выпучились и, было явственно видно, что, продолжая оставаться с открытым ртом, Юрий Петрович безуспешно силится понять: откуда я знал о чем он хочет со мной поговорить?

Теперь я точно знал, что не ошибся, и поэтому продолжил:

- Я в этом вопросе плохой советчик, потому что лицо заинтересованное ...

- Ну хорошо, тогда идите, - наконец смог выдать из себя Шкуркин.

Часа через два ко мне в кабинет зашел заместитель главного инженера СКБ Леонид Николаевич Рабий. Он сказал, что нужно поговорить со мною с глазу-на глаз, и, извинившись, попросил, находящуюся в кабинете, экономиста отдела Люду Лехт, оставить нас минут на десять вдвоем.

- Аркадий, разве я тебе говорил, что сектор ТПП хотят перевести к Черкашину? – сразу приступил к волнующему его делу Леня.

- Нет. А что случилось? – смеиваясь, ответил я

- Ты понимаешь, вызвал Кудрика и меня ЮП (так сокращенно, за-глаза, мы называли Шкуркина), и начал допытывать – кто тебе сказал об этом. Говорит, когда мы обсуждали втроем этот вопрос, в кабинете больше никого не было. Я (т.е. ЮП) об этом ему точно не говорил. Значит, сказал кто-то из вас, - пересказывал Леня возмущенную речь Шкуркина.

Михаил Федорович Кудрик, личность далеко не ординарная, человек обладающий огромным запасом энергии – работал долгие годы главным инженером СКБ, а затем института. Мы друг друга всегда очень уважали, но на протяжении многих лет работы постоянно находились в состоянии противостояния, вызванного каким-то непонятным, никому не нужным самоутверждением. И только к концу 80-х годов, мы поняли, что ни один из нас другого не победит, и одновременно прекратили эту изнурительную борьбу.

Но в середине 70-х годов Михаил Федорович совершенно обоснованно смог ответить на вопрос Шкуркина:

- Юрий Петрович, Вы же знаете мои взаимоотношения с Брискиным. Можете быть уверенным, что я ему ничего не говорил.

Тогда оба шефа СКБ грозно повернулись к Рабию.

- Юрий Петрович! Я конечно мог бы по пьянке рассказать Аркадию о нашем разговоре, - честно признался Леня. – Но я с ним давно не пил!

Тут заинтересовался этим обстоятельством ЮП:

- А почему давно не пил ?

- Да Вы же знаете, что он, как правило, не пьет. Насколько я помню, последний раз мы с ним пили года два назад в предновогодней командировке в Барнауле и Москве.

- Но, - продолжал свое повествование Леня, - они мне все равно не поверили. Они уверены, что тебе, по-приятельски, все рассказал я. Да и сам я теперь ни в чем не уверен. Аркадий, так я тебе рассказывал про это или нет ?

- Да, Леня. Попал ты как кур во щи, - смеясь, стал отвечать ему я. – Они правы по двум причинам: во-первых, подделом предателю. Если бы ты, мой друг, пришел и рассказал мне об этом разговоре у начальства, мы бы с тобой придумали какое-нибудь противодействие, а я вынужден был бы молчать о том, что знаю про эту фикс-идею. А во-вторых, ты их откровенно обманул: в Москве в «Будапеште», я с тобой не пил, ты все выпил сам, - уже окровенно хохоча, закончил я).

***

Была вторая половина августа 1976 г. На Барнаульском радиозаводе сдавалась АСУП «Барнаул», разработанная уже (после того, что завод «разругался» с Сибирским отделением АН СССР) отделом АСУП самого завода в содружестве с нашим институтом. Поэтому для приемки системы, приказом Министра промышленности средств связи СССР была создана комиссия, в которую вошли кроме представителей завода и министерства, также представители московского отраслевого института НИИСУ, нашего львовского СКБ системотехники и несколько руководителей отделов АСУП родственных заводов.

Представительную делегацию нашего СКБ возглавлял Юрий Григорьевич Гиндич.

(Гиндич, красивый, умный, прекрасно сложенный 35-летний мужчина, как Главный конструктор Головного проекта АСУП в отрасли - «Меркурий», постоянно участвовал в приемке АСУП на заводах отрасли. При этом, веселый и компанейский Юра, как все невысокие люди, ростом где-то около 160 см, - был чрезвычайно обидчив и вспыльчив).

Выехали в Москву поездом, чтобы оттуда, по уже заказанным авиабилетам «Москва-Барнаул», вылететь на место назначения. Мы знали, что в Барнаул из Москвы полетим на новом, только что запущенном в эксплуатацию, самолете – ТУ-154, который брал на борт огромное (по тем временам) количество пассажиров – 180 человек, и что тем же рейсом в Москву летят представители НИИСУ.

Мне обязательно нужно было через четыре дня вернуться во Львов, а обратный авиабилет из Москвы я во Львове купить не смог – все таки вторая половина августа месяца, поэтому нервничал и решил обязательно приобрести в Москве, перед отлетом, обратный авиабилет.

Приехав в аэропорт за час до вылета самолета, все направились в зал отлета. Я же, зная что посадку объявляют за сорок минут до вылета, отдал ребятам свой портфель, принял просьбу одной из наших спутниц - Ярославы Дмитриевны Ковальской, о приобретении и для нее обратного авиабилета, и пошел в кассовый зал.

В кассе стояла небольшая очередь – человек десять, но продвигалась она очень медленно. Прошло минут тридцать, однако объявления о начале посадки на наш рейс почему-то не было – наверное, задерживался отлет. Моя очередь медленно приближалась к кассовому окну. Но и очень быстро приближалось контрольное время отлета моего лайнера. Я уже начинал нервничать. С каждой минутой напряжение нарастало. Передо мною оставалось в очереди два человека. А до времени взлета, по расписанию, оставалось семь минут. Но объявления о начале посадки на наш рейс все еще не было. И я сдался: сказал стоящему за мною в очереди, что на минуточку отойду – выясню, что с рейсом.

Пошел в зал отлета – он был пуст. Спросил у дежурного, когда объявят посадку на рейс «Москва-Барнаул»

- Да какое объявление, посадка давно закончилась, самолет уже, наверное, на взлетной полосе, - удивился дежурный.

- Но ведь не было объявления о начале посадки, я жду его уже целый час, - возмутился я.

- На этот тип самолетов, в связи большой пассажироемкостью, посадка объявляется за полтора часа, - скороговоркой объяснил, начинающий понимать в чем дело, дежурный. - Побежали, может быть, самолет еще не вышел на взлетную полосу.

Действительно, выскочив на взлетное поле, он показал мне, стоящий вдалеке, ТУ-154, и я, «навпростець», побежал под фюзеляжами других самолетов к нему.

Приблизившись к вожденному самолету, рассмотрел живописную картину: на нижней ступеньке трапа стоял в окружении пяти человек (двух высоких симпатичных стюардесс, дежурной службы посадки, водителя трапа и работника охраны аэропорта) наш «огромный» руководитель – Юрий Григорьевич Гиндич, и радостно показывал им на меня.

Оказывается уже 30 минут, он мужественно не давал убрать трап от самолета: как только собирались отгонять трап – Юра сходил на землю, уговаривал всех подождать еще пять минут, а потом ситуация повторялась. Когда терпение авиаторов лопнуло, и они вызвали охрану аэропорта, Юрий Григорьевич им сообщил, что в самолете находится мой портфель, а где – он не знает. Это намертво «пригвоздило» самолет к земле (даже в те годы, безопасности полетов уже уделяли должное внимание).

Все что я услышал о себе от работников аэропорта передать нет возможности, поэтому быстро взбежал по трапу, и вошел в салон самолета. В салоне было не просто жарко, а буквально пахло горелым (ведь пока самолет находится на земле, вентиляция не работает, а за бортом было +30). Пассажиры, просидевшие в таком удушье по моей милости уже больше часа, совсем взопрели и еле дышали. Однако, когда на вопрос Ярославы Дмитриевны, заданный через весь салон, почему не куплены билеты, я ответил:

- Нервы сдали! – весь салон залился веселым хохотом.

По окончанию приемки системы «Барнаул» хозяева устроили для членов комиссии выезд на рыболовецкую базу отдыха завода, расположенную на острове, на Оби.

Все были предупреждены, что форма одежды – купальная.

Это был очаровательнейший уголок Алтая. Удивительно широкая в этом месте Обь, омывала небольшой лесистый остров.

Хозяева устроили прекрасный пикник на воздухе. Кроме обычных в таких случаях разносолов и прекрасных шашлыков, я впервые, и пожалуй единственный раз в жизни, вкусил, запеченных в дыму, карасей. Удивительно вкусное блюдо!

Закусив и выпив, компания начала искать развлечений. Женщины (все которые были на острове: и члены комиссии, и хозяйки приема) пошли купаться в достаточно теплой, в это время года, Оби, а мужчины решили забросить невод – захотели сами наловить еще рыбы.

В составе комиссии был Ивар Андерсонс – начальник отдела АСУП рижского радиозавода им.Попова. Высокий - под два метра, худой, рыжий и очень веселый латыш, говорящий по-русски с небольшим, очень приятным латышским акцентом. Ивар привез с собою кинокамеру, и я (не очень желая лезть в воду, заводить невод) вызвался запечатлеть для истории это действо на пленку. Ивар уже «был под хорошим шафэ», и поэтому, идя рыбачить, даже не обратил внимания, что кто-то взял его кинокамеру.

Я впервые видел как заводят невод возле берега. Человек семь вошли в воду, построились в ряд, растянули невод, и стали двигаться против часовой стрелки по дуге, в центре которой находился, стоящий на мелком месте, самый крайне-левый рыбак, а правый край все время уходил на глубину.

Но самое интересное оказалось в другом. Крайне правым в шеренге рыбаков стал Юра Гиндич, и при своем невысоком росте, буквально сделав десять шагов, начал захлебываться. Картинка была уникальная: кто-то из рыбаков стоял в воде по-колени, кто-то по-пояс, а у нашего Юры над водой торчала только голова. А невод завели еще только градусов на 50-60. Я снимать эту картину не мог – от смеха дрожали руки, и кинокамера прыгала и дергалась. Потом рыбаки перестроились, и снимать уже было не интересно.

Я пошел «делать кино» о купающихся и загорающих женщинах. Единственным операторским техническим приемом, которым я владел, был «наплыв» с помощью трансфокатора. Поэтому снимая красавиц в купальных костюмах, я все время использовал этот прием, дабы подчеркнуть прелести каждой из них.

Вечерело. Снова сели за стол, поужинали, восторженно послушали русские мелодии, мастерски наигранные нам в сумерках директором барнаульского радиозавода на обыкновенной гармошке, и поблагодарили хозяев за этот незабываемый отдых на берегах Оби.

P.S. Через полгода в Москве, в коридорах Министерства я увидел длинющую и худющую фигуру Ивара Андерсонса. Мы импонировали друг другу, и поэтому каждая встреча была нам

приятна. После обычных приветствий, выяснения какой вопрос каждый из нас решает в Москве, мы, естественно, вспомнили нашу последнюю встречу в Барнауле.

- Да прекрасная была поездка, прямо таки незабываемая, - сказал улыбаясь Ивар.

Потом несколько помрачнел, но снова заулыбался, и сказал:

- Действительно незабываемая, тем более, что в результате у меня дома были неприятности.

- Что вдруг, Ивар ? - спросил я.

- Да ты помнишь, я привозил с собою кинокамеру, снимал достопримечательности Барнаула. Мы так с женой всегда делаем, когда куда-нибудь едем, а потом вместе смотрим. Так вот, я пошел, проявил пленку, а вечером с женой сели смотреть, что я наснимал. В начале все было нормально, а потом на экране появились полуобнаженные загорающие женщины, в т.ч. и те которые были в составе комиссии, и которых я не знаю. Не помню, чтобы я их снимал. И ты понимаешь, камера все время «наезжала» на их выдающиеся места. Это вот и возмутило мою жену - был большой скандал. А я, единственным, чем оправдывался, что повидимому был очень пьян. Целый день не разговаривали, потом простила, - снова заулыбался Ивар.

Помолчал, и сказал: - Но все равно я ничего не понимаю.

Я решил, что для меня будет лучше, если Ивар и дальше останется в неведении.

« НАВПРОСТЕЦЬ »

Для выросших в Украине и проживших в ней всю жизнь русскоязычных людей, особенно владеющих и украинским языком, применение украинизмов в русской речи дело обычное.

(Где-то в начале 80-ых годов, зайдя утром в Москве в министерский буфет, и заказав салат из тертых бурячков со сметаной, я никак не мог понять почему в ответ получил удивленный вопрос буфетчицы:

- Какой салат?

- Натертые бурячки со сметаной, - уточнил я.

- Какие бурячки?

- Вон на витрине у вас стоит салат из тертых бурячков со сметаной! - начал взрыватья я

- ???!

- Да он просит салат из свеклы, - раздался чей-то голос из стоящих за мною в очереди, людей.

Я действительно считал, что буряк – русское название этого овоща).

Красивое украинское слово «навпростець» (напрямик) , пахнущее деревней и бескрайними полями, я впервые услышал от своего, полностью русскоязычного, отца в рассказе об одном из самых для него страшных моментов войны.

(Нет это был рассказ не о страшных бомбардировках аэродрома авиабригады под Сталинградом, военным следователем которой был отец, не о ужасах, почти на 100% смертельного, в тех условиях, заболевания туляремией – после укуса крысой в землянке.

Это был рассказ о простом украинском слове “навпростець”.

Глубокой осенью 1942 года он и командир авиабригады поздно вечером возвращались откуда-то в штаб.

Необходимо было обойти леском, охраняемое взлетное поле аэродрома, что занимало минут двадцать. Но они устали, и обходить такое расстояние по грязи - не хотелось.

- А, пойдём навпростець, - предложил командир бригады.

Предложение прозвучало как приказ. И они пошли. Через несколько минут их остановил окрик:

- Стой! Кто идет? Пароль?!

- Командир бригады, - последовал ответ.

- Пароль ?! – настаивал голос из темноты.

Тут они оба сообразили, что пароля не знают – он к вечеру менялся. Повторное объяснение, что это командир, только вызвало:

- Ложись! – и перед их ногами срикошетили пули автоматной очереди.

Плюхнулись в землянную жижу. Но видно, сильно перепуганный, часовой продолжал «палить» – теперь уже над их головами. Большого ужаса, по словам отца, он в жизни не испытывал – ведь все зависело от дергающихся рук часового.

Вот таким бывает мирное слово «навпростець»).

В конце августа месяца 1975 года Юрию Петровичу Шкуркину – начальнику СКБ системотехники, позвонил начальник одного из отделов Кибернетического центра АН Украины Анатолий Алексеевич Морозов, и предложил СКБ принять участие в создании комплексно-автоматизированной системы управления производством НПО «Энергия».

НПО «Энергия» – вотчина Генерального конструктора космического кораблестроения СССР академика Сергея Павловича Королева находилось в Подмоскowie, на станции Подлипки.

Морозов со своим отделом уже давно работал на НПО «Энергия» и Центра управления космическими полетами в направлении создания уникальных периферийных компьютерных комплексов (за что и был удостоен Государственной премии СССР).

По его приглашению, я год тому назад уже побывал в НПО «Энергия», постоял возле святыни – бывшего кабинета покойного академика Королева (в то время кабинета его преемника - академика Глушко), побывал в цехе сборки двигателей ракет, но дальше меня не пустили. Нужно было специальное оформление пропусков (допуска к секретным документам было недостаточно), а я приехал в Подлипки всего на несколько часов и собирался к вечеру в Москву. Киевляне предлагали переночевать у них, а на следующее утро, пропуска в цех общей сборки ракет и Центр управления космическими полетами, будут готовы. Но услышав, что Морозов с командой живет в Подлипках в подвале, кишасщем тараканами и, возможно, крысами, я посчитал за лучшее уехать ночевать в свою комфортабельную гостиницу в Москве (о чем до сих пор жалею).

(Вообще, команда Морозова была своего рода уникальным явлением.

Когда в 1968 году я впервые приехал в Институт кибернетики, то был сразу удивлен маленьким коллективом лаборатории Морозова. В лаборатории работало одиннадцать сотрудников, всем было около тридцати. Занимала лаборатория маленькую продолговатую комнату, метров восемнадцати, на стенах которой висели фотографии 11 собак различных пород. Каждая из фотографий олицетворяла одного из сотрудников лаборатории. И, большинство сотрудников, этого коллектива, проработало с Морозовым всю жизнь: вместе ежегодно проводили огромное время в командировках - вдали от дома, от Киева, где выполняли совершенно уникальные работы в достаточно сложных бытовых условиях, вместе с Морозовым росли в должностях и степенях и т.д. Но все они, и сам Толя Морозов, и Саша Кобозев, и Вилля Вьон, и Славик Веренко - всегда оставались прекрасными людьми, с которыми было приятно, и всегда хотелось, общаться).

Поэтому, когда я получил приказ, в составе группы сотрудников СКБ, выехать, вместе с киевлянами, для предварительных переговоров в НПО «Энергия», несмотря на желание провести время в приятной компании, но памятуя о бытовых условиях Подлипок, - перспектива, в дальнейшем, длительной работы там, - у меня не вызвала никакого энтузиазма.

Но приказ есть приказ: группа львовян во главе с заместителем главного инженера СКБ Леонидом Рабием, меня и начальника бюро управления мелкосерийным производством Александра Ивановича Осташевского была создана, и готова отправляться в путь.

Оказалось, что в НПО «Энергия» нас могли принять только 30 августа – это был единственный свободный день у руководителей производства НПО на ближайший месяц.

Поэтому договорились с киевлянами, что мы приедем в Киев 28-го, 29-го выработаем совместную платформу для переговоров, и вечером поездом все уедем в Москву, так чтобы 30-го часам к 9-ти утра добраться до Подлипок. Билеты для всех на поезд Киев-Москва., естественно, должны были заказать киевляне.

28 августа мы приехали в Киев и разместились в бронированной, стоящей на горе и возвышающейся над Крещатиком, гостинице «Москва» (теперь «Украина»). Позвонили в Институт кибернетики, но все, интересующие нас люди, сегодня были заняты. И мы решили отдать

дань пешему ознакомлению с достопримечательностями центра Киева. За день мы раз семь уходили и приходили в гостиницу. Все было бы хорошо, но столько раз спускаться с горы из гостиницы по длинной лестнице на Крещатик, и столько же раз по ней подниматься обратно - оказалось делом весьма утомительным. Поэтому устали и рано легли спать.

На следующий день побывали в Институте кибернетики и обо всем договорились.

Правда, у киевлян что-то не получилось с заказом билетов на поезд, но они, люди опытные, сказали, что мы возьмем билеты перед отходом поезда.

В 17 часов мы все были на вокзале. Нас было семеро: Морозов, Кобозев, Вьюн, Веренко и нас трое. Ни на один поезд Киев-Москва билетов не было.

Мы все просто забыли, что через день – Первое сентября: все возвращались домой после летних каникул.

Оставалось надеяться на проходящие поезда. Распределились по кассам. Мне досталась касса для депутатов Верховного Совета СССР, УССР и Героев Советского Союза.

Через час стояния перед окном кассы, я уже получил обещание очень милых двух девушек-кассиров, что если будет хотя бы один билет на Москву, то они меня отправят, но семерых ...?! А зачем мне в Москву одному ?

В девять вечера ушел последний, устраивающий нас поезд на Москву. Девочки-кассирши сказали, что они передадут по смене, и нас завтра обязательно отправят в Москву. Но я попросил три билета в противоположную сторону - на любой поезд Киев-Львов: в Подлипках после 30-го нас уже не ждали. Оторопевшие кассирши не нашли билетов на сегодня на Львов, и продали три билета на завтра..

Все семеро сели в два такси и поехали в гостиницу «Москва». На счастье наш номер еще не был никем занят. Мы положили вещи и пошли в ресторан гостиницы ужинать.

В зале ресторана с кем-то заканчивал ужинать еще один сотрудник Института кибернетики, а кроме того земляк Лени Рабий (из Славуты), – Ярослав Дрымалык. Он быстро распрощался со своим напарником и пересел за наш стол.

Дрымалык был фигурой весьма колоритной. Шатен, среднего роста, весом килограмм сто двадцать, с длинными козацкими свисающими усами, он мне напоминал Гоголевский персонаж фильма « Ночь перед Рождеством» – Пузатого Пацюка. Также как тот, Дрымалык много кушал и пил, и был - также медлителен.

Хорошо поужинав и выпив две или три бутылки водки, мы часов в одиннадцать рассчитались и пошли провожать киевлян. Опять спустились по длинной лестнице с горы на Крещатик и нашли такси. Морозов, Кобозев, Вьюн и Веренко сели в него и уехали по домам, А Дрымалык сказал , что ему в другую сторону, но почему-то стал с нами подниматься по лестнице на гору. Возле гостиницы Рабий заявил, что ему надо еще поговорить с Дрымалыком, но минут через сорок он вернется в номер и мы запишем «пульку».

Мы с Александром Ивановичем пошли в номер, переоделись, помылись, и когда через полтора часа Лени еще не было, - пошли спать.

В начале четвертого ночи я проснулся от того, что кто-то с меня сдернул одеяло.

Это был Рабий. Но в каком виде? Рубашка разорвана на рукаве, на лице несколько ссадин.

- Леня, что случилось? Где ты был?

И Леня рассказал ужасную, трагикомическую историю.

Расставшись с нами, Рабий и Дрымалык, конечно, поднялись снова на 11 этаж в ресторан гостиницы – они поняли, что выпивали с людьми не их весовой категории. Поэтому решили выпить еще одну бутылку водки и разойтись. Сколько они выпили к половине первого ночи, когда их попросили покинуть ресторан, Леня точно сказать затруднился. Но точно известно, что к этому времени оба начали соображать исключительно неадекватно. Это привело к тому, что начав спускаться по злополучной длинной лестнице с горы на Крещатик, Дрымалык вдруг предложил:

- А ну их до биса, ци чортовы сходькы ! Пидем НАВПРОСТЕЦЬ !

Если бы это предложил Рабий, это можно было бы понять. Но Дрымалык, который прожил уже несколько лет в Киеве и, повидимому, неоднократно посещал ресторан «Москва»? Объяснить можно только сорокоградусной передозировкой.

Но факт остается фактом – два друга в темноте повернули на девяносто градусов налево и “бодро”, поддерживая друг друга, пошли вперед.

Правда, по рассказу Лени, шли так недолго: вдруг он почувствовал, что где-то потерял локоть друга, а сам оказался в “свободном полете”. Потом “бух” - упал на что-то мягкое, но все равно было достаточно больно.

Прийдя в себя, Рабий понял, что лежит на Дрымалыке, который вообще не подавал признаков жизни. Слез с него, огляделся. Оказывается, они рухнули с трехметрового обрыва на Крещатик под стены Киевской консерватории. Дрымалык зашевелился и сел. Вид его был ужасен: ведь он рухнул прямо на асфальт, а потом его еще ударила, ускоряющаяся в падении, 100-килограммовая “туша” Рабия. Лицо в кровоподтеках, пиджак разорван, нога разбита и вся в крови... Тень, отбрасываемая подпорной стенкой обрыва и стенами консерватории, скрывала их от глаз немногочисленных прохожих. Но они понимали, что как только выйдут на Крещатик, милиция немедленно их заберет в отделение (в те годы, по Крещатику в крови - не гуляли).

Где-то, через час, Леня настолько пришел в себя, что сумел пойти, найти такси и, за баснословные деньги, уговорить водителя отвезти окровавленного Дрымалыка и себя на окраину Киева - домой к Дрымалыку.

Что говорила им жена Дрымалыка в три часа ночи, увидев своего маломобильного супруга и, его не намного лучше выглядевшего земляка, Леня Рабий почему то скромно умолчал.

ЧУДЕСНЫЙ НАПИТОК

В марте 1976 года, ко мне в кабинет, зашел Главный конструктор отраслевого Головного проекта АСУП «Меркурий» Юрий Григорьевич Гиндич, и сообщил, что руководство СКБ решило командировать его, меня и Леонида Петровича Пюрко (начальника отдела СКБ по информационному обеспечению АСУП) в Пермь для «закрытия» кляузного вопроса - жалобы Пермского телефонного завода на наше СКБ в центральную газету «Правда».

Жалоба была на то, что проектом требовалось создание (для внедрения АСУП «Меркурий») нереального для реализации, по мнению завода, информационного обеспечения.

СКБ, на запрос газеты, что-то подкорректировало в проекте, но для того чтобы закрыть вопрос, необходим был положительный акт, подписанный Пермским заводом. А с начальником бюро информационного обеспечения отдела АСУП этого завода (достаточно неприятной женщиной) личные отношения ни у Гиндича, ни у Пюрко – не складывались.

Так как я, в то время, не имел к этому вопросу никакого отношения, и тем более, что даже не был знаком с, так называемой, пермской информационной «ведьмой», - спросил:

- А зачем туда поеду я ?

- Такое решение приняло руководство, - лукаво улыбаясь, ответил Юра.

- Это что – в качестве «вышибалы»? – наконец прозрел я.

Юра, который лично отвечал за решение вопроса с газетой, ничего не ответил, и смеясь ушел.

А я понял логику наших руководителей. Когда несколько лет тому назад я, впервые, приехал на Пермский телефонный завод, у меня сложились очень хорошие отношения с исключительно интересным человеком – в то время, референтом директора завода Титаренко (к моему большому сожалению сегодня я уже не помню его имени-отчества). Это был очень умный и опытный, высокий, поджарый, опирающийся на суковатую палку, пожилой человек, персональный пенсионер союзного значения (несколько десятилетий проработавший директором, крупнейшего в СССР, гиганта – завода «Камкабель»). Директор телефонного завода относился к нему с большим уважением, и всегда считался с мнением своего референта при решении серьезных проблемных вопросов. В связи с этим и поручил Титаренко персонально курировать развитие на телефонном заводе автоматизированных систем управления. Поэтому, совсем молодой начальник отдела АСУП завода Коновалов, принимая любое решение, естественно всегда «оглядывался» на мнение своего опытного шефа.

Я, как видно, очень понравился заслуженному пенсионеру, и поэтому, уже на третий день командировки, получил приглашение на работу на должность заместителя главного инженера завода по автоматизации (вообще, в моей жизни я получил такое экспресс-предложение уже во второй, и далеко не в последний раз. Совсем еще молодым человеком, в 1970 г. я получил такое же предложение, на такую же должность, но на второй день командировки, - на Сарапульском радиозаводе в Удмурдии).

Коновалов знал об этом предложении, и, как видно, поэтому проникся уже тогда ко мне соответствующим почтением. Кто-то рассказал об этом в СКБ, и, несмотря на то, что моего уважаемого пермского неожиданного патрона Титаренко, уже года два как не было на заводе (но Коновалов оставался), - руководство СКБ решило использовать возможные остатки бывшего почтения начальника отдела АСУП ко мне.

Пришлось лететь в Пермь.

В Перми, в то время, даже бутербродное (обезжиренное) масло выдавалось в очередях по карточкам, то же касалось и других продуктов первой необходимости. Поэтому при пересадке в Москве, в аэропорту Домодедово закупили (чтобы двухдневная жизнь в Перми не казалась очень горькой) деликатесы: красную рыбу, консервированный печеночный паштет, майкопскую колбасу и т.д.

В Перми в первый же день, практически до обеда решили все вопросы (по-моему, при моем минимальном участии), и довольные собой, с подписанным актом, отправились в гостиницу, в которой нам были забронированы места.

На улицах Перми, по краю тротуаров лежали огромные сугробы снега – такие, что из-за них не было видно проезжей части улицы. Но светило солнце, и настроение у нас было лучезарным. Кто-то высказал очень своевременную мысль о том, что продуктами мы обзавелись, а вот чем отпраздновать нашу блестящую, неожиданно быструю победу, - нет.

- Ребята, в Перми производится великолепный напиток, которого нет нигде в Союзе. Он по старым купеческим рецептам. Это водка на коньяке, которая названа в честь производившего ее когда-то купца – «Шустовка», - с видом большого знатока, сообщил я, чрезвычайно удивленным моими познаниями, спутникам. – Пошли ее искать.

(А мои знания были получены несколько лет тому назад, когда я впервые посетил Пермь.

В Перми жила ближайшая студенческая подруга моей мамы – Сара Фрадкина. Она была филологом, доцентом Пермского университета. И когда они с мужем, профессором-историком того же университета, принимали меня в своей огромной, под 200 кв.м, квартире, то и угощали этим удивительным напитком и рассказали об его истории).

Я по простоте душевной и посчитал, что в каждом гастрономе Перми любой смертный может купить, так понравившуюся мне «Шустовку».

Часа полтора-два мы безуспешно искали «Шустовку» в переполненных очередями, магазинах Перми, и наконец нам это надоело. Купили бутылку какой-то фирменной пермской водки, бутылку импортного джина, на этикетке которой было по-английски написано: «Капитанский джин» и несколько бутылок минеральной воды.

Пришли в гостиницу. Нам выделили трехместный огромный номер, метров тридцати, но с общими удобствами по коридору. Единственным преимуществом (или большим недостатком) было то, что туалет находился прямо напротив дверей нашего номера. Он представлял собою комнату метров двадцати и высотой метра три с половиной, по периметру которой были сооружены деревянные кабинки высотой чуть более полутора метров. Так что очередей в гостиничный туалет в Перми не было.

Мы вытащили свои припасы, и сели праздновать. Компания была спаянной многими совместными командировками и многолетними общими делами. Юра Гиндич всегда любил хорошее застолье, правда, после определенной рюмки становился очень обидчивым. Леня Пюрко, высокий, красивый 35-летний брюнет, как правило, внешне всегда очень серьезный, обладал прекрасным чувством юмора, который проявлялся только в едва уловимой смешинке глаз.

Разговор, под водку и хорошую закуску, шел веселый и незатейливый. Когда мы прикончили пермскую водку, то открывая «импортный» джин, я с удивлением обратил внимание на то, что на пробке бутылки, на чистейшем русском языке было написано: «Пермский ликеро-

водочный завод». Но своими наблюдениями с собеседниками решил уже не делиться – достаточно с меня было и «Шустовки».

Наконец водка, вода и закуска стали брать свое.

Леня встал и пошел в туалет. Минут через десять вернулся, и в глазах его был явный смех. Мы пристали к нему: что случилось ?

Леня сначала отмалчивался, но потом все же не смог не рассказать.

- Зашел в туалет. Сделал все, что было нужно. Начал выходить из кабинки, а двери не открываются. Толкнул двери сильнее, а двери не открываются. Начал бить по ним изо всех сил, а двери не открываются. Ну, думаю, гад Брискин – зашел тихонечко в туалет и подпер чем-то дверь. Ну, ничего, сейчас перелезу через верх перегородки и покажу ему, где раки зимуют! Начал перелезать через перегородку, оперся рукою на верхний торец двери, а она вдруг ... легонечко начала поддаваться во внутрь. Оказывается двери в кабинках открываются то во внутрь !

На последних словах его рассказа мы хохотали уже все троим.

Через какое-то время в том же направлении отправился Юра.

Мы с Леной были заняты каким-то серьезным обсуждением, и поэтому сразу не обратили внимания на странное поведение, вернувшегося минут через пятнадцать, Гиндича.

Потом сообразили, что Юра почему-то не принимает участия в разговоре. Повернулись к нему. Юра сидел притихший, глубоко уйдя в себя.

- Юра, что случилось ? О чем ты так задумался? – начали приставать мы теперь к нему.

Сначала он молчал, но через некоторое время его прорвало.

- Понимаете ребята, зашел в туалет. Начал опускать брюки, а они ползут вверх. Я их вниз, а они снова вверх! Ну, думаю, допился, наверное началась белая горячка. Чуть совсем плохо не стало – тут еще и живот прижимает. И вдруг сообразил: да я же забыл отстегнуть подтяжки! – уже, смеясь, закончил Гиндич.

Лет двадцать мы, все троим, молчали про эти космические пермские ситуации, но в связи с прошествием срока давности теперь считаю возможным их разглашение.

КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ

В конце лета 1979 года СКБ системотехники получило министерское распоряжение о необходимости представления на Координационном совете научно-технического Совета Минпромсвязи СССР по теме «Состояние работ в отрасли по внедрению единой системы технологической подготовки производства (ЕСТПП)» - своего доклада и демонстрационных материалов в разрезе этой темы. Предполагалось, что проводить Координационный совет будет Первый заместитель министра Георгий Дмитриевич Колмогоров.

Колмогоров был достаточно резким человеком среднего роста, с фигурой борца греко-римского стиля. Бывший директор, одного из закрытейших предприятий электронники в

Зеленограде, был человеком разностороннеграмотным, достаточно прогрессивным, но «на дух» не переносящим, к сожалению, ни наше СКБ, ни его руководство. Это всегда создавало для СКБ системотехники определенные трудности.

Так и в этот раз, услышав, что КС будет проводить Колмогоров, ни Юрий Петрович Шкуркин, ни его заместитель Михаил Федорович Кудрик, не горели желанием докладывать о достижениях СКБ на этом Совете. А в связи с тем, что тема Совета лежала в сфере работ моего отдела, то и представлять СКБ на Координационном совете поручили мне.

Что показывать на Совете у нас было: мы как раз закончили разработку уникальной, для того времени, системы автоматизированного проектирования технологических процессов холодно-штамповочного производства. Но как практически продемонстрировать сам процесс автоматизированного проектирования на ЭВМ Единой серии? Ведь эта машина представляла набор 8-10 шкафов, занимающих комнату 12-15 квадратных метров, и общим весом несколько

тонн. И даже то, что система была разработана для самой маленькой машины ЕС ЭВМ – ЕС1010, не спасало положения. Ведь такой ЭВМ не было ни на воронежском ПО «Электросигнал», ни тем более на территории заводского пионерского лагеря на станции Дубовка, где предполагалось провести Координационный совет.

А впереди был Колмогоров !!!

И тогда мы со Степаном Иосифовичем Мициком, начальником отдела периферийных технических средств, придумали парадоксальную систему представления материала. Парадоксальность состояла в том, что разработанная система для современных информационно-технических средств 70-х годов – ЭВМ, демонстрировалась средствами информирования 30-50-х годов: магнитофоном и проектором. Каждая дисплейная картинка системы автоматизированного проектирования, была заснята на фотопленку и изготовлены слайды. С помощью автоматического проектора и, синхронно сопровождающего каждый слайд, магнитофонного текста, мы добились выставочной имитации представления системы проектирования.

Довольные результатом, 2 октября мы с Мициком, нагруженные большим бобинным магнитофоном «Орбита» и, не меньшим по габаритам, проектором (но все же не 2-хтонной ЭВМ), улетели в Воронеж. В Воронеж должен был с нами лететь и тридцатипятилетний главный инженер Мукачевского телевизионного института «Электрона» Леонид Молчан. Он был членом Координационного совета. Но его что-то задержало, и Леня сказал, что прилетит на следующий день. КС должен был проходить три дня.

Прилетев в Воронеж, узнали, что проводить Совет будет не Колмогоров, а один из заместителей Министра – Немцов. Это нас сразу успокоило.

К тому же оказалось, что не только Шкуркин с Кудриком оказались такими умными: дабы избежать встречи с Колмогоровым на довольно скользкой теме, большинство руководителей научно-исследовательских организаций Министерства поручило сделать соответствующие доклады людям, непосредственно занимающимся этим направлением.

Поэтому, собравшийся, на территории пионерского лагеря, контингент сразу разделился на две возрастные группы. Первую представляли члены Координационного совета: директора и главные инженеры предприятий – люди в возрасте от 45 до 70 лет, в основном, мужчины, но было и несколько молодящихся номенклатурных дам. Вторую образовали докладчики: молодые люди до сорока.

Это сразу стало видно в столовой: молодежь села группой - заняла несколько шестиместных столов в углу зала. Нас за столом было пятеро: москвичи – работники отраслевого НИИ Виталий Давыдович Венбрин, Миша Сысоев, Володя Шустов и мы с Мициком (забронировали место для Лени Молчана).

Вдруг утром за завтраком, мы обнаружили за одним из столов директората молодую девушку лет двадцати пяти. Окружавшие ее, пять мужчин явно были довольны появлением за столом молоденькой соседки и оказывали ей всяческие знаки внимания.

За обедом молодежь уже откровенно волновалась – это был непорядок и явное ущемление корпоративных наших прав: среди нас не было ни одной женщины. Уже выяснили, что новенькая - докладчица из Черкасс Людмила Жидко. Поэтому мне, как представителю Украины и недоукомплектованного стола (Молчан так и не появился), поручили немедленно пригласить Люду пересесть за наш стол. Что я и сделал: Людмила с удовольствием согласилась (как видно она не очень хорошо себя чувствовала среди власть имущих), а ее бывшие соседи, все последующие дни, смотрели на меня буквально «волчьим взглядом» с нехорошим оскалом зубов.

На третий день Совета вечером был устроен банкет. Столы сдвинули вместе, уже не так чувствовалось размежевание. Я с большим удовольствием сидел и слушал интереснейшие тосты: руководители предприятий в этом деле были большие мастаки.

Вдруг в зал вошел Леня Молчан: оказывается из-за плохой погоды, он все это время добирался до Воронежа. Был голоден и очень устал: практически не спал двое суток. Мы его покормили, напоили и отправили спать на одну из наших кроватей.

Часов в 12 ночи банкет закончился.

«Старшая группа пионерского лагеря» разбрелась по своим комнатам, где продолжала опустошать уже свои личные запасы алкоголя.

«Молодняк» собрался в коридоре. Сначала пели под гитару (Людмила Жидко, оказывается хорошо ею владела, и неплохо пела), потом «травили» анекдоты. Часа в два ночи иссякли и анекдоты. А идти спать никому не хотелось. Что же делать? Чем же заняться?

Я подошел к Люде, и предложил провести розыгрыш Лени Молчана. Люда, была девушка заводная, и сразу согласилась.

Все подошли к дверям комнаты, в которой спал Леня. Люда зашла в комнату, оставив дверь полуоткрытой. Зажгла свет. Молчан спал как сурок, сладко похрапывая.

Вдруг Люда отвернулась и ... через голову сняла с себя платье, оставшись в комбинации (такого в моем сценарии не было, честное слово!). Мы все, стоящие в дверях и предвкушающие комедию, на секунду оторопели.

Потом наша примадонна подошла к кровати и начала трясти Леню за плечо. Наконец он проснулся. Увидев перед собою полураздетую женщину, Леня сел, спустив ноги на пол, и стал трясти головою, повидимому, пытаясь прийти в себя.

- Как Вы оказались в моей постеле?! – закричала Людмила. – Что Вы себе позволяете?! - Да я на Вас в партком напишу, - продолжала она голосить.

Очумевший Леня, ничего не понимая, продолжал сидеть и трясти головой, беззвучно открывая и закрывая рот. Потом, наконец, сообразил прикрыться одеялом, вскочил с кровати, и .... Увидел, стоящую в дверях толпу, которая мгновенно разразилась гомерическим хохотом.

Он обернулся к незнакомке, но она была уже одета, и тоже весело смеялась.

Когда утром мы втроем летели во Львов, Леня Молчан все время повторял:

- Ребята, я Вас очень прошу – никому не рассказывайте об этой истории. И так на меня пишут полно анонимок, каждый месяц приезжает какая-нибудь комиссия, А из этой истории они уж раздут ...

Мы смеялись, но обещали молчать. И много лет молчали

СУВЕНИРНАЯ ПУШЕЧКА

В конце 1978 года проводилась сдача в эксплуатацию АСУП «Меркурий» на Днепропетровском телевизионном заводе. В состав отраслевой комиссии по приемке системы были включены от Львовского объединения «Электрон» Главный конструктор Головного проекта АСУП «Меркурий» Юра Гиндич, начальник отдела СКБ системотехники Зиновий Кандзеля, начальник отдела АСУП Львовского телевизионного завода Анвар Исмагилович Шамматов и я.

Комиссия должна была работать в Днепропетровске три дня. Меня что-то задержало во Львове, поэтому я обещал прилететь на второй день. Однако из-за нелетной погоды, я сумел вылететь со Львова только утром на третий день работы комиссии, да и то рейсом Львов-Полтава-Кривой Рог. К тому же в Полтаве мы «просидели» около пяти часов, поэтому к Кривому Рогу подлетели где-то около пяти. Налетав много часов на больших пассажирских самолетах (Ан-10, Ту – различных модификаций), впервые летел на самолете Як-40. И когда при снижении на посадке в Кривом Роге он «завалился» над Днестром на крыло, пережил «очаровательное» чувство удивления, от раскрывшейся перед глазами красоты, смешанного с огромной долей страха. Из Кривого Рога добирался до Днепропетровска рейсовым автобусом. Заснеженная трасса, в ряде мест, была покрыта толстой коркой льда, поэтому скорость движения автобуса была минимальной. На Днепропетровский автовокзал прибыли около семи вечера. Уже было темно.

Позвонил из телефона-автомата в приемную телевизионного завода, представился, мне сказали, что за мной посылают машину. Действительно минут через пятнадцать приехал микроавтобус «РАФ», и повез меня на завод. Сопровождающий представитель завода сказал, что комиссия уже подписывает акт приемки системы. Когда мы подъехали к заводу, члены комиссии как раз выходили с проходной. Я прямо в машине и подписал заключительный акт приемки. Потом вся комиссия поехала куда-то ужинать, а меня повезли сначала устраивать в гостиницу. Устроили и повезли на ужин.

Ехали достаточно долго. Как видно, «место встречи» находилось где-то на окраине города. Выйдя из микроавтобуса, с удивлением обнаружил перед собою на здании вывеску «Дирекция Днепропетровских пивоваренных заводов». - ???

Мы вошли в здание, подошли к дверям с вывеской «Приемная». Зашли в кабинет директора. Большой директорский кабинет был полуосвещен, но никого в нем не было. На красивом директорском столе стояли дорогой письменный прибор и какие-то безделушки, лежали аккуратно сложенные деловые бумаги. Стены были отделаны красным деревом, а одна из них представляла сплошной, до потолка, шкаф, комбинированный с открытыми книжными полками. Мой сопровождающий подошел к одной из секций полок и легко ее потянул на себя. Секция-дверь повернулась, и открылся вход в соседнюю комнату, где во-всю уже пиновала комиссия.

Меня встретили радостные крики. Так как с утра я ничего не ел, то первым делом посмотрел на стол. Там стояли бутылки с водкой и рюмками для нее, кувшины с пивом и полулитровыми бокалами для него, тарелки с нехитрой закуской: колбаса, сыр, на большом блюде лежала горка тарани. И все?! Да, тут особенно голодному и покушать то нечего!

Тут же со словами: «Мы при каждом тосте Вашу рюмку сливали в этот штрафной стакан» поднесли полный граненый стакан водки.

(Вспомнилась первая командировка в моей жизни. Это был, наверное, 1959 год. Восемнадцатилетнего техника Львовского проектного института «Гипроград» отправили в райцентр Радехов на два дня - что-то замерить. По дороге в Радехов, познакомился с тридцатилетним соседом по автобусу, работающим шофером грузовика, и тоже едущим на два дня в командировку в Радехов. В отличие от меня, он не первый раз ехал в Радехов, все там знал, пообещал помочь устроиться в гостинице и показать местную достопримечательность –чей-то полуразрушенный старинный замок.

Действительно, приехав во второй половине дня в Радехов, мы устроились в местную гостиницу – в номер на десять человек, и пошли поужинать в какую-то «Чайную».

Там мой новый знакомый заказал хороший обед на двоих, тогда в райцентровском общепите кормили прекрасно, и бутылку анисовой настойки. Я там, в первый и последний раз,пил этот «шедевр». Мне был налит полный стакан анисовки, и я, чтобы «не подкачать» перед новым знакомым, его выпил. После этого я плохо помню какие-то развалины-достопримечательности, на которые меня водили в сумерках, и, хорошо помню, как, сквозь сон, в нашем густонаселенном номере, слышал орущий по радио на всю гостиницу «Голос Америки». В этот день, как раз впервые, в соответствии с соглашением между СССР и США, его перестали «глушить»).

Я посмотрел на окружающих как на сумасшедших: мало того, что я вообще редко и мало пью, я еще целый день ничего не ел и очень устал в дороге!

Но тут мои глаза встретили иронически-заинтересованный взгляд Анвара Исмагиловича Шамматова. Мой многолетний оппонент с большим интересом наблюдал, как я буду выпутываться из такой ситуации. Дать ему насладиться своим «поражением»? Нет! Ни за что!

И я опрокинул стакан в раскрытый рот (правда с перепугу почему-то при этом глаза закрыл). Услышал рукоплещущие восторги подвыпившей компании. Открыл глаза, взял со стола кусочек сыра, и закусил. Дальше пошло значительно легче: мне уже было все равно – соображать я стал туго.

Наконец нам предложили сделать перерыв и пройти в соседнюю комнату – кабинет директора. (Необходимо было убрать на столах перед подачей горячих шашлыков). Оказывается все таки и покушать дадут. Но мой голод куда-то ушел?

Я встал, держа в правой руке полный бокал пива, и твердой походкой, так мне казалось (и только мне), вышел в соседнюю комнату.

Там, возле директорского стола, уже собралась большая компания. Юра Гиндич подозвал меня и стал показывать стоящий на столе, небольшой сувенирный макет старинной пушки:

- Как ты думаешь, из какого материала сделана эта пушка?

- Из какого-то металлического сплава, - мельком взглянув на пушку, тяжело ответил я.

- Нет ты подними ее. Она такая тяжелая. Просто непонятно из чего она, - продолжал настаивать Гиндич.

Что-то меня сдерживало, но мысль работала очень, ну очень медленно. Я взял пушку в руки. Мгновенно раздался довольно громкий хлопок-выстрел (пушка была с сюрпризом).

Но я был слишком «тяжел», окончательно заторможен, чтобы отреагировать на любой внешний раздражитель, даже на неожиданно раздавшийся выстрел. Зенек Кандзеля, стоявший рядом, страховал мой полный бокал с пивом. Он был уверен, что от неожиданности, я выроню его из руки. Но ни моя рука, ни я сам – не дрогнули. Просто мое состояние не позволило мне понять, что же произошло. Притупленное сознание смогло только «в тумане» зафиксировать повторяющееся восклицание Зенека: «Ну ты даешь! Ну ты даешь! ...» и, округлившись от удивления, узкие глаза Анвара Исмагиловича.

МОЙ АДРЕС СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ...

Постоянно находясь в разъездах, в командировках, я всегда "железно" следовал правилу: приехав в новый город, немедленно сообщать домой где нахожусь.

Сделать это было не всегда просто – и в 70-80-х годах XX века состояние телефонной связи даже между достаточно большими городами Советского Союза - было отвратительным.

(Как не вспомнить старый анекдот 70-х годов.

Пожилой украинец решил позвонить своему брату - из Львова в райцентр области – Радехов.

Целый день заказывал телефонный разговор с Радеховым – отвечали: связи нет. Человек разозлился и заказал международный телефонный разговор - междугороднюю телефонную станцию Нью-Йорка. В течении часа ему такой разговор предоставили.

- Нью-Йорка! Нью-Йорка, дайте, будь ласка, Радехив! Ра-де-хив!

И тут же услышал в ответ:

- Please, Radechiv!)

Сегодня, когда мы легко со своего мобильного телефона, практически из любого, не столь отдаленного от райцентра, села, можем связаться с любой страной мира – это кажется почти невозможным. А еще в 1995 году, услышав на специализированной конференции в Киеве цифры о том, что в Израиле абонентов мобильной телефонной связи чуть ли не два раза больше всего населения Израиля, я посчитал это неудачной шуткой Второго секретаря Посольства Израиля в Украине. А, оказалось, что это была чистая правда!?

Тяжело простому человеку спрогнозировать и представить себе возможные скачки в развитии технической цивилизации современной жизни.

(Где-то в 1985 году, ко мне на стол - начальника отдела Научно-исследовательского института информатики и управления - впервые поставили персональный компьютер.

Мы тогда только начинали разрабатывать элементы систем управления предприятиями на персональных компьютерах. Сами АСУ были спроектированы с использованием больших и малых ЭВМ типа ЕС ЭВМ и СМ ЭВМ. Внешняя память этих машин на магнитных лентах и магнитных дисках занимала пару десятков квадратных метров площади.

На моем же персональном компьютере «Правец» был установлен внутри маленького настольного корпуса (!) жесткий магнитный диск объемом 10 (!!!) мегабайт памяти. И это для меня одного! Персонально! Поэтому, когда, один из самых сведующих программистов института, Евгений Наумович Манн мне сказал, что за границей уже появились винчестеры с объемом 100Мб, я "с пеной у рта" ему доказывал: такие "винты" никому не нужны! Компьютеры ведь персональные! Если мне поставят "винт" на 20Мб, то мне хватит на всю жизнь! А через каких-то 15 лет 80-ти- уже не -Мега-, а -Гига-байтный жесткий диск персонального компьютера считался небольшим !

В 1977 или 78 году вечером, после работы мне позвонила мама и попросила прийти. Выяснив, что ничего неприятного не случилось, я стал отговариваться – устал, приеду завтра ... Но она настаивала. Делать нечего – пошел.

Зайдя в комнату, увидел, сидящего за столом, спиной ко мне, незнакомого невысокого худощавого мужчину. Он поднялся и повернулся лицом ко мне. И меня сразу поразила "главная" особенность его внешнего вида – на груди заблестели две медали: лауреата Ленинской и Государственной премий СССР. Оказалось, что это мамин одноклассник – конструктор бортовой аппаратуры Кунявский (к сожалению, не помню его имени-отчества).

Кунявский в разговоре рассказал об одном интересном факте, ярко характеризующим технологические скачки, происходящие в развитии техники и, естественно, в нашей жизни.

Во второй половине 70-х годов вся бортовая аппаратура в Советском Союзе создавалась уже на базе многослойных печатных плат и "чипов". О широком применении полупроводников в этой аппаратуре уже давно забыли – жизнь требовала микроминиатюризации изделий. А еще десять лет тому назад (т.е. в середине 60-х годов), рассказывал этот выдающийся конструктор, Министр радиопромышленности СССР Валерий Михайлович Калмыков (сам прекрасный инженер и конструктор) позвонил Кунявскому и спросил:

- Вот я прочел в американском журнале о применении каких-то полупроводников в оборонной технике. Ты не знаешь, что это такое?

И Кунявский, допущенный ко всем величайшим секретам советской оборонной техники, ответил, что "сходу" рассказать об этом не сможет, за несколько дней разберется и доложит.

А через десять лет ...!

В этом же разговоре он упомянул (а я тогда не совсем понял справедливость его мнения об очень мною уважаемом В.М.Калмыкове), что Калмыков был конечно великолепным инженером и организатором, но одновременно и "большим царедворцем". В угоду Политбюро ЦК Партии он первым в оборонной промышленности, под лозунгом прекращения дубляжа в разработках и специализации конструкторских организаций, исключил из процесса создания оборонной аппаратуры такой важный фактор, как конкуренция, чем затормозил развитие отрасли).

***

Так вот на фоне современной повсеместной "гаджетизации" населения, кажется непостижимой история, которую я наблюдал в Москве в 1980 году.

Мне нужно было срочно позвонить в субботу В.И.Скурихину в Киев. Он перед этим поменял квартиру, и его нового домашнего телефона я не знал. Поэтому решил пойти на Главный телеграф Москвы на улице Горького и оттуда, по справке, заказать телефонный разговор.

Заказал, сказали, что заказ выполнят в течении часа. Устроился в зале в кресле, и осмотрелся. Народу, ожидающего заказанных телефонных разговоров, в зале было много.

Но мой взгляд и слух привлекли, сидящие напротив меня две беседующие девушки, лет 23-х-25-ти. Одна высокая, худая, некрасивая, с чисто московским говором, другая – среднего роста, пухленькая, смуглая и симпатичная, живо говорящая с каким-то непонятным, но очень приятным, акцентом. Подумав, я решил, что "пышка" - представительница народов республик Средней Азии, и переключил свое внимание на других тоскующих и страждущих.

Время шло, но никто меня к телефону не приглашал. Краем глаза я увидел, что "моя симпатичная среднеазиатка" встала и направилась к окошку администратора зала. Минут через пятнадцать она вернулась в чрезвычайно возбужденном состоянии. Размахивая руками, очаровательная смуглянка с усилившимся акцентом на весь зал стала рассказывать подруге: "Я ей говорю, что уже давно ожидаю телефонного разговора. А она мне, что заказ будет выполнен в порядке очереди. Я ей объясняю, что в Риме (!) уже три часа родственники ждут моего звонка и волнуются, а она мне – в порядке очереди. Я ей говорю, что они там не могут такого понять: я же звоню в Рим из Москвы, из Мос-квы!, а не с Антарктиды, а она мне.."

Не могла понять, как оказалось, итальянка - "загадочную русскую душу".

***

Где-то в 1974 году приехал я в командировку в Тольятти. Устроился под вечер в центральную гостиницу, и, так как телефоны в этот день в гостинице почему-то не работали,

пошел искать главпочтамт, дабы позвонить домой. Уже стемнело. На выходе из гостиницы швейцар объяснил, как пройти к почте и предупредил, что в городе в вечернее время ходить одному небезопасно.

На почте оператор связи сказала, что заказ может принять, но ждать придется до трех часов. После «швейцарского» предупреждения - это меня не устраивало. Поэтому взял бланк телеграммы и ... Что же написать? В большом количестве телеграмм, посылаемых из разных точек страны, уже были использованы всевозможные "экспромты", повторяться не хотелось. Придумал - написал на бланке: "Я в Тольятти". Посмотрел. И самому стало стыдно.

Взял новый бланк и написал: "Мой адрес Советский Союз ...". Прочитал еще раз, понравилось, и протянул бланк в окошечко симпатичной девушке-оператору.

За стеклом раздалось тихое хихиканье, затем девушка вскочила и побежала за перегородку. Через минуту оттуда вывалилась гурьба смеющихся женщин, которые внимательно стали меня рассматривать. Вот ведь повезло: устоявшуюся вечернюю скуку, возможно было развеять за счет необычного посетителя!

Я стоял и смущенно улыбался под веселыми женскими взглядами. Наконец, старшая из них (и по возрасту и, как видно, по положению), смеясь, произнесла: «Ну зачем же весь Советский Союз? Можем на выбор предложить несколько конкретных адресов. Сами выбирайте!» И она, все больше заливаясь смехом, показала рукой на веселившихся девушек.

Я совершенно растерялся. Мои ответы на их шутки были больше похожи на бляенье, потерявшего маму, ягненка.

И девушки проявили милосердие. Они все вместе быстро оформили телеграмму, наотрез отказались взять с меня деньги за ее отправку, и пожелали успехов в командировке. Но их задорные, веселые и милые лица остались навсегда в моих воспоминаниях о лучших и приятнейших сторонах Советского Союза.

«БЕЛЫЙ ЧЕЛОВЕК»

В начале 80-х годов XX века в Советском Союзе, в инженерной среде, считалось, что более-менее приличные деньги можно заработать только на Крайнем Севере или в Сибири – на, так называемых, комсомольских стройках.

Вот и среди нас, бывших ведущих сотрудников СКБ системотехники «Электрона», зрела идея, уехать, всем вместе, в Усть-Кут на строительство БАМа (Байкало-Амурской магистрали). И это несмотря на то, что большинство из нас работали на достаточно, по тем временам, хорошо оплачиваемых должностях (начальники и заместители начальников Вычислительных центров города Львова, начальники вычислительных центров заводов и т.д.)

«Закоперщиком» в этой идее был Влад Сотников, который уже поработал пять лет в Ангарске, и почувствовал вкус несколько больших денег. Но, как это обычно бывает, дальше «посиделок» на квартире кого-то из нас и мечтаний - дело не шло.

В это время меня пригласил приехать посмотреть производство и оценить возможность создания АСУ на Лесосибирском деревообрабатывающем комбинате (Красноярский край) бывший секретарь парткома «Электрона» Генрих Кордюков, который работал главным инженером этого комбината.

И я полетел в Красноярск. Из Красноярска до Енисейска летал маленький чешский Л-140. Я впервые летел на таком самолете. В салоне – 8 или 10 мест. Высота полета – птичья, скорость небольшая. В общем чувствуешь себя как в микроавтобусе – но обзор ...!

Летели вдоль Енисея-батюшки. Красота неопишуемая. Тайга, лесосплав - как на ладони! Удовольствие на всю жизнь.

В аэропорту Енисейска встретила «Волга» и доставила в Лесосибирск. Впервые побывал на производстве переработки леса и был потрясен его мощью и простотой.

На следующий день вместе с директором комбината на машине отправился в Енисейск, дабы совершить обратный перелет во Львов. В машине получил предложение переехать в Лесосибирск на должность заместителя главного инженера по автоматизации, но какое-то

невнятное, неопределенное. Поэтому поблагодарил и отказался. (*Вообще-то, я, в моей жизни, несколько раз получал предложения занять такую должность. Но почему-то, это происходило - не в Москве, Ленинграде или Киеве, а в Бердске, Сарануле, Перми, Воткинске ...?!*)

Но идея в голове ведь осталась.

В начале 1982 года я связался по телефону с бывшим работником отдела снабжения «Электрона» Богданом Завербным, который в это время работал «снабженцем» в геолого-разведывательной партии в Салехарде – админцентре Ямало-Ненецкого национального округа Тюменской области, и попросил его «прозондировать» возможность моего устройства на работу по специальности там – в Заполярье. Богдан пообещал заняться этим вопросом.

(*Вообще, с Богданом Завербным, несмотря на то, что он был старше меня лет на десять, мы были в приятельских отношениях уже много лет. Знал я его с детства. Жил Богдан - на улице Чехова, соседней с моей родной - Верхратского.*

Потом на «Электроне» я несколько раз прекрасно проводил, в компании этого веселого толерантного человека, выходные дни в командировках в Москве.

Но с детства в мою память ярким пятном врезался один эпизод, связанный с Богданом.

В доме напротив Богдана жила, в будущем одна из первых дикторов Львовского телевидения, Стефания Харчук - в девичестве Битюкова. Как-то в возрасте 12-13 лет, я шел по Чехова. В это время на Чехова с Пекарской по проезжей части улицы повернула колонна взвода курсантов Львовского политехнического училища во главе с молодым лейтенантом Завербным. Я залюбовался подтянутым улыбающимся командиром, идущим впереди курсантов по родной улице .

Вдруг что-то изменилось в лице Богдана. Оказывается из своего дома вышла, тогда еще студентка, Стефа. Богдан дал команду – равнение направо! И взвод, «парадным шагом», равнением на сияющую пунцовую девушку, промаршировал мимо красавицы. Впереди шел, чеканя шаг и «взяв под козырек», лейтенант Богдан Завербный).

Шли месяцы, но из Богдана ничего кроме обещаний в ближайшее время решить мой вопрос, я вытащить не мог. За эти месяцы я достаточно глубоко изучил состояние и перспективы применения электронно-вычислительной техники в геофизике. Поэтому в мае окончательно решил собраться и уехать на Север – была какая-то внутренняя уверенность что на работу я там устроюсь.

Уволился с работы, собрал все свои вещи в большой кожаный светлокоричневый чемодан (наверное 1,2м на 0,7м), купил для Богдана бутылок шесть львовского пива, несколько пучков первой закарпатской редиски и зеленого лука, корзиночку клубники, походил по Львову – попрощался ... Боже, я, наконец, понял - какой удивительно красивый город !

До Завербного что-то дозвониться не сумел, но ничего – разберемся на месте.

И вот - 1-го июня 1982 г. ранним утром я вылетел в Москву, чтобы уже оттуда улететь в Салехард. Рассчитал, что 2-го числа утром буду в Салехарде. Самолет Москва-Салехард делал промежуточную посадку в Сыктывкаре – столице Коми АССР. Там была объявлена задержка дальнейшего перелета в связи с «обледенением взлетно-посадочной полосы в аэропорту Салехарда». И это в начале первого летнего месяца?!

После нескольких часов ожидания мы, наконец, вылетели, но приземлились не в Салехарде, а в Воркуте. Причина была та же – «обледенение взлетно-посадочной полосы в аэропорту Салехарда». Была объявлена задержка рейса на три часа.

Я был в Воркуте (!) - воспетом в «блатнях» центре оседания, после «отсидки», воров и грабителей. Как же не познакомиться с этим городом? Выяснил, от аэропорта до города – 30 минут автобусом. Да вот – незадача. Как оказалось, в аэропорту Воркуты камеры хранения ручной клади начисто отсутствуют. Что делать? Не тащить ведь с собою на «экскурсию» большой и достаточно увесистый чемодан?

И я решился на достаточно рискованный эксперимент. Пикантность ситуации была в том, что провести его я собирался именно в Воркуте – в городе с совершенно определенной репутацией.

Зал ожидания аэропорта представлял собою помещение метров 250-300 квадратных с очень высоким потолком. Кое-где у стен зала стояли кресла, в которых отдыхали пассажиры, остальные «слонялись» по залу. В зале скопилось человек 50-70.

Я ставлю свой чемодан по центру зала и отхожу в сторону. Наблюдаю. Никто на чемодан внимания не обращает, идущие аккуратно его обходят. Ну что ж, –вперед, в автобус.

Пробежавшись по нескольким центральным улицам Воркуты, я сел в автобус, который ехал в аэропорт. И тут ... Сердце стало ныть, «под ложечкой засосало» - я занервничал. Зачем только начал этот «эксперимент»?!. Что я буду делать, если чемодан со всеми моими вещами украли?! Мне казалось, что за эти полчаса поездки я поседею. Приехали, запыхавшись вбежал в зал ожидания. Смотрю .... Стоит мой дорогой, как и стоял, по центру зала – никто на него внимания не обращает. Уфф!

В это время объявляют, что рейс до Салехарда откладывается на трое суток по той же причине – «обледенение взлетно-посадочной полосы в аэропорту Салехарда» и в ближайшее время погодные условия в Салехарде не поменяются. Знающие люди объяснили, что в Салехарде взлетно-посадочная полоса не бетонная, а так как местность болотистая, грунтовая с врытыми в землю поперечными металлическими полосами, на которые при обледенении сесть самолету невозможно.

Сказали, что до Салехарда можно добраться железной дорогой. Что я и сделал. Прекрасное 20-тичасовое путешествие через северный Урал, с совершенно уникальными природными краевидами. Рано утром, через трое суток после вылета из Львова, вышел, в легком сером плащике, из поезда на станции Лабутнанги, которая находится напротив Салехарда, на противоположном берегу Оби.

Дельта Оби, при впадении в Карское море, представляет собою удивительное зрелище – бассейн площадью около 4 квадратных километров. Несравнимо с очень широкой Обью в районе Барнаула, единственном месте на Оби, где я успел до этого побывать. Переправляясь на пароме в Салехард, вдоволь налюбовался доселе невиданным обзором. При этом, безжалостно выбросил в воду, сгнившие за трое суток в совершенно неподходящих условиях, редиску, лук и клубнику (пиво не выбросил, удивительно - не сгнило!).

Салехард сразу удивил. Я видел древние деревянные тротуары в Сарапуре и Пензе. Но здесь деревянные тротуары держались на сваях высоко над уровнем земли, дома тоже стояли на высоких сваях – болота, топи.

Около 7-ми утра ввалился в квартиру Завербного. Он был уже одет – собирался уходить. Очень удивился моему появлению, сообщил, что сейчас улетает на 10 дней на полуостров Ямал, предложил воспользоваться всем, что есть в квартире, попробовать самому поискать работу, забрал пиво – и был таков.

Квартира Богдана представляла собою небольшую комнатку и крохотную кухоньку. В комнате стояли: сервант, одежный шкаф, тахта и стол. Сразу обратил внимание на необычную вещь: на серванте стояла фотография самого Завербного (еще в военной форме), а под нею лежала записка с анкетными данными Богдана и адресами матери и бывшей жены. Что бы это могло значить? Понял: одинокий человек подготовился, если с ним что-то случится. Первый раз задумался: все ли правильно я делаю (первый звончек), но отбросил «глупые» мысли и сел завтракать.

Часов в 10 началась метель, пришлось вытащить из шкафа дубленку Завербного (скорее доху), максимально тепло одеться, и пойти на ознакомительную прогулку по городу. Походив по городу, ознакомившись с имеющимися в городе организациями, я понял – это не то место где я сумею осесть. Но ничего у меня был «план 2», разработанный еще во Львове (в «кабинетных условиях»). А пока что, необходимо было что-то купить на голову – холодно. Красивые меховые шапки-ушанки продавались в Салехарде чуть-ли не на каждом углу. И такие красивые, теплые, с длинным пушистым мехом : рыжие, черные, серые, пегие, ... У них у всех был только один недостаток – они были из собачьего меха. Я не мог понять: как можно одеть на себя собачью шапку?! Так и не купил.

Зато в продуктовых магазинах была в разных видах очень вкусная дефицитная корюшка: и консервы, и свежемороженная, и копченая. Объеденье. Впервые увидел в свободной продаже в

Советском Союзе 96% пищевой спирт. Магазины были «забиты» полулитровками этого продукта с красными крышечками – Заполярье!

Прожив два дня в Салехарде, приступил к реализации «плана 2».

Газонефтедобыча в Тюменской области концентрировалась, в основном, в пяти точках: Надым, Новый Уренгой, Нефтеюганск, Сургут и Нижневартовск. Почему-то, еще во Львове, мне не понравились Нефтеюганск и Сургут (считал что это уже юг, а Нижневартовск?), и я их из своего плана изъял.

В одном из этих городов я и собирался обосноваться. Но Надым и Новый Уренгой были «закрытыми» городами. Для их посещения необходимо было или разрешение милиции, или командировка. Поэтому еще во Львове я запасся бланками командировочных удостоверений с печатями.

Заполнил бланк командировочного удостоверения на Надымское управление нефтедобычи, и отправился в кассы аэропорта Салехарда за билетом в Надым. Попросили предъявить документ-разрешение на посещение Надыма. Предъявил. Прошло, продали билет. Милицию, при посадке в самолет, докуметы тоже удовлетворили.. Наконец увидел эту злополучную взлетно–посадочную полосу с врытыми поперечными металлическими полосами . Действительно, есть чему леденеть.

Прилетел в Надым. Здесь милиция значительно строже отнеслась к моим документам, долго их изучала, вертела в разные стороны, чуть ли не нюхала, но, ничего, пропустила. Пошел в управление нефтедобычи и потерпел полное фиаско – такие специалисты им были совершенно не нужны. Но не унывал. Дописал в командировочное удостоверение Новый Уренгой и отправился в аэропорт.

В аэропорту сообразил, что забыл отметить в командировочном удостоверении посещение Надыма. Возвращаться в управление после столь неприятного отказа в работе - не хотелось. Памятуя как надымская милиция встретила мой приезд , понял что без отметки в удостоверении они меня в Новый Уренгой не выпустят, и еще неизвестно чем это закончится – в Советском Союзе подделка любых документов каралась жестоко. Знак «сверху» - в Новый Уренгой лететь не стоит.

Подошел к кассе. Попросил билет в Нижневартовск. Оказалось рейс только завтра. Деваться некуда, буду ждать в аэропорту. Через час по радио объявление: пассажира, который хотел вылететь в Нижневартовск, просят подойти к кассе. Оказалось, что в Ханты-Мансийск вылетает грузовой Ту-134 и на нем есть свободное пассажирское место. Это, хотя и в сторону, но почти полпути до Нижневартовска. С радостью согласился лететь и купил билет. Показали, где стоит самолет, и сказали идти к нему – экипаж в курсе. Подошел к самолету – трап спущен, никого нет. Зашел в ТУшку. Пустой салон, в котором были убраны кресла, показался огромным. В конце салона, в закутке стояли два кресла, в одном из которых я и устроился. Минут через десять пришел экипаж – два молодых летчика, поинтересовались, лечу ли я в Ханты-Мансийск , но не поинтересовались - есть ли у меня билет, пожелали приятного полета и ушли в кабину. Все, я их больше не видел. Я остался один в совершенно пустом салоне Ту-134.

Высоко летим над Северо-Западной Сибирью. Я чувствую себя техасским нефтяным королем, летящим на персональном реактивном самолете над своими нефтяными скважинами. К сожалению, это чувство прошло, как только мы сели в Ханты-Мансийске, ведь снова надо добывать билет - в Нижневартовск.

В Нижневартовске поселился в гостинице, ведь это уже, по сравнению с предыдущими, вполне цивилизованный город современных пятиэтажных микрорайонов. Пошел по нефтегазодобывающим и геологоразведывательным управлениям, но ничего подходящего для устройства на работу - не нашел.

В гостинице я жил в номере с мужчиной толи из Омска , толи из Томска. И он рассказал несколько интересных историй.

(Его сын - капитан, командует авиадесантной ротой спецназначения. Сегодня мы насмотрелись различных сериалов про спецназы. А тогда это было почти в диковинку. Единственный фильм про авиадесантников того времени – известная дилогия «В зоне особого внимания» и «Ответный ход» с актером Галкиным-старшим в роли лейтенанта Тарасова.

И вот актер Галкин проходил, перед съемкой фильма, стажировку именно в роте этого капитана. Элитность этой роты определяло то, что она первая десантировалась на дворец бывшего ставленника СССР - афганского президента Амина, когда он перестал удовлетворять Кремль.

Но меня умилила история «побывки» капитана у родителей. Вечером сын собрался пойти погулять в город. Мать стала просить его поздно одному по городу не ходить – в этом сибирском городе была беспокойная криминальная обстановка. Сын, только улыбался матери, и обещал быть осторожным. А отцу сказал, что совсем не завидует тому, кто станет на его пути – его этому здорово научили).

«Шатаюсь» по Нижневартовску, я вдруг обнаружил в одном из гастрономов кофейный аппарат для приготовления натурального эспрессо-кофе. Это была такая удача, ведь я так соскучился по хорошему кофе – не из бака. И это после бесчисленных львовских «кавярень»!

Радуюсь, я попросил молодую, но уже успевшую раздобыть, продавщицу приготовить мне кофе. Она взяла почему-то достаточно большую чайную чашку (ну ладно, еще не успели, как видно, закупить кофейные), Положила в чашку чайную ложечку кофе. Затем попыталась положить туда же две чайные (уже хорошо, что чайные) ложечки сахара, но на второй была остановлена – очень удивилась. Включила аппарат и ... полностью наполнила чашку (чайную !) крутым кипятком. У меня «отвисла челюсть»?! (Прозвучал второй звоночек – «а туда ли я приехал жить?»). Придя в себя, я пообещал продавщице заплатить за эту чашку кофе-пойла, вылить ее, повторить все снова: только положить две ложечки кофе и заполнить кипятком максимум третью часть чашки. Удивленная продавщица спросила:

- Как Вы это будете пить?

- Вы увидите - я справлюсь! - любезно поторопил я ее.

Какой это был кайф ! Отпивая кофе, я был на седьмом небе. Уходя, чувствовал на себе восторженный взгляд продавщицы – вот это мужчина, вот это крепость.

Бесполезно прожив дня три в Нижневартовске, я решил полететь в областной центр Тюмень – все таки управление всем тюменским нефтегазодобывающим комплексом осуществлялось оттуда. Может быть, там повезет.

Прилетев в Тюмень, поселился в главной гостинице города. Но сразу почувствовал ее стандартность и провинциальность. Даже в Нижневартовске, гостиница была куда фешенебельнее. Да и город Тюмень дышал тем же. Решил сегодня отдохнуть – было очень жарко, а завтра заняться делами. Но ночью в гостинице я понял все прелести сибирской жаркой ночи. Передвигаясь с Крайнего Севера Тюменской области на юг, я все время удивлялся: а где же, столь красочно описываемые в литературе, полчища комаров и гнуса, не дающие спокойно жить человечеству в этой местности? Их не было - ни в Салехарде, ни в Надыме, ни в Ханты-Мансийске, ни в Нижневартовске.

Но здесь, в Тюмени я получил «это удовольствие» сполна. Ночью тоже было очень жарко, но лежать в кровати, можно было, только с головой укутавшись в простыню. И то эти гады постоянно каким-то образом проникали. Услышав тоненькое зудение, сразу готовился к достаточно болезненному комариному укусу. И это через каждые три-четыре минуты! Так прошла ночь. И прозвучал третий, и последний, звоночек (а может колокол) – «здесь жить нельзя!»

Утром я улетел в родной город.

P.S. Для сравнения. В 1982 г. бюджет этого двухнедельного «авиапутешествия» на 15000 (пятнадцать тысяч) километров составил около 400 рублей. Это по тем временам трехмесячная зарплата простого инженера (а она была очень невысока!).

«ОЛЕГ ПОПОВ»

В 1982 году в стране началась новая Всесоюзная компания: Партия решила обогнать признанных мировых лидеров автоматизации производства – японцев, и объявила о повсеместном создании на предприятиях серийного и мелкосерийного производства «гибких автоматизированных производств (ГАП) с элементами роботизации» (в отличии от, давно уже созданных в СССР на предприятиях массового производства, автоматических производств, как например, подшипников, часов и т.д.). Естественно, «оборонка» должна была быть впереди !

Я, как раз в то время, вернулся после двухлетнего отсутствия в «родные пенаты» - СКБ системотехники, и мне поручили найти свою «нишу» в этом новом направлении АСУ. (Недаром академик В.И.Скурихин любил, смеясь, призывать: «Каждому ученому – по своей «скважине!»).

В то время наука определяла трехуровневость систем автоматизированного управления в ГАПах: автоматического управления движением инструмента, автоматического управления станком (в основном с ЧПУ) и автоматизированного управление группой станков и транспортом. Все это были чисто технические системы управления оборудованием. СКБ системотехники занималось же организационными системами. Надо было как то «впихивать», в устоявшиеся понятия о ГАПах, и эти системы.

Решив, что в общей «шумихе и неразберихе» никто нам не предъявит серьезных претензий, мы объявили, однако с большой опаской, о четырехуровневости систем управления ГАПами. Включили туда и «родной» уровень автоматизированного управления участком ГАП.

(Как я был несказанно удивлен и удовлетворен в своем тщеславии, когда через три-четыре года, в большой основообразующей научной работе по ГАПам, под редакцией акад. Трапезникова (мэтра всех процессов автоматических систем управления в СССР того времени), и, вообще, в каждом упоминании про управление ГАПами - оно определялось как четырехуровневое. Во-истинну, пути Господни не предсказуемы, а в политизированной науке – тем более).

Но в 1982 году, выдвинутый постулат необходимо было защищать, и, главное, «вышибать» под него приличное финансирование из больших средств, выделенных государством на создание ГАПов. Для этого было разработано техническое задание на создание отраслевого Головного проекта четвертого уровня управления ГАПами, получившего название «БОЛИД». Это ТЗ необходимо было согласовать на предприятиях, создающих пилотные проекты ГАП, в Москве, Иркутске, Свердловске (Екатеринбурге), согласовать с Главными конструкторами отрасли других уровней и утвердить у Главного конструктора ГАП отрасли - директора отраслевого центрального научно-исследовательского технологического института (ЦНИТИ) в Москве.

На все это нам предоставлялось 10 дней. Кроме того в это же время в Горьком (Нижнем Новгороде) должна была проходить отраслевая конференция, на которой мы обязательно должны были присутствовать. График был достаточно жестко сжатый.

Поэтому мы, Николай Григорьевич Глушук и я, в шесть часов утра сентябрьским понедельником вылетели со Львова в Москву. (Коля Глушук, тридцатилетний ведущий инженер отдела периферийных технических средств АСУ, должен был оценить возможность создания интерфейсов со средствами автоматизации нижних уровней).

Днем мы поработали , на создаваемом участке ГАП ЦНИТИ, встретились, с курирующими эту работу в институте и отрасли, начальником отделения ЦНИТИ Алексеем Николаевичем Савиным и его заместителем, нашим старым добрым приятелем, Виталием Давыдовичем Венбриным, договорились в четверг встретиться с ними уже на конференции в Горьком, и вечером улетели в Иркутск.

Это были последние годы в СССР, когда в самолетах, если полет продолжался более 3-х часов, кормили. Поэтому не успели еще мы серьезно заснуть после взлета (ведь за этот понедельник уже хорошо устали), только сладко задремали, как нас разбудило сообщение по бортовой радиотрансляционной сети о том, что необходимо подготовиться к ужину.

Как мы не хотели спать, но кушать тоже хотелось. А тем более «на халяву»! Проснулись, подготовили столики, поужинали. Только заснули, опять нас разбудило сообщение о том, что необходимо подготовиться к промежуточной посадке и выходу (на время стоянки) в аэропорту

Новосибирска. Наконец через полтора часа, после взлета из аэропорта Новосибирска, мы крепко заснули. Но спали недолго. Опять нас разбудило сообщение, что необходимо подготовить столики – нас будут «завтракать». Тихо проклиная сервис Аэрофлота, мы позавтракали. Спать осталось немного – где-то через час с небольшим посадка в Иркутске.

Поработав день на Иркутском телефонном заводе, вечером улетели в Свердловск. Опять повторилась ситуация с ночным кормлением, так что выспаться ночью опять не удалось.

Выполнив командировочное задание в Свердловске, в среду часов в шесть вечера авиарейсом Свердловск-Горький-Рига мы отправились в Горький.

Лету до Горького было меньше двух часов, поэтому мы с Колей, удобно устроившись в креслах самолета, с опущенными до упора спинками, мгновенно спокойно и крепко заснули. Наконец-то хотя бы час поспим спокойно – ведь кормить не будут! Но не тут то было. Как только самолет набрал высоту, нас разбудило сообщение о необходимости привести спинки кресел в вертикальное положение и подготовить столики для ужина.

- ??? – нашему возмущенному удивлению не было границ.

А «ларчик» открывался просто: полет, до конечного пункта – Риги, занимал около четырех часов, и стюарты решили, быстрее, избавиться от этой работы, поэтому покормили пассажиров на отрезке полета до Горького.

Все равно разбудили – покушали.

В Горьком сели уже в темноте. Моросил дождь, и было весьма прохладно. Нас, наверное, от недосыпания, слегка познабывало. Еще в Москве нам объяснили, что из аэропорта до гостиницы «Нижегородская», где будут забронированы места для участников конференции, нужно добираться автобусом – минут сорок. Сели в темный, холодный, полупустой автобус, опустили спинки кресел, закутались в куртки, и затихли. Коля начал тихонечко сопеть – заснул. Мне было холодно, и это, повидимому, отгоняло сон. Что-то нужно было сделать, чтобы (хотя бы мысленно) согреться.

Я начал расталкивать спящего Глущука:

- Давай, Коля, вставай! Поднимай спинку! Сейчас будут кормить!

Интеллигентный, воспитанный Николай Григорьевич, вместо того чтобы послать меня куда подальше, спросонья только бормотал:

- Да не хочу я кушать! Я хочу спать! Когда это наконец закончится?!

Наконец окончательно проснулся, увидел в полумраке мою смеющуюся физиономию, сообразил, что едет в автобусе, и, несколько обиженно, заулыбался.

В гостинице администратор, в течении пяти минут, оформила нас в двухместный номер, и мы поднялись на свой третий этаж. Зашли в номер. В это время зазвонил телефон.

Уверенный, что звонит администратор гостиницы – забыла что-то сказать, я взял телефонную трубку:

- Слушаю Вас.

- Это Петр Семенович? – услышал в ответ молодой приятный женский голос.

Увидел заинтересованный взгляд своего попутчика: кто ж это может звонить к нам в номер, когда мы еще практически в него не вселились? Мгновенно решил продолжить розыгрыш своего полусонного усталого сослуживца.

- Да, это Аркадий Захарович, надеюсь, я смогу Вам оказать необходимую помощь, - весело ответил по телефону незнакомке.

После короткой паузы услышал:

- А что Петра Семеновича – нет?

- Думаю, что он уехал. Но мне приятно слышать Ваш очаровательный голос.

Глаза у Коли начали округляться: он точно знал, что с момента приезда в Горький, я ни с кем не общался, только что нас поселили в этот номер – как же какая моя знакомая уже знает, что меня поселили именно в этот номер?!

Видимо моя собеседница уже что-то сообразила, а может быть ей просто было скучно, и поэтому она решила поддержать, ни к чему не обязывающий, легкий телефонный разговор с незнакомым человеком. В общем, мы разговаривали по телефону ни о чем минут семь. Все это время Николай Григорьевич, как вошел в номер, так и стоял с открытым ртом, не раздеваясь, с командировочным портфелем в руке.

Заканчивая разговор, договорились, что моя собеседница, при возможности (оба, совершенно уверенные, что ее не будет) завтра вечером позвонит мне. Это, окончательно, убедило Колю, в невозможности осмысления произошедшего действия и неудобности вопросов о том, с кем я разговаривал. Поэтому он так и оставался в неведении о «потусторонних силах», позволяющих отслеживать наше с ним передвижение по Советскому Союзу.

Эта была первая ночь из трех, когда нам с Глушуксом удалось нормально поспать. Практически все необходимые подписи на ТЗ были собраны. Нам оставалось только получить

согласующую подпись Главного конструктора по транспортным средствам ГАП Моржанова во Владимире, и утверждающую подпись директора ЦНИТИ Сычева в Москве. Поэтому Глушук, сославшись на страшную усталость, перед сном договорился со мною о том, что он не поедет во Владимир и Москву, а в пятницу, прямо из Горького полетит во Львов.

В четверг мы провели целый день на конференции. Я договорился там с Моржановым, что в пятницу в 9 утра буду у него в КБ во Владимире – и там рассмотрим наше ТЗ. (Он еще во второй половине четверга на машине уехал домой).

Выяснил, что поезд до Владимира уходит в шесть часов утра. Поэтому собрались с Колей (который улетал во Львов в восемь утра) пораньше лечь спать. Только улеглись, позвонил телефон.

Нет, это был не тот звонок, о котором подумал милейший Николай Григорьевич. Это звонил Виталий Давыдович Венбрин, который, вместе с Савиным, жил в этой же гостинице этажом выше. Они приглашали нас с Колей подняться к ним в номер и вместе поужинать. Венбрин сказал, что все необходимые для хорошего ужина деликатесы они привезли с собой из Москвы, так что ничего больше брать с собою не надо. И хотя я был уже достаточно вымотан, и вставать на поезд завтра - надо было в пять утра, но понимая, что Савин с Венбриным будут в Москве обеспечивать получение утверждающей подписи на ТЗ, я пообещал через пятнадцать минут быть у них.

Глушук идти ужинать отказался наотрез – лучше поспать. Так как утром я должен был уходить на час раньше его, и понимая, что когда я сегодня вернусь, Коля уже будет крепко спать, попрощался с ним, пожелал приятного полета до Львова, и, вздохнув, отправился на «званный ужин». Этикет требовал все же что-то с собою принести. Заходя на четвертом этаже в буфет, чтобы купить бутылку коньяка, увидел Савина, покупающего коньяк. Пока он меня не увидел, вышел в коридор и спустился на пол марша по лестнице вниз. Через пять минут вернулся в буфет, купил коньяк, завернул бутылку в газету и направился по назначению. Зайдя в номер к москвичам, увидел, что стол уже накрыт. На столе стояли большая импортная литровая бутылка апперитива и коньяк. Поэтому положил свой сверток на кровать и сел за стол.

За апперитивом и хорошей, действительно деликатесной, закуской, разговор за столом шел легко и непринужденно. Тем более, что собеседники мне были приятны. С высоким, интеллигентным сорокапятилетним красавцем Венбриным, Главным конструктором ЕСТПП отрасли, мы были знакомы уже лет семь, и всегда импонировали друг другу. С его теперешним непосредственным начальником, Алексеем Николаевичем Савиным познакомился пару месяцев тому назад, и как мне показалось, сразу нашли «общий язык». Савин – невысокий, плотный, пятидесятилетний человек, внешне имел просто потрясающее сходство с популярным в те годы цирковым клоуном Олегом Поповым. Поэтому, пожалуй, единственным неудобством для меня в общении с Савиным - было постоянное внутреннее желание при обращении к нему сказать вместо «Алексей Николаевич» - «Олег Николаевич».

Как я не был устал, но приятное общество позволили мне вместе «с сообщниками» опустошить бутылку апперитива. Но когда Венбрин стал разливать коньяк, я сказал, что все, «баста», устал, рано вставать – больше не пью!

- Интересно! Я потратился, а он отказывается пить мой коньяк! – вдруг услышал я голос Савина.

Не понимаю почему, но это «я потратился» - вдруг подействовало на меня, как красная тряпка на быка. Усталость сразу прошла, слабый хмель от апперитива тут же испарился, и я сказал:

- Ну что ж давайте!

Венбрин удивленно посмотрел - это как-то было на меня не похоже. Я забрал у него из рук бутылку коньяка, налил себе в стакан достаточно много, и долил их порции до моей. Мы выпили. Я тут же вновь наполнил стаканы, и произнес какой-то тост, за который не выпить было нельзя. Снова выпили и закусили. Я тут же наполнил стаканы, и опять что-то произнес. Начиная с этого момента, пользуясь узурпированной за столом властью, я уже только наполнял стаканы Савина и Венбрина, и произносил соответствующие тосты. Они пили, а я мягко незаметно «пропускал», и мгновенно наполнял снова их стаканы. Когда прикончили эту бутылку коньяка, я уже мог, не скрываясь, не пить – на мой стакан обращать внимания у них сил уже не было.

Я взял с кровати и открыл вторую бутылку коньяка. Когда мы (точнее они) ее выпили на тричетверти, Виталий Давыдович тяжело поднялся из-за стола и направился в санузел. Появился он оттуда минут через десять с лицом совершенно синего цвета и бессмысленным взглядом, прошел прямо к своей кровати, рухнул на нее и заснул.

Савин встал из-за стола, и, покачиваясь с приличной амплитудой, попытался призвать своего подчиненного к продолжению «разговора». Так как «стоял» он около своей кровати, то улучшив момент, когда вектор «качки» был направлен в ее сторону, я легонечко подтолкнул «Олега Попова». Он свалился на кровать и тоже мгновенно заснул.

Я осмотрелся вокруг. Кавардак в комнате был полнейший. Опустошенные бутылки и тарелки на столе вкупе с пьяно похрапывающими хозяевами говорили о том, что рискованно сорвавшаяся фраза «я потратился» - нашла достойное отмщение. С улыбкой я вышел и захлопнул дверь номера.

В пятницу в 9 утра я уже был на проходной КБ Моржанова во Владимире. Моржанова на работе, естественно, еще не было. Появившись к половине десятого, он очень удивился моей пунктуальности. Поэтому, в течении 2-х часов, согласовав все вопросы взаимодействия двух уровней управления, Моржанов подписал ТЗ, и мы попрощались.

В понедельник утром я должен был быть в Москве в ЦНИТИ. Поэтому передо мною встала дилемма: то ли уезжать на выходные в Москву, то ли провести их во Владимире, в котором был впервые. Я, конечно, выбрал второй вариант. На удивление легко устроился в лучшую гостиницу города, и так как был здесь впервые с удовольствием пятницу и субботу осматривал достопримечательности этого старинного русского города. В воскресенье посетил знаменитый Суздаль, и стал считать себя большим знатоком Золотого кольца России.

В десять утра в понедельник, с проходной ЦНИТИ, я позвонил Венбрину с просьбой заказать пропуск. Оказалось, что пропуск уже заказан, и Венбрин с Савиным уже давно, с самого начала рабочего дня, ждут меня в кабинете Алексея Николаевича.

Захожу в кабинет Савина. Савин сидит за столом, Венбрин стоит за его спиной. Оба вопрошающе смотрят на меня. Здравуюсь, сажусь, и, как ни в чем не бывало, начинаю рассказывать, что все согласующие подписи получены, надо идти к Сычеву - утверждать ТЗ.

Моих собеседников это, явно почему то, мало интересует.

- Аркадий Захарович, это потом ! – перебивает меня Савин. – Ты нам лучше объясни, что же произошло в Горьком ?

- В каком смысле ? – “удивляюсь” я

- Ну, вечером, в номере, когда мы ужинали, - объяснил Савин, дрожащим от внутреннего напряжения голосом.

Умоляющий взгляд, стоящего за ним, Венбрина был еще более красноречив.

- Не понимаю о чем вы ? – начал неуверенно я, всем своим видом подтверждая свое удивление. – Ну, посидели мы, поужинали, попили аперитив. Кстати очень вкусный, подскажите, где он в Москве продается – куплю домой. Поговорили, договорились вот сегодня встретиться здесь. И я пошел спать. А что еще?

- А коньяк мы пили? – неуверенно вступил в разговор Виталий Давыдович

- Да что-то, по-моему, выпили грамм по тридцать, но я очень устал и сразу ушел.

- Откуда же взялась вторая бутылка коньяка? – этот вопрос Савина больше адресовался Венбрину, чем мне.

- А вы что, выпили всю бутылку коньяка? Ну дайте! Никогда б о вас такое не подумал бы, - рассмеялся я.

Но моим собеседникам было не до смеха. Ни одного из них нельзя было подозревать в болезненном пристрастии к алкоголю. В этом, были очевидно глубоко уверены и они сами. А тут такое случилось. Особенно тяжело, как видно от невозможности понять произошедшее, приходилось интеллектуалу Венбрину.

- Да понимаете, Аркадий Захарович, мы проснулись утром в пятницу и ничего не помним. На столе пустые бутылки от апперитива и коньяка, и недопитая бутылка коньяка. - Я привез апперитив с собою, Алексей Николаевич купил коньяк в Горьком, а недопитая бутылка ...? – рафинированный интеллигент Венбрин был совершенно растерян.

- Откуда же взялась вторая бутылка коньяка? – теперь уже Виталий Давыдович подозрительно посмотрел на своего шефа.

“Олег Попов” встал, широко расставив ноги, и, совсем как его знаменитый двойник на арене, красноречиво развел руками.

Я решил подлить масла в огонь.

- Да, хорошо же вы «набрались», если не помните кто из вас бегал за бутылкой! Ну да ладно, какое имеет это сейчас значение? Я думаю, что вы еще неоднократно сумеете отдать друг другу этот долг и повторить Горьковские подвиги!

В глазах моих собеседников появился откровенный ужас, и они, одновременно, как бы про себя, прошептали:

- Не дай бог !

СПИРАЛЬНЫЕ ВИЛКИ

Шли первые дни июля 1984 года.

Во вторник я прилетел в Москву на один день для решения каких-то вопросов в Министерстве. Потом должен был побывать (уже вместе со своими сотрудниками) во Владимире у Моржанова, на Александровском радиозаводе, и вернуться снова в Москву в ЦНИТИ.

Договорился встретиться с сотрудниками, Ниной Алексеевной Соболевой и Лесей Витер, во Владимире в среду, а с Олегом Гармашем - в Москве на следующей неделе в понедельник.

В среду утром встретился в СКБ Моржанова с Соболевой и Витер. За первую половину дня провели плодотворное согласование вопросов с сотрудниками КБ, но подписать конечный протокол не смогли – сам Моржанов был в командировке и должен был появиться только в четверг к концу дня.

Делать нечего – надо ждать. Благо мы находимся на территории Золотого Кольца России. Здесь скучать не приходится. Сколько раз не приезжай – все равно находится что с большим интересом посмотреть, хоть впервые, хоть вторично ... Тем более, что мои спутницы были во Владимире в первый раз.

Внешне совершенно разные: Нина Алексеевна Соболева – высокая, сорокалетняя, подтянутая, уверенная в себе, женщина, и хрупкая, грациозная, несколько застенчивая, невысокого роста, двадцатичетырехлетняя Лесья Витер, обе, однако, думающие головами (а не демонстрационными задами), создавали, на удивление, спаянный и плодотворный тандем как в работе, так и прекрасный - в общении.

В этот день осмотрели достопримечательности Владимира, на следующий – утром съездили в Суздаль, побывали в монастыре и на знаменитом заповедном лугу (уникальное и очень красивое место, рядом с очаровательной церковью Покрова на Нерли) . После обеда подписали у Моржанова акт и уехали в Александров.

Когда в конце 60-х годов я впервые побывал в Александрове, самое большое впечатление на меня произвела (в этой старинной, знаменитой по истории жизни Петра Первого, – Александровской слободе, огромная, во всю привокзальную площадь, лужа, которая не позволяла просто перейти на другую сторону – только «вплавь». Действительно старина!

Кроме того мне тогда объяснили, что так как Александров расположен на 101-ом километре от Москвы, то здесь оседают все кому запрещено селиться ближе чем в 100-километровом радиусе от столицы.

Теперь же, через полтора десятка лет, приехав, поселились в девятиэтажной современной «стекляшке» - гостинице «Александров», и я решил, что от времен Петра I мало что в Александрове осталось.

В пятницу весь день провели на радиозаводе, концептуально договорились о продолжении совместных работ. На этом моя миссия в Александрове заканчивалась. Витер и Соболева должны были остальное детализировать здесь на следующей неделе сами.

Но впереди были суббота и воскресенье. По своему обыкновению я решил их провести не в Москве, а здесь – на периферии.

Утром в субботу собрались осмотреть достопримечательности Александровской слободы. Но испортилась погода, резко похолодало, моросил мерзкий холодный дождик. Зонты у нас всех с собою были, но Леся захватила в эту июльскую командировку только летние футболки, и, как она расстроено призналась, легкое летнее праздничное платье. И та, и другая одежда были явно не по погоде. Вся одежда Нины Алексеевны ей явно не подходила – другой рост, другой вес ... Что же делать? Не сидеть же два дня в гостинице?

Я предложил Лесе померить на себя, последнюю оставшуюся у меня свежую, запасную, достаточно плотную, рубашку с длинным рукавом, цвета болотной зелени. На удивление, с закатанными рукавами, на Лесе она выглядела как достаточно приличное короткое закрытое платье. Удовлетворенные таким утеплением Витер, мы отправились на экскурсию по городу.

Вечером договорились, что завтра рано утром поедem в российский центр православия – Загорск.

В воскресенье, 7 июля, в шесть утра встали и, не завтракая, поехали в Загорск. До Троицко-Сергиевой лавры добрались только перед одиннадцатью. В главном храме Лавры скоро должна была начаться воскресная служба. Народу в огромном зале пока было немного, и я отправился в центр зала осматривать, стоящие на подставках, иконы. Мои спутницы где-то несколько отстали. Увлечшись осмотром, не заметил, как зал полностью заполнился, и началась служба. Так как я, с детства воспитанный в атеистическом духе, на таком действе находился впервые, то с интересом слушал и осматривался. Люди стояли вокруг достаточно плотной толпой, и мысли их всех были далеко – они действительно молились. Мне стало неуютно из-за своего праздного любопытства в этом, искренне верующем, людском круге.

(Я вспомнил историю, когда впервые глубоко осознал глубину истинной веры и навсегда проникся уважением к искренне верующим людям.)

Где-то в году 1964-65-том, летом, мы - комсомольский актив Львовского телевизионного завода, как и других предприятий города, получили указание в субботу в 10 утра прибыть на молодежное гулянье в львовскую зону отдыха Погулянка.

Приехав около одиннадцати на Погулянку, я уже застал гулянье в разгаре: одна группа комсомольцев с криками «ганяла» в футбол, другая организовала хор, и с задором исполняла комсомольские песни, но большинство крутилось около, обильно вывезенных на гулянье, буфетов, и «заправлялось» пивом и шашлыками. Несмотря на достаточно большое пространство огромной парковой поляны, шум вокруг стоял несусветный.

Но вдруг я обратил внимание на непонятную группу людей, стоящую на краю этой поляны. Человек сто, образовав плотный круг, стояли спиной ко всем, и о чем-то тихо разговаривали и пели. А вокруг бурлило веселье. Но никто из замкнутого круга на это не обращал никакого внимания.

- Что это за люди? – обратился к кому-то, из веселящихся.

- Да это какие-то сектанты, кажется баптисты, проводят свой всесоюзный съезд.

Мне сразу все стало ясно: повидимому, власти не смогли запретить этот съезд, и решили помешать его проведению, городским комсомольским «гуляньем».

Смотрел на круг, довольно серо и бедно одетых людей, отрешенных от всего окружающего, но духовно возвышающихся своей верой над веселящейся вокруг них толпой, и, одновременно с возникающим чувством глубокого уважения к этим людям, мне стало так стыдно за участие в этой акции, что я и сейчас это чувство стыда буквально физически ощущаю).

Я оглянулся назад - надо же как-то выбираться из храма. Но до выхода было достаточно далеко, и все это пространство было заполнено, плотно стоящими один к одному, молящимися прихожанами. Возле выхода я увидел своих спутниц, внимательно следящих за течением службы.

Вдруг, стоящая рядом со мною, пожилая женщина, лет семидесяти, продолжая молиться, опустилась на колени, Это же сделал и мужчина средних лет, стоящий через несколько человек от меня. Не зная правил поведения во время молитвы в церкви, я с ужасом подумал: « Боже, а если они по регламенту все сейчас коленапреклонятся? Я же буду стоять, как столб по центру храма! Что же делать?». Но служба продолжалась, и все на колени не стали. Я стал успокаиваться.

А тут новая неприятность. Время уже было после полудня, а во рту у меня с утра – ни крошки. Начало несколько подташнивать: что-то надо «бросить в желудок».

Осматриваясь вокруг, вдруг заметил, в противоположном от иконостаса конце зала, стойку, на которой монахи начали что-то раскладывать. К стойке потянулась очередь, только что молившихся, людей. Монахи каждому из них давали какую-то булочку и что-то запить.

«Вот это сервис, - подумал я. – В церкви есть буфет. Это то, что как раз надо !»

Я стал пробираться к своим спутницам.

- Девочки! Смотрите, вон открылся буфет, - обратился я к ним.

У Леси испуганно округлились глаза, и она резко дернула меня за рукав.

- Тише, Аркадий Захарович! Да Вы что?! Это же просфоры! Давайте выходить из церкви!

Когда вышли из храма, я поинтересовался у Витер откуда она знает эти подробности.

И она мне открыла секрет (для тех времен):

- Во-первых, меня неоднократно водили в церковь, а во вторых, у меня дядя – греко-католический священник.

Это, действительно, был большой секрет – Уния (греко-католическая церковь) в то время была запрещена. И я был приятно польщен доверием сотрудницы.

(В связи с этим я вспомнил рассказ очевидца и участника запрещения Унии.

В году 1976, в поезде Львов-Киев, оказался в одном купе с директором электроновской базы отдыха в Винниках - Вишневским, как его тогда называли «директором «Электрона» по пескарям». Это был достаточно пожилой человек, давно уже пенсионер, который в 40-х –50-х годах работал заведующим отделом культов Львовского облисполкома.

Так вот вечером, коротая время, он мне поведал трагикомическую историю, участником которой сам был.

В 1946 году готовилось запрещение Унии. Вся работа проводилась во Львове. Практически все было уже подготовлено. Необходимы были только (как было принято в те времена) «требования об этом представителей народа» и публичная поддержка этих «требований» кем-то из иерархов неугодной конфессии. С первым проблем не было, а вот с иерархами было посложнее. Но тут госбезопасность на чем-то «прихватила» архиепископа Костельника. И он был вынужден согласиться поддержать «требующий народ».

Однако поставить свою подпись под соответствующим заявлением, Кастельник все не решался – тянул время. А Москва торопила львовские власти. Тогда был распущен слух о том, что есть решение об аресте Кастельника. И архиепископ «сломався». Он пригласил представителей облисполкома и кураторов этого вопроса от госбезопасности к себе в резиденцию - для окончательного согласования сценария достаточно постыдного «процесса».

Вишневский со спутниками приехал в назначенное время. Настроение у них было отличное: сложная задача приближалась к окончательному решению, а, кроме того, в этот тяжелый голодный год, они надеялись неплохо поесть у, слывущего далеко не бедным, архиепископа.

Их провели в зал, по центру которого стоял простой дубовый стол и лавки возле него. Расположились за этим столом и начали обсуждение. Оно шло тяжело и нервно. Кастельника давили немилосердно. Он нервничал и злился. Но вдруг прервал свою вомощенную речь и сказал:

- А что же мы так – всухую ?

Хлопнул в ладони и приказал, появившемуся служке, накрыть на стол. Представители власти довольно переглянулись – наконец-то ! На столы поставили четверти самогона, черный хлеб и квашенную капусту. И... все !

Кастельник пригласил всех выпить и закусить.

Гости опять переглянулись – вот жмот! Но так как были голодны, то и налегли на самогон с черным хлебом и квашенной капустой «на всю катушку».

Когда обсуждение завершилось, «давители» были уже совсем осоловелими от, «на халяву», выпитого и съеденного.

Кастельник внимательно осмотрел своих, далеко не приятных, гостей и произнес:

- А вот теперь мы действительно можем поужинать !

Распахнул двери в соседнюю комнату – там «обожравшиеся» увидели, богато накрытый стол, прогибающийся от обилия всевозможных деликатесов и изысканных напитков.

Но ни пить, ни есть у «обидчиков» уже сил не было. А как хотелось бы попробовать лакомства с этого стола ! Поэтому вид у них стал жалкий и расстроенный. Оглянувшись, увидели, злорадно улыбающегося в бороду, казалось бы поверженного, архиепископа.

Кастельник через несколько лет был убит за предательство фанатом-верующим на одной из улиц Львова).

На предложение спутниц пойти пообедать в Загорске, я выдвинул контр-предложение: перекусить пирожками, досмотреть Лавру, а обедать уже в Александрове.

- Но Вы ведь завтра рано утром уезжаете в Москву, а 8 июля, мы помним, Ваш День рождения, - вдруг заявили мои спутницы. – Мы должны это отметить сегодня!

Мне была приятна хорошая память дам:

- Вот в Александрове, в ресторане гостиницы, вечером - и отметим.

Перекусили и пошли дальше осматривать Лавру. Часов в пять добрались до ворот ограды духовной академии и семинарии. Возле закрытых ворот собралась разношерстная толпа экскурсантов, задающая, дежурившему семинаристу бесчисленное количество, явно провокационных, вопросов. Как по мне, то семинарист должен был уже давно «взорваться» и послать всех - куда подальше. А этот совсем еще юнный, лет семнадцати, служитель культа, делая вид, что не видит издевательства толпы, спокойно и с огромным внутренним достоинством, отвечал на вопросы.

- Боже, какой кроткий! – услышал я рядом восторженный шепот Леси. (Я, этот восторг тогда не понял – все приходит с годами)

В это время пошел дождь, и мы поспешили на железнодорожную станцию – «домой» в Александров.

Промокшие (в Александрове дождь был еще сильнее), добрались до гостиницы часам к восьми вечера. Разбежались сушиться и переодеваться по своим номерам, договорившись через 20-25 минут встретиться в зале ресторана на 1-ом этаже.

Через пятнадцать минут я входил из холла гостиницы в ресторан – ведь надо было «добыть» столик (воскресенье все же) и заказать праздничный обед-ужин.

Огромный зал ресторана был наполовину пуст. Но удивительное зрелище представляли его немногочисленные посетители. В папиросном дыму люди сидели за столиками в мокрой от дождя верхней одежде, кое-кто в куртках, очень похожих на ватники, и сапогах. На столах, в основном, стояли граненые стаканы и кое-где бутылки, а вот тарелок совсем видно не было. Кстати, так же как и женщин.

Представив себе, как мои спутницы будут искать меня в этом зале, я пристроился за ближайшим от входа столиком у стены, за которым уже сидел мужчина средних лет. На столике стоял пустой стакан, и ... больше ничего. Мужчина сказал, что собирается уходить. Большой дубовый, под деревенский, стол был рассчитан на 6 человек, с каждой стороны его стояло по длинной лавке. Мой ви-за-ви поднялся, на удивление, вежливо попрощался, и ушел. Провожая его взглядом, я увидел еще один вход в ресторан – прямо с улицы, охраняемый стражем закона.

На душе несколько полегчало.

Вдруг, несмотря на огромное количество свободных мест в зале, за «мой стол» попросили разрешения присесть двое мужчин.

- Я ожидаю дам , - ответил я.

- Ничего, мы быстро, - с удивлением посмотрев на меня, ответили непрошенные соседи, устраиваясь за столом, напротив меня.

Подошла немолодая официантка.

- Клавочка, нам как всегда, - заказал один мужчин.

Клавочка улыбнулась, кивнула и , не взглянув на меня, удалилась.

Через пару минут вернулась, неся на пластмассовом, «столовском» подносе, два граненых стакана водки, и ... одну конфетку «Ромашка», к моему большому удивлению, лежащую в большой глубокой тарелке для первого блюда.

Я попросил у официантки меню, Она, почему-то, тоже удивленно взглянула на меня, и , пообещав через минуту вернуться, побежала к паре , как видно, своих постоянных клиентов, только что зашедших в зал.

Мои соседи, неспеша, развернули конфету, разломали ее пополам, залпом выпили ,каждый свои двести грамм, и «сладко» закусили .

В это время, за моей спиной открылась дверь из холла гостиницы, и появились Нина Алексеевна и Леся. Я это сразу понял по расширившимся глазам моих ви-за-ви.

Оглянулся. В дверях стояли, удивленно рассматривая зал, мои спутницы.

Да, в этом зале, наспех выпивающих и, практически, не закусывающих, александровских аборигенов, появившаяся пара, не могла не произвести впечатления, спустившихся откуда-то из космоса, неземных существ.

Высокая подтянутая Соболева, в темной кофточке и джинсах, и миниатюрная Витер, в голубом ярком праздничном платье, явно не вписывались в интерьер «фешенебельного», лучшего и единственного в Александрове, ресторана. (Соврал, еще на вокзале был какой-то «гадюшник»)

Я встал и предложил дамам занять места на лавке возле стенки. С одной стороны их охраняла бы эта самая стена, с другой – я, сзади столиков не было – только дверь в гостиницу, а впереди большой дубовый стол. (За время ожидания разработал прекрасную диспозицию!)

Наши соседи по столу, галантно извинившись, несколько раз оглядываясь, поспешили ретироваться.

- Ну, что же девочки, теперь, наконец, хорошо покушаем и отпразднуем мой завтрашний День рождения, - улыбаясь, но не совсем уверенно, сказал я, глазами разыскивая пропавшую официантку.

Наконец она появилась. Очередной раз попросил меню.

- На кухне уже все равно ничего нет, - услышал ответ.

- ..... ? - Но мы целый день ничего не ели ! Помогите пожалуйста ! – растерянный, я старался быть как можно более обворожительным – есть то хотелось, да и «должность» предменника обязывала.

- Ну, может быть, найду для вас макароны, - смилостивилась Клавочка.

- А к макаронам ? Какое-нибудь мясо?! И что-нибудь на закуску, - я наконец начал обретать дар речи.

- Я же вам сказала, что на кухне уже ничего нет! – возмутилась официантка.

- Ну хоть бутылка шампанского у Вас найдется?! – взорвался я. – У меня все же день рождения !

Официантка взглянула на меня и , ничего не сказав, удалилась.

Я посмотрел на «моих гостей». Они были растеряны еще более меня.

Вернулась Клавочка. Широко улыбаясь, она поставила на стол три тарелки с холодными макаронами и бутылку шампанского.

- Ради Вашего Дня рождения я выпросила и котлеты, - радостно сообщила она нам.

Действительно, на тарелках лежало по маленькой плоской котлетке, больше похожей на недоделанную тефтельку.

Я искренне поблагодарил «благородную» служительницу ресторанного сервиса, но попросил принести приборы для еды и фужеры.

- Сейчас , сейчас, одну минуточку, - раскудаhtалась «очаровательная» Клавочка.

– Уже несусь!

Минут через десять, она снова появилась, поставила на стол три граненых стакана, сомнительной чистоты, и положила три вилки. Но какие это были вилки !!! Алюминивые, скрученные спиралью, и, изогнутые, в трех плоскостях. Эксклюзив !

- Приятного аппетита и хорошо проведенного вечера! – удаляясь, неожиданно пожелала наша александровская «благодетельница». И я решил не обременять ее просьбой о хлебе и, каких-то там, ножах, – это было бы уже слишком!

Под тосты за мой день рождения, за присутствующих прекрасных дам, за будущие командировки с продолжением ознакомления с Золотым Кольцом России, выпили эту бутылку шампанского, закусывая макаронами с котлетой-тефтелей, и отправились спать.

А ЕСТЬ ТАКОЙ САМОЛЕТ ?...

Монополия Львовского института информатики и управления на создание АСУП в рамках Головного проекта отрасли на всех заводах Министерства промышленности средств связи СССР – многим не нравилась (и они были правы, так как мы специализировались на массовом и крупносерийном производстве, а серийное и мелкосерийное производства, основные в Министерстве, - не были нашим «коньком») Естественно, появлялись заводы, утверждающие, что они « и сами с усами».

Непримиримую борьбу с «бунтовщиками» возглавлял главный инженер нашего института Михаил Федорович Кудрик, человек неиссякаемо энергичный и безмерно увлекающийся. В связи с этими своими, в принципе, очень положительными качествами, он возносил до небес человека - ему чем-то понравившегося, и, так же жестко его втапывал «в грязь», когда этот человек ему почему-то «разонравливался». Это создавало ряд осложнений в работе не только сотрудников самого института, но и во взаимоотношениях института и партнеров.

Одним из заводов, создававших свою систему АСУП, и претендовавших на признание этой системы Головным проектом отрасли в мелкосерийном производстве, был Иркутский радиозавод. Возглавлял эту работу на заводе Ефим Захарович Миркин.

В конце июля, по-моему 1985 года, во вторник меня вызвал к себе директор института Юрий Петрович Шкуркин и сказал, что в четверг я должен быть в Иркутске на отраслевом совещании по созданию АСУ производствами. Совещание должно быть интересным, всеобъемлющим и, поэтому, продолжительным – десять дней. Его будет проводить начальник Главного производственного управления Министерства Чельцов, человек с которым у института, как не старались наши руководители, тесные деловые отношения не складывались, также как и с начальником отдела АСУ этого Управления - Никольским. (А от них в значительной мере зависело дальнейшее бюджетное финансирование работ института).

Я стал отбиваться от неожиданной командировки, объясняя, что не могу уехать сейчас со Львова, тем более надолго и далеко – более чем за три тысячи километров, потому что моя, достаточно пожилая, мама остается одна – брат с семьей уехали отдыхать.

Тогда Юрий Петрович показал мне министерскую телеграмму, подписанную Чельцовым, и предписывающую Шкуркину лично прибыть в Иркутск в командировку на десять дней.

- Но я никак не могу, - объяснял Юрий Петрович, - на этой неделе уехать со Львова. - Если, Аркадий Захарович, необходимо будет задержаться на будущую неделю, то Вы мне позвоните в субботу, и я на понедельник прилечу в Иркутск. А вы вернетесь во Львов, - уговаривал шеф. – А для того, чтобы обеспечить непрерывность нашего присутствия на этом совещании, задержите на неделю в Иркутске Соболеву. Она ведь там сейчас находится в командировке?

- Хорошо, Юрий Петрович, я сейчас свяжусь с Ниной Алексеевной и предупрежу ее, но, - предпринял последнюю попытку я, - пускай туда летит Михаил Федорович. Это же и порангу будет лучше!

- Да , Вы были бы правы ... Но ведь в последний приезд Миркина к нам, Михаил Федорович с ним так поговорил ... А ведь Миркин организатор этого совещания в Иркутске, и у него очень хорошие отношения с Чельцовым. Я Вас очень прошу – полетите !

Оставалось только кивнуть головой.

Пошел, взял билеты на среду на самолет Львов-Москва на 15 часов и Москва-Иркутск на 21 час.

В среду в часов 12 дня зашел к Юрию Петровичу, доложил, что улетаю, и получил очередные заверения, что в понедельник он сменит меня в Иркутске.

В четверг в половине восьмого утра я уже был на проходной Иркутского радиозавода.

Так как я улетаю со Львова с внутренним глубоким убеждением, что не задержусь в командировке в Восточной Сибири больше чем на два дня, то никаких вещей с собой не взял. Надеюсь на хорошую погоду, я полетел в Иркутск в тонких летних брюках, в джинсовой рубашке с закатанными рукавами и ... все. В руках у меня была только тоненькая папочка с документами.

Когда около девяти утра на проходной появились во главе с Никольским, прибывшие еще вчера участники совещания, среди которых уже была и Нина Алексеевна Соболева, их удивило мое столь раннее появление на проходной – они уже были проинформированы, что еще вчера днем я был на работе.

- А где же Ваши вещи? – поинтересовалась Нина Алексеевна.

- Их у меня нет – услышали все мой ответ. – Я же сегодня решаю все необходимые вопросы, подписываю протокол, Вы остаетесь, а я улетаю во Львов.

Решив, что это шутка, все заулыбались, а Никольский нахмурился .

Началось совещание. Чельцова не было, и, как оказалось, он вообще не прилетит – задержал Министр.

По моему настоянию, сразу был очерчен круг вопросов, по которым должны были быть приняты решения с участием нашего института, и с них начали обсуждение. Я так «старательно» работал, что к обеду мы все эти вопросы рассмотрели. После обеда сформировали протокол, и все его к пяти вечера подписали. Решили, что на сегодня – достаточно.

- Ну, по-видимому, ко мне вопросов больше нет, - обратился я к Никольскому, - и я могу улетать? Остается Нина Алексеевна – она проинформирует потом Шкуркина о других вопросах, которые здесь будут рассматриваться.

Никольский хмуро посмотрел на меня, задумался, и , как видно, не найдя, необходимой для возражения, аргументации , - кивнул головой.

- Да ты что, Аркадий Захарович, - вмешался Миркин, - я же знаю, что ты давно мечтаешь побывать на острове Песчанном, на Байкале. А мы на субботу и воскресенье организовываем туда выезд с ночевкой!

Предложение было очень заманчивым, но ...

Все сели в микроавтобус – ехать в гостиницу. Я попросил по дороге завезти меня в аэропорт. Заместитель Миркина рассмеялся:

- Да нет билетов ни на один рейс на ближайшие пять дней. Мы вчера через КГБ пытались достать билет на Москву – и даже они ничего не смогли сделать. Сейчас же лето и все едут на юг в отпуска: и старатели, и охотники, и строители. А у них денег много – поэтому срочно достать билет невозможно.

Но я настаивал, поэтому поехали в аэропорт. Там было настоящее столпотворение – люди здесь ожидали возможности улететь в отпуск по несколько дней. Я разобрался, что все рейсы в западном направлении осуществляются сегодня после полночи, и поэтому сел назад в микроавтобус и поехал в гостиницу.

Оформляться в гостинице не стал, быстренько перекусил со всеми (накрыли стол у кого-то в номере) , попросил, чтобы Соболева пустила меня , пока они будут продолжать возлияния, в свой номер пару часов подремать – все таки я здорово устал. Нина Алексеевна отвела меня в свой номер, и пообещав разбудить в 23 часа, закрыла его на ключ снаружи.

Ровно в пять минут двенадцатого я проснулся. Пошел , умылся. Никто не приходит меня выпускать. С большим трудом, разобрался, как позвонить в номер, где «гуляло совещание».

Прибежала Соболева, выпустила и объяснила, что никто все равно не верит, что я улечу. Пошел, попрощался со всеми.

- Все равно ты поедешь завтра с нами на Байкал, - услышал чей-то голос и дружный смех за спиной, закрывая дверь номера.

В свои летние командировки Сибирь я понял аксиому – там никто не просит билет в пункт назначения: просят авиабилет «на Запад» или авиабилет «на Восток» (исключение составляет только, как пункт назначения, – Москва, но туда билет достать летом всегда было очень сложно).

Поэтому пробрался к кассе и сообщил, что готов взять любой билет «на Запад».

- Вы не один, тут пять или шесть семей уже третьи сутки не могут туда улететь, - услышал в ответ.

Посмотрел еще раз на расписание. В нужном мне направлении за ночь летело около десяти самолетов, и все транзитные – значит заполненные. Да, кажется правы были были иркутчане – билеты достать невозможно. Отошел от кассы, и стал наблюдать за толпой возле нее. Один за другим шли объявления об отправляющихся рейсах, но я не видел, чтобы кому-нибудь

продали в кассе билеты. Свободных мест, в транзитных рейсах, просто не было. Я даже не пытался использовать свой коронный номер - ссылку на льготы по приказу «Аэрофлота» для некоторых категорий работников предприятий «оборонки». Понимал – безнадежно.

Где-то в половине второго ночи объявили о посадке на рейс, летящий в Одессу. Я отвернулся. Это ведь прямо на юг, на курорт – совершенно безнадежно. Но минут через десять услышал:

- Кто хотел лететь на запад ? Есть один билет.

Как сумасшедший сорвался с места и бросился пробиваться к кассе. Оказалось мне крупно повезло: среди «страждущих» был только я «одиночка», всем остальным желающим нужно было как минимум два билета. Повезло!!!

В пятницу, в половине восьмого утра, я из Одесского аэропорта набрал телефон Шкуркина.

- Алло, - услышал сонный голос шефа.

- Юрий Петрович, это Брискин. В Иркутске все в порядке, все вопросы порешали, протокол подписал. Так что Вам в Иркутск лететь не нужно.

- Да...? Так быстро ....? А откуда Вы говорите ?

- Из Одессы. Я только что сюда прилетел

- .....?

В телефонной трубке слышалось только дыхание ЮПа. Он явно пытался спросоння сообразить, что же в моей информации его смущает и вызывает недоверие. « Ага, Брискин же только позавчера, в среду днем был в моем кабинете , а сегодня пятница, раннее утро и он уже почему-то в Одессе? А когда же он был в Иркутске?»

Со сна, Юрию Петровичу решить эту задачу было явно не по силам, и поэтому я услышал совершенно потрясающий вопрос:

- А что есть такой самолет - Иркутск-Одесса?

- Нет, Юрий Петрович, такого самолета нет, - уже откровенно смеясь, ответил я.

– Есть самолет, выполняющий рейс : Хабаровск-Иркутск-Свердловск-Одесса.

Получив удовольствие от разговора с шефом, и чувствуя себя человеком, который все может, я пошел в кассу брать авиабилет во Львов.